

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛОВАЦКОМУ ЯЗЫКУ

Москва

1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛОВАЦКОМУ ЯЗЫКУ

Москва
1992

СТАТУС КАТЕГОРИЙ
ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ,
АНИМАЛЬНОСТИ И ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Первый в отечественной славистике сборник статей, специально посвященный словацкому языку. В синхронном и диахроническом плане исследуются актуальные теоретические проблемы лексикологии, словообразования и грамматики. Ряд статей имеет ярко выраженный сопоставительный характер. В научный оборот вводится новый, порой уникальный языковой материал.

Составитель и ответственный редактор
доктор филологических наук Смирнов Л. Н.

Вопрос о статусе категорий одушевленности-неодушевленности (в дальнейшем для краткости изложения данную категорию мы будем называть категорией одушевленности), анимальности и персональности в словацком языке, а также о их соотношении друг с другом до настоящего времени сохраняет свою актуальность. Без его решения остается неясной структура категории одушевленности, т. е. вне поля зрения исследователей оказывается один из аспектов взаимодействия морфологии и лексики.

Рассматриваемая проблема в той или иной степени освещалась в целом ряде работ. Следует, однако, заметить, что исследователи придерживаются самых разных точек зрения как на характер категории одушевленности, ее связей с категорией рода, так и на статус категорий анимальности и персональности. При этом, как правило, отсутствует убедительная аргументация выдвигаемых концепций, основанная на четких теоретических положениях.

Ряд лингвистов рассматривает одушевленность как один из компонентов категории рода. Так, Ф. Мико выделяет в словацком языке три основных члена родовой оппозиции: мужской, женский и средний роды, однако внутри мужского рода он предлагает вычленять мужской одушевленный и мужской неодушевленный, а внутри среднего рода – особый подрод существительных, обозначающих детенышей¹. Я. Горецкий выделяет в словацком языке пять членов родовой оппозиции: женский, средний, мужской одушевленный, мужской неодушевленный и анимальный роды².

Рассматриваемые категории объединяет с категорией рода и Э. Паулини, выделяющий в словацком языке мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний роды³.

Некоторой особенностью отличается точка зрения румынского лингвиста И. Кицимии⁴. В своей работе автор затрагивает материал словацкого языка, считая, что в нем так же, как и в польском, следует выделять личномужской и неличномужской роды. И хотя он не отрицает определенных различий между названными категориями в польском и словацком языках, однако полагает, что они не существуют.

Аналогичная точка зрения высказывалась и в работах И. И. Ревзина⁵ и З. Штибера⁶.

Ряд авторов считает категорию одушевленности самостоятельной морфологической категорией. Подобной точки зрения придерживался А. В. Исаченко, который выделял также лексико-грамматический разряд персональности. Однако анимальность он не квалифицировал как лексико-грамматический разряд⁷.

К числу авторов, признающих категорию одушевленности в словацком языке морфологической категорией, принадлежит Р. Крайчович, считающий, что в словацком языке представлена и морфологическая категория персональности (мужского лица), однако доказательств в защиту своей точки зрения он не приводит⁸.

О существовании морфологической категории лица-нелица (т. е. персональности – К. Л.) в словацком языке пишет также Ю. Рыбак⁹. Наряду с морфологической категорией персональности автор выделяет также лексико-грамматический разряд анимальности, однако у него отсутствует какое-либо упоминание о категории одушевленности.

Категорию личности в словацком языке подробно описал Н. А. Кондрашов¹⁰, хотя ее статус им определен не был.

В основе каждой морфологической категории лежит оппозиция средств выражения, имеющих определенное значение и группирующихся в определенные ряды. Морфологическая категория, таким образом, характеризуется наличием собственного категориального значения, обладающего высокой степенью абстракции, а также собственным планом выражения.

Мы присоединяемся к точке зрения тех лингвистов, которые считают категорию одушевленности морфологи-

ческой категорией. Наша позиция основывается на том, что категория одушевленности в словацком языке характеризуется как наличием собственного морфологического и референтного значения, так и наличием парадигмы, что удовлетворяет требованиям, предъявляемым к морфологическим категориям.

Морфологическое значение категории одушевленности обусловлено существованием рядов морфемных показателей, с помощью которых оно выявляется. Морфологическое значение категории одушевленности, как и любой другой морфологической категории, – это аспект категориального значения, в котором категориальное значение и его формально-структурное выражение находятся в единстве и переходят друг на друга¹¹.

Референтное значение осуществляет связь морфологической категории с явлениями неязыковой действительности. Референтное значение является семантической основой морфологической категории. Именно наличие разного референтного значения не позволяет объединить категорию одушевленности с категорией рода. Нам представляется справедливым возражение А. В. Бондарко против подобного объединения¹², поскольку в противном случае обе морфологические категории сводились бы к формальному классу, лишённому всякой связи с неязыковой действительностью и аналогичному по своей сути типам спряжения глаголов. Объективно же следует признать, что генетически семантической основой категории рода являлось отношение к полу (естественному роду) живых существ, а семантической основой категории одушевленности – факт существования того или иного объекта как живого или неживого. Указанная связь с неязыковой действительностью не утрачена словацким языком и другими славянскими языками и в настоящее время, хотя в грамматике она нашла, естественно, своеобразное преломление. Так, в словацком языке аналогично другим славянским языкам грамматически неодушевленными являются названия растений, что объясняется особенностью восприятия мира предками словаков. Грамматически неодушевленными в словацком языке являются также названия лиц и животных женского и среднего

родов, что является результатом особенностей формирования категории одушевленности на базе категории мужского лица (персональности).

Повышение уровня абстракции категориальной семантики наглядно прослеживается в истории словацкого языка. Если на раннем этапе формирования рассматриваемой категории ее категориальное значение включало в себя четыре компонента (1. живые существа; 2. люди; 3. мужчины; 4. свободные), то к XVI в. в результате ее распространения на все названия лиц мужского пола, а затем и на названия животных мужского рода число компонентов категориального значения сократилось до двух (1. живые существа; 2. "мужской пол – мужской род")¹³.

Категория одушевленности в словацком языке имеет свои собственные синтаксические показатели. Прежде всего, это формы им. пад. мн. ч. согласуемых слов (ср. *tí paží malí chlapi – tie naše malé stromy, dcéry, dievčatá*), а также омонимия форм род. и вин. пад. слов, согласуемых с одушевленными существительными, противопоставленная оппозиции указанных форм слов, согласуемых с неодушевленными существительными.

Категория одушевленности обладает собственной парадигмой. Парадигма морфологической категории – это не просто совокупность словоформ, свойственных слову как представителю той или иной части речи, как об этом пишут некоторые лингвисты (см., например, точку зрения В. И. Кодухова¹⁴), но и вся сложная система взаимоотношений, существующих между ее составными частями. Отсюда вытекает, что при определении парадигмы морфологической категории важна не только фиксация категориальных маркеров, но и учет типа внутрипарадигматических отношений.

При выделении парадигмы морфологической категории следует учитывать ее отличия от парадигмы слова. Если в парадигму слова входят все его словоформы, то парадигму морфологической категории составляют лишь те словоформы, в которых содержатся дистинктивные показатели – маркеры категории. Парадигму морфологической категории в словацком языке можно представить следующим образом:

	N. vojak, černochoch, hrdina, brat
	G. vojaka, černochoha, hrdinu, brata
	D. vojakovi, černochovi, hrdinovi, bratovi
Sg.	A. vojaka, černochoha, hrdinu, brata
	L. vojakovi, černochovi, hrdinovi, bratovi
	N. vojaci, černosi, hrdinovia, bratia
Pl.	G. vojakov, černochoch, hrdinov, bratov
	A. vojakov, černochoch, hrdinov, bratov
	N. stolík, vrch, žena, ulica, kost', dievča
	G. stolíka, vrchu, ženy, ulice, kosti, dievčat'a
	D. stolíku, vrchu, žene, ulici, kosti, dievčat'u
Sg.	A. stolík, vrch, ženu, ulicu, kost', dievča
	L. stolíku, vrchu, žene, ulici, kosti, dievčati
	N. stolíky, vrchy, ženy, ulice, kosti, dievčatá
Pl.	G. stolíkov, vrchov, žien, ulíc, kostí, dievčat
	A. stolíky, vrchy, ženy, ulice, kosti, dievčatá

Из таблицы вытекает, что важнейшими дифференциальными признаками оппозитивных классов слов в рамках рассматриваемой категории в словацком языке являются: 1) омонимия форм род. и вин. пад. ед. и мн. ч. у одушевленных существительных и ее отсутствие у неодушевленных существительных; 2) омонимия форм им. и вин. пад. мн. ч. у неодушевленных существительных и ее отсутствие у одушевленных существительных; 3) наличие сильного маркера – флексии *-ovi* в формах дат. и предл. пад. ед. ч. одушевленных существительных; отсутствие указанного маркера сигнализирует то, что слово является неодушевленным. Кроме перечисленных дифференциальных признаков парадигма описываемой категории содержит и такие маркеры, которые характеризуют морфологические формы лишь определенного круга слов, т. е. не являются общеобязательными для всего класса. Эти формы, однако, являются релевантными для рассматриваемой категории на фоне обязательных дифференциальных признаков. К их числу относятся, например, флексия *-u*, представленная в формах род. пад. ед. ч. у существительных мужского рода на *-a* (*hrdinu*), флексия *-a* в формах вин. пад. ед. ч. у существ-

вительных типа chlap (chlapa), альтернации заднеязычных k, ch, а также p, t, d, l, являющиеся показателями одушевленности, флексии -y, -i, -e в формах род. пад. ед. ч. неодушевленных существительных и т. д. Для большей же надежности при определении рода существительного следует принимать во внимание всю информацию о родовой принадлежности слова, содержащуюся в его парадигме.

Итак, по нашему мнению, категория одушевленности в словацком языке является морфологической категорией.

Вопрос о категориях персональности и анимальности в словацком языке возникает в связи с явлением вариативности форм существительных, обозначающих животных: если в ед. ч. существительные, обозначающие животных, склоняются так же, как и другие одушевленные существительные, то в им. и вин. пад. мн. ч. они могут иметь формы, аналогичные формам как одушевленных, так и неодушевленных существительных. Уяснение сущности указанного явления и позволит определить статус категорий персональности и анимальности в словацком языке.

Вариативные формы им. и вин. пад. мн. ч. анимальных существительных, как правило, не являются дублетами, поскольку они по-разному функционируют. Следует различать нейтральное и маркированное употребление рассматриваемых форм. При нейтральном употреблении названия животных имеют формы им. и вин. пад. мн. ч., аналогичные формам неодушевленных существительных. Ср. примеры:

Zajace a bažanty sú rozšírené prakticky po celom území (Rybár). 'Зайцы и фазаны распространены практически на всей территории'. Medvede, ktorých odstrel je možný, žijú hlavne na strednom a východnom Slovensku (Rybár). 'Медведи, отстрел которых разрешен, живут, главным образом, в центральной и восточной Словакии'. Pstruhy sa tu síce vyskytujú veľmi zriedkavo, zato sú však, vďaka sústavnému zarybňovaniu, dost' početné karpy, zubáče a š'ucky (Rybár). 'Хотя форель здесь встречается очень редко, зато благодаря систематическому разведению в достаточно большом количестве водятся карпы, судаки и щуки'. Štát chráni vzácne kamzíky, svište, jelene (Мистрик-Тугушева). 'Государство охраняет редких горных козлов, сурков, оленей'. ... vonku bola jar, vtabce sa našuchorili (Грековová). '... на дворе была весна, воробьи распушились'.

При маркированном же употреблении названия животных могут иметь формы им. и вин. пад. мн. ч., аналогичные формам остальных одушевленных существительных. (Существительные vlk, pes, vták представляют собой исключение из общего правила, т. к. в им. и вин. пад. мн. ч. они имеют дублетные формы и при нейтральном употреблении). Указанное явление в грамматиках словацкого языка обычно называется персонификацией¹⁵. Следует, однако, различать разного рода явления, традиционно объединяемые термином "персонификация". Одно из таких явлений – образное употребление названий животных применительно к лицу. При подобном употреблении эти названия имеют формы им. и вин. пад. мн. ч., аналогичные соответствующим формам персональных существительных. Ср. примеры: Zleteli orli z Tatry, tiahnu na podolia... (Chalupka). 'Слетели орлы с Татр, тянутся в долины...' A čo sa tam dialo, holúbkovia moji, sotva dýchal, ale mešec na krku si nepustil (Solovič). 'А что там происходило, мои голубки? Он едва дышал, но свой кошелек на шее не выпустил из вида'. ... my, tvoje deti, domovina naša, čo ako bránia, čo nás ako strašia hraboši groša, koristníci zlata, pavúci vojen, ktorých ešte máta vidina panstva a ich svetovlády... (Plávka). Дословно: '... мы, твои дети, наша отчизна, которым чинят препятствия и которых запугивают полевые мыши гроша, корыстолюбцы золота, пауки войн, грезящие властью и мировым господством'. ... Chlapci obstanú dvoch naraptčených kohútov (Alexy). 'Парни обступят двух рассерженных петухов'. Zožrali by jeden druhého. Vlci. (Jilemnický). 'Сожрали бы друг друга. Волки'.

Данное образное употребление названий животных представляет собой метафору, причем такой ее тип, при котором слово меняет свое предметное значение, обогащаясь другими значениями и становясь семантически маркированным. Следствием этого процесса является приобретение словом семантической двуплановости, создающейся в результате совмещения предметного значения с фигуральным¹⁶. Однако подобное совмещение значения "... уже выходит за пределы значения формы и представляет собой одну из ее функций"¹⁷, причем вторичную функцию, выполняемую в условиях определенного контекста. Поскольку

ку в словацком языке названия животных мужского рода при метафорическом употреблении имеют в им. и вин. пад. мн. ч. иную форму, чем при выполнении прямой номинативной функции, в данном случае наблюдаемый семантический сдвиг сопровождается и транспозицией формы. В связи с тем, что контекстуально обусловленное значение траспонируемой формы не входит в состав категориального значения, упомянутое явление не должно учитываться при квалификации статуса категорий анимальности и персональности. Данный случай транспозиции можно определить как транспозицию функций, используя терминологию О. Лешки¹⁸. Однако данная транспозиция представляет собой особую разновидность транспозиции функций, так как при этом в языке появляются новые формы слов, возникают новые возможности соединения основ с формантами. На наш взгляд, подобную разновидность транспозиции функций имеет смысл называть транспозицией формантов. К транспозиции формантов способны классифицирующие морфологические категории, поскольку в их основе лежат не оппозиции морфемных показателей, представленных в различных словоформах, а оппозиции морфемных показателей, представленных в разных словах. Мы склонны рассматривать как транспозиции формантов некоторые примеры транспозиций, приводимые Х. Кржижковой, в частности, употребление форм существительных, содержащих в своей структуре суффикс мужского рода и имеющих парадигму мужского рода, но обозначающих лиц женского пола типа русск. Лизочек, Светик и чешск. Zdenoušek¹⁹, транспозицию формантов среднего рода в словацком языке в случаях их использования в словообразовательной структуре существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола типа chlapčisko, babsko, или форманта женского рода, входящего в состав словообразовательной структуры существительного chlapina, обозначающего лицо мужского пола.

Как уже отмечалось выше, при метафорическом употреблении названия животных в им. и вин. пад. мн. ч. имеют как правило, формы, аналогичные формам других одушевленных существительных. Следует, однако, заметить, что в современном словацком литературном языке формы

названий животных, аналогичные соответствующим формам неодушевленных существительных, изредка употребляются и в отношении лиц, что ведет к появлению дублетности форм в рассматриваемой позиции. Ср. примеры: Nomi povali ho tzv. Tigri oslobodenia tamilského Ílamu (LTTE), ktorí majú v spomínanom orgáne dovedna sedem miest a sú najbojovnejšou skupinou medzi tamilskými separatistami (Pravda, I.X.1987). 'О его составе объявили так называемые Тигры освобождения "Тамил Илама" (ТОТИ), имеющие в названном органе в общей сложности семь мест и являющиеся наиболее воинственной группировкой тамильских сепаратистов'. ... vedenie militantnej organizácie Tigre oslobodenia tamilského Ílamu včera skončili rokovanie dohodou o zložení správnej rady pre oblasti obývané Tamilmi v severnej a východnej časti ostrova Srí Lanky (Pravda, 30.IX.1987). '... руководство военизированной организации "Тигры освобождения "Тамил Илама" вчера завершили переговоры, заключив соглашение о составе административного совета северных и восточных областей острова Шри-Ланка, населенных тамилами'.

От метафорического употребления названий животных следует отличать их употребление в сравнении. При сравнении название животного не претерпевает смыслового изменения, что является существенным различием между метафорой и сравнением. Сохраняя свою первичную семантическую структуру, название животного при сравнении не приобретает особых морфологических форм, т. е. в данном случае выступают нейтральные морфологические формы. Ср. примеры: Keď sa najedli, znovu sa začali nadrapovať ako dva kohúty na jednom smetisku (Pavlovič). 'Когда они наелись, снова стали задираться как два петуха на одной куче мусора'. Učítelia, naložení ako t'ažné kone, t'ahali svedomito a nebolo ich treba poháňat' (Grekovová). 'Учителя, нагруженные как тягловые лошади, тащили свой груз сознательно и их не нужно было погонять'. ... to vyliezali pani Šovdovci z dier ako sisly (Kalinčiak). '... это вылезали, как суслики из нор, господи Шовды'. Všetci sa voči nám chovali ako cudzí ... čo ako cudzí, ako vlci! (Solovič). 'Все к нам относились, как чужие ... что чужие, как волки!' A podobne ako on, aj my sme po dôkaze správnosti poučky škriekali ani jastraby (Grekovová). 'И также, как он, мы, доказав верность теоремы, верещали, как ястребы'.

В словацком языке фиксируется еще одно явление, связанное с некоторым изменением семантики существи-

тельных, наблюдаемое при олицетворении животных, т. е. наделение их качествами, образом мыслей или действий, характерных для человека. Названное явление в плане изменения семантики существенным образом отличается от явления метафоры, так как в семантической структуре названий животных хотя и появляется новый компонент, однако он не оттесняет на периферию их первоначальное значение. Иными словами, при олицетворении существительное все равно обозначает животное, наделенное не характерными для него качествами, тогда как при метафоре оно обозначает человека.

При олицетворении животных наряду с некоторой модификацией семантики существительных, их обозначающих, в словацком языке происходят и изменения в их парадигмах. В грамматиках словацкого языка отмечается, что в подобных контекстах существительные, обозначающие животных, имеют формы им. и вин. пад. мн. ч., аналогичные соответствующим формам других одушевленных существительных. Однако, как показывает анализ языкового материала, это утверждение нуждается в уточнении: при олицетворении указанные существительные в им. и вин. пад. мн. ч. имеют дублетные формы, употребляемые в одних и тех же контекстах. Ср. примеры: *Lev, Krokodíl, tučniaci a zajac* (Dobešová). 'Лев, Крокодил, пингвины и Заяц'. *Lev, Slon, Sova, Krokodíl, tučniaky, Zajac* (Dobešová). 'Лев, Слон, Сова, Крокодил, пингвины, Заяц'. *Sova si čistí klobúčik a pelerínku, Slon zuby, tučniaky prášia prikrývku, Krokodíl si leští metál, iba Lev ešte spí* (Dobešová). 'Сова чистит свою шляпу и пелеринку, Слон зубы, пингвины выбивают одеяло, Крокодил начищает орден, только Лев еще спит'. *Tučniaky nás budú obsluhovať* (Dobešová). 'Пингвины нам будут прислуживать'. *Tučniakov, ktorí sa skryli pod prikrývku, zviažu ako balík a pripútajú k ostatným* (Dobešová). 'Пингвинов, которые спрятались под одеялом, завертывают и привязывают к остальным'. *Mu, nosorožci, si na to nepotrpíme* (Dobešová). 'Мы, носороги, этого не любим'. *Opatrní mravčekomia pozatvárali aj všetky okná, aby dážď ani tadiaľ neprenikol do mravčieho činžiaka* (Pavlovič). 'Осторожные муравьишки позакрывали и все окна, чтобы дождь через них не проник в муравьиный дом'. *Zvedaví mravčekomia poodchýlili okno, aby*

lepšie počuli, o čom sa zhovávajú (Pavlovič). 'Любопытные муравьишки приоткрыли окно, чтобы лучше слышать, о чем они разговаривают'. *Smúti otec, smúti mat' a s nimi všetci mravčekovia* (Pavlovič). 'Опечален отец, опечалена мать, а с ними и все муравьишки'. *Aj Haj si priclónil labkou zrak, a tak hľadia mravci Pobeňajci doširoka-dod'aleka* (Moric). 'Гай тоже прикрыл глаза лапкой, как козырьком, и всматриваются так муравьи Побегайцы в необозримую даль'. Так *Slabúšik dotiahol tučnú húsenicu pred mravčekov* (Pavlovič). Так Слабушик дотащил жирную гусеницу до муравьишек'. *Mravčekov nebolo treba dva razy núkať, lebo sa u čmeliaka cítili ako doma* (Pavlovič). 'Муравьишек не нужно было угощать дважды: у шмели они чувствовали себя как дома'. *Ani nemohli byť, lebo čmeliaky nechodia, ale lietajú* (Pavlovič). 'Они и не могли быть, так как шмели не ходят, а летают'. *Poztú mravce na nebo a vidia, že letia ďalšie kvapky* (Pavlovič). 'Смотрят муравьи на небо и видят, что падают другие капли'. *Také obyčajné chrobáky, no za volantom sú namyslené až hrôza!* (Pavlovič). 'Такие обыкновенные жуки, но за рулем они надменны до ужаса!'. *Neboli to biele pláne, ale dva biele motýle, ktoré sedeli na kvete a hádali sa ...* (Pavlovič). 'Это были не две белые равнины, а две белые бабочки, которые сидели на цветке и ругались'. *Roháče si vyzliekli košeľe, hodili ich na kraj potôčika* (Pavlovič). 'Жуки-рогачи сняли рубашки, бросили их на бережок ручейка'. *Dobré ráno, čmeliakovci, staviate, staviate? – zakričí* (Pavlovič). "'Доброе утро, супруги-шмели. Все строите и строите?'" – кричит он.'

На основании примеров, которыми мы располагаем, можно сделать вывод, что при олицетворении животных существительные, которые их обозначают, в им. и вин. пад. мн. ч. все же чаще употребляются с маркерами неодушевленности.

Для определения статуса категории анимальности и персональности в словацком языке важнейшее значение имеет определение сущности описываемого явления.

По нашему мнению, явление вариативности форм им. и вин. пад. мн. ч. существительных, обозначающих живот-

ных, при олицетворении представляет собой факультативную нейтрализацию семантического противопоставления.

Сопоставим парадигму персональных существительных, парадигму анимальных существительных и парадигму неодушевленных существительных.

N.	chlap	chlapi	tučňiak	tučňiaci/tučňiaky	dub	duby
G.	chlara	chlapov	tučňiaka	tučňiakov	duba	dubov
D.	chlapovi	chlapov	tučňiakovi	tučňiakov/tučňiaky	dubu	duby
A.	chlara	chlapov	tučňiaka	tučňiakov/tučňiaky	dub	duby
L.	chlapovi		tučňiakovi		dube	

Исходя из сопоставляемых парадигм, делаем вывод, что в им. и вин. пад. мн. ч. нейтрализуется признак "одушевленность", т. е. член оппозиции, передающий значение одушевленности (tučňiaci) субституируется членом оппозиции, передающим значение неодушевленности (tučňiaky), поскольку в определенном контексте (при олицетворении и метафоре) анимальные существительные могут иметь парадигму, полностью идентичную парадигме других одушевленных (т. е. персональных) существительных. И наоборот, не существует таких условий, при которых анимальные существительные имели бы парадигму, идентичную парадигмам неодушевленных существительных. Анализ функционирования форм им. и вин. пад. мн. ч. показывает, что формы типа tučňiaci (им. пад. мн. ч.) и tučňiakov (вин. пад. мн. ч.) являются маркированными, а омонимичные формы соответствующих падежей типа tučňiaku – немаркированными. При факультативной нейтрализации семантического противопоставления немаркированная с точки зрения ее функционирования форма tučňiaku является стилистически нейтральной²⁰. Данному положению соответствует тот языковой факт, что в словацком языке омонимичные формы им. и вин. пад. мн. ч. типа tučňiaku являются стилистически нейтральными. Таким образом, парадигма анимальных существительных в словацком языке может быть объединена с парадигмой других одушевленных (т. е. персональных) существительных. Из сказанного следует, что так называемая категория анимальности в словацком языке своей собственной парадигмой не обладает, хотя анимальные существительные и имеют определенные особенности в своих морфологических

ких свойствах. Выделяясь, главным образом, на основе общности семантики и имея определенные морфологические особенности, они представляют собой лексико-грамматический разряд анимальности.

Парадигма же существительных со значением лица (персональных) полностью совпадает с парадигмой одушевленности. Эти существительные не имеют особых морфемных показателей, а потому в словацком языке не только не представлена самостоятельная морфологическая категория персональности, но отсутствует даже лексико-грамматический разряд персональности.

Существование форм им. и вин. пад. мн. ч. анимальных существительных, аналогичных соответствующим формам остальных одушевленных существительных, как уже говорилось выше, позволяет объединить их парадигмы с парадигмами одушевленных существительных. Однако существующая конкуренция форм им. и вин. пад. мн. ч. анимальных существительных, фиксируемая, главным образом, при олицетворении, свидетельствует о том, что структура категории одушевленности в словацком языке находится на стадии формирования. Процесс конкуренции, вероятнее всего, должен привести к утрате маркированных форм типа им. пад. мн. ч. tučňiaci, вин. пад. мн. ч. tučňiakov. Уже в настоящее время даже при олицетворении эти формы употребляются реже, чем соответствующие стилистически нейтральные формы. Появляются примеры употребления нейтральных форм и при метафоре. Сужение сферы функционирования маркированных форм имеет важные последствия для структуры категории одушевленности. Эти процессы являются свидетельством того, что парадигма анимальных существительных проявляет тенденцию стать самостоятельной, так как окончательная утрата вышеприведенных форм ведет к разрыву парадигм этих существительных с парадигмой одушевленности. Причем особенностью парадигм анимальных существительных в словацком языке становится тот факт, что они не имеют собственных, только им присущих морфемных показателей. Их парадигма формируется путем комбинации морфемных показателей одушевленности и неодушевленности: анимальные существительные в ед. ч. имеют формы, аналогичные

формам одушевленных существительных, а во мн. ч. – неодушевленных. Этим как бы подчеркивается "нейтральность" категории анимальности по отношению к одушевленности и, неодушевленности (в данном случае одушевленности и, неодушевленности будет равна персональности). Итак, структура категории одушевленности в словацком языке проявляет тенденцию приобрести вид трехчленной оппозиции V : A : U, где V – одушевленность (персональность), A – анимальность, U – неодушевленность (неперсональность).

Если мы сопоставим формирующуюся структуру категории одушевленности со структурой категории рода, то заметим их значительную близость. Рассмотрим, например, парадигмы существительных мужского, среднего и женского родов, основа которых оканчивается на твердый согласный.

N.	dub	mesto	žena	duby	mestá	ženy
G.	duba	mesta	ženy	dubov	miest	žien
D.	dubu	mestu	žene	dubom	mestám	ženám
A.	dub	mesto	ženu	duby	mestá	ženy
L.	dube	meste	žene	duboch	mestách	ženách
I.	dubom	mestom	ženou	dubmi	mestami	ženami
	Sg.			Pl.		

Сопоставление парадигм существительных разных родов показывает, что парадигма среднего рода, имеющего собственные морфемные показатели лишь в им. и вин. пад. обоих чисел, создается, главным образом, путем комбинации средств выражения мужского (в ед. ч.) и женского (во мн. ч.) родов, чем подчеркивается в формальном плане нейтральность среднего рода по отношению к мужскому и женскому родам. Подобная же картина наблюдается и при сопоставлении иных типов склонения. Аналогичное место в формирующейся структуре категории одушевленности занимает и анимальность, парадигма которой также имеет тенденцию создаваться путем комбинации средств выражения других компонентов структуры этой категории. Отсюда следует, что в словацком языке существуют признаки редупликации структуры категории рода в категории

одушевленности. Такую структуру категория одушевленности приобретет после утраты таких форм анимальных существительных, как им. пад. мн. ч. tušníci, вин. пад. мн. ч. tušniakov при образном употреблении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Miko F. Rod, číslo a pád podstatných mien. – Bratislava, 1962. S. 57.
2. Horecký J. Model gramatického rodu v západnoslovanských jazykoch // Jazykovedný časopis, roč. XVII, č. 1. – Bratislava, 1966. S. 6–7.
3. Pauliny E. Slovenská gramatika. – Bratislava, 1981. S. 92.
4. Кицимия И. Личный род в польском и румынском языках. – Revue de linguistique. – București, 1960. С. 156.
5. Ревзин И. И. О иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного) // Советское славяноведение, 1969. № 3. С. 70.
6. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. – Warszawa, 1979. S. 100–101.
7. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. – Братислава, 1965. С. 65.
8. Krajičovič R. Pôvod a vývin slovenského jazyka. – Bratislava, 1981. S. 98–99
9. Рыбак Ю. О функционально-семантической категории "анимальности-неанимальности" в словацком языке (в сопоставлении с русским) // Recueil linguistique de Bratislava, 1981.
10. Кондрашов Н. А. Категория личности имен существительных в словацком языке // Славянская филология, II. – М., 1954.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. С. 18.
12. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976. С. 189.
13. Лифанов К. В. Характер категории одушевленности в словацком языке (в сопоставлении с русским) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1983, № 3.
14. Кодухов В. И. Общее языкознание. – М., 1974. С. 139.
15. Morfológia slovenského jazyka. – Bratislava, 1966. S. 74.
16. Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. С. 141.
17. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. С. 33.
18. Ср.: Leška O. K otázce tzv. transpozice // Rusko-české studie. – Praha, 1960.
19. Křížková H. Первичные и вторичные функции и т. наз. транспозиция форм // Travaux linguistique de Prague, 2, 1966. С. 178.
20. Křížková H. Указ. соч. С. 179.

ИСТОЧНИКИ

- Мистрик – Тугушева – Мистрик Й. – Тугушева Р. Х. Учебник словацкого языка. – М., 1981.
- Alexy – Slovník slovenského jazyka. I. diel. – Bratislava, 1959.
- Dobešová – Dobešová E. V každom lese je nosorožec, byvol a hroch. – Bratislava, 1980.
- Grekovová – Grekovová I. Katedra. – Bratislava, 1980.
- Chalupka – Chalupka S. Mor ho! – Bratislava, 1953.
- Jilemnický – Slovník slovenského jazyka. V. diel. – Bratislava, 1965.
- Kalinčiak – Kalinčiak J. Povesti. – Turč. sv. Martin, 1873.
- Moric – Moric R. Parožtekovci. – Bratislava, 1982.
- Pavlovič – Pavlovič J. Lienka Anulienka. – Bratislava, 1982. Pavlovič J. Bračkovia mravčkovia. – Bratislava, 1984.
- Plávka – Plávka A. 1907–1977. Zborník na 70. narodeniny národného umelca Andreja Plávku. – Martin, 1977.
- Pravda – Pravda. – Bratislava, 1987.
- Rybár – Rybár C. Československo. Sprievodca. – Bratislava, 1981.
- Solovič – Solovič J. Dve komédie. – Bratislava, 1972.

ПЕРЕХОД НЕСПРЯГАЕМЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
В ДРУГИЕ ЧАСТИ РЕЧИ

1.0. Наиболее частым способом возникновения, гесп. образования новых наименований является, наряду с заимствованием, образование новых слов путем суффиксации, префиксации или сложения. Но возникновение, гесп. образование новых наименований в современном литературном словацком языке не исчерпывается этими способами. Существуют переходы слов в другие части речи, исходным пунктом чего служат отдельные формы изменяемых слов, например, *večet* (им. ед. существительного → наречие), *omylom* (тв. ед. существительного *omyl* → наречие), *v súvisе s* (предл. ед. существительного *súvis* с предлогом *v* + предлог *s* → предложное слово), *hádám* (1 л. ед. глагола *hádať* → частица), *pravda* (существительное в им. ед. → частица), *nechtias* неправильное деепричастие глагола *chcieť* в отрицательной форме → наречие) и т. д. Кроме того, часто отмечаются переходы и среди неизменяемых слов, причем основным является переход полнозначных слов в неполнозначные (наречия приобретают функции предлогов, частиц, например, *ísiť okolo* → *okolo domu*; *okolo dva stupne* (*Celzia*); *t'ažko pracovať* → *t'ažko* как выражение отрицания, сомнения), но часто из одной части речи в другую переходят и только неполнозначные слова (например, союзы приобретают значимость частиц, частицы становятся частью союзных слов и т. д.). Этот третий способ возникновения, гесп. образования новых наименований, как и приведенные два способа, является в настоящее время очень активным и способствует динамичности литературного языка в его современном состоянии.

Взаимосвязям и переходам частей речи особое внимание уделяется в академической "Морфологии словацкого языка" (1966)¹: более или менее последовательно на эти отношения указывается в конце всех глав, посвященных частям речи. В последнее время переходами частей речи специально занимался М. Докулил², правда, его определе-

ние исследуемой проблематики, как и подход в целом, отличен от нашего. М. Докулил рассматривает эту проблематику и в других работах, в особенности в связи с понятиями транспозиции и конверсии³.

1.1. Часто исходным пунктом появления новых наименований является глагол, точнее говоря, глагольные формы, особенно неспрягаемые. И в этом проявляется большое значение глагола как части речи, (а именно, как одной из двух центральных частей речи: вторым членом этой пары является существительное), то есть деривационная потенция глагола и его способность быть исходной точкой для образования наименований с иной частеречной принадлежностью и таким образом обогащать словарь новыми элементами. Здесь мы имеем в виду прежде всего то, что глагол, используя данный способ внутриязыкового обогащения лексики, активно способствует появлению наименований с новой частеречной принадлежностью (причем сам ничего не получает от других частей речи). Это обусловлено, естественно, упомянутым центральным положением глагола в словаре языка, богатой морфологией глагола, а также его семантикой и ее связью с семантикой других полнозначных частей речи, особенно девербативных существительных и прилагательных (очевидно, эту особенность глагола имеют в виду и авторы "Морфологии словацкого языка", когда они говорят о том, что его различные формы выполняют функции всех знаменательных частей речи: глаголов, существительных, прилагательных и наречий⁴). Можно сказать, что в рамках рассматриваемого способа возникновения, гесп. создания новых наименований глагол занимает привилегированное положение, так как у остальных частей речи, гесп. форм изменяемых частей речи новые наименования не образуются так часто и регулярно при помощи перехода частей речи. Это обусловлено, прежде всего, богатством и разнообразием форм, используемых глаголом при реализации своих функций в предложении, а в этом с глаголом не может сравниться ни одна часть речи. Лишь отчасти с глаголом здесь можно сопоставить существительное, некоторые формы которого (особенно творительный ед. и мн. и именительный ед.) также часто составляют исходный пункт переходов частей речи и возникновения наименований с иной частеречной принадлежностью.

1.2. Переход наименования, гесп. его формы в другую часть речи имеет то общее со словообразованием как способом возникновения, образования новых наименований, что речь идет о внутриязыковых способах обогащения лексики, то есть о возникновении, образовании новых слов из исконных элементов языка (в отличие от заимствования слов из иностранных языков, которое представляет собой межъязыковой способ обогащения лексики). Однако переход частей речи резко отличается от словообразования, среди прочего, тем, что исходным пунктом новообразования не являются, гесп. не должны быть основные формы (или основы) слов, принадлежащих данной части речи, но их парадигматически различным образом связанные формы; даже при глаголах, которые сейчас нас интересуют, основная форма, то есть инфинитив, в словацком -- в отличие от других языков, например, от немецкого -- не изменяет своей частеречной принадлежности, то есть не становится основой для появления новых слов. С формальной и семантической точек зрения наиболее характерной чертой перехода частей речи, как мы его понимаем, является то, что здесь находятся во взаимной зависимости форма слова и новое слово, новое наименование, которое возникло из этой формы; форма слова (при соответствующем изменении его лексического значения и грамматических признаков), таким образом, становится самостоятельным наименованием в рамках другой части речи.

В ограниченном объеме основой для перехода частей речи являются личные формы глаголов. Часто встречается 1 л. ед. индикатива типа *reku, hádam, myslím, prosím, dúfam*: в данном случае речь идет о переходе в частицы с различными модальными или оценочными значениями. Реже осуществляется переход этой формы в междометие, например, *bist'u, prisám (bohu, vašku)*, гесп. *(bohu) prisám/prisahám* во втором случае изменение части речи сигнализирует также деформация исходной формы: исчезновение части *-ah-*). Изменение части речи 2 л. ед. и 2 л. мн. императива демонстрируют случаи *vitaj, hybaj, vitajte, hybajte*, функционирующие как междометия.

2. Как мы уже отмечали, наиболее существенным источником наименований, переходящих в другие части

речи, являются неспрягаемые формы глагола: стардательное причастие настоящего времени, действительное причастие настоящего времени, деепричастие и отглагольное существительное. Эти формы служат основой для возникновения новых существительных (страдательное и действительное причастие, отглагольное существительное), прилагательных (страдательное и действительное причастие), наречий (действительное причастие, деепричастие) и предлогов (деепричастие). Эти случаи перехода глагольных форм в другие части речи мы и рассмотрим в нашей статье подробнее. Прежде всего приведем некоторые примеры для каждого типа:

а) страдательное причастие настоящего времени → прилагательное: nahnevaný, opotrebovaný, spustnutý, obmedzený, vystupňovaný, rozmazaný, spomalený, vyhľadovaný, sprostredkovaný, zhrozený, neuspokojený, vysilený; ranený, sušený, varený, rečený, montovaný, lepený, dusený, pletený, háčkováný, lámaný (hovoriť lámanou angličtinou), neplánovaný;

б) страдательное причастие настоящего времени → существительное. obvinený, hl'adaný, navrhovaný, zhromaždení, obžalovaný, vyznamenání, zvolení, postihnutý, oklamáný, opustený, volaný (иначе volajúci), vybratí/-ní, vážený (разг.), menovaný; hriate, páiené;

в) действительное причастие настоящего времени → существительное: účinkujúci, predsedajúci, skúšajúci, kupujúci, diskutujúci, pracujúci, pochodujúci, manifestujúci, demonštrujúci, cestujúci, súť'ažiaci, volajúci (иначе volaný), vyučujúci, sprévadzajúci, vedúci;

г) действительное причастие настоящего времени → прилагательное: uspokojujúci, prekvapujúci, deprimujúci, (ne)vyhovujúci, sprostredkujúci, skresľujúci, znerokojujúci, vynikajúci, vysvetľujúci, zastrášujúci, zahanbujúci;

д) действительное причастие настоящего времени → наречие: plaďúci, ležiaci, hromžiaci, vstávajúci, sediaci;

е) отглагольное существительное → существительное: obloženie, hlásenie, trápenie, súženie, stvorenie, utrpenie, rozhorčenie, porozumenie, uspokojenie, postavenie, hranie, žehlenie, vystúpenie, oblečenie, pletenie, súť'aženie;

ж) деепричастие → наречие: nechtiac; застывшие, resp. фразеологизированные обороты: chtiac – nechtiac, vstávajúc – ľňajúc;

з) деепричастие – предлог, resp. предложное выражение: (ne)rátajúc (do toho) koho, čo; (ne)vynímajúc koho, čo; nehl'adiac na koho, na čo; nehovoriac o kom, o čom; začíňajúc kým, čím/od koho, od čoho; roktačujúc kým, čím; končiac kým, čím.

Приведенные примеры показывают не только набор типов частеречных переходов и проблематику в целом, но и продуктивность отдельных типов. Например, характерными являются различия между тем, в какой степени для перехода в другие части речи используется страдательное причастие с одной стороны и деепричастие – с другой. Не пытаюсь дать исчерпывающий ответ на данный вопрос, напомним лишь, что это, несомненно, связано с активностью функционирования двух указанных неспрягаемых глагольных форм в современной речи: в то время как причастие является весьма живой глагольной формой, используемой в различных целях, деепричастие становится скорее книжным средством выражения, которое в повседневной речи имеет низкую частотность.

Понятно, что в данной статье мы не можем подробно проанализировать все типы частеречных переходов и документировать их исчерпывающим количеством примеров. В дальнейшем речь будет идти скорее о методологическом подходе к данной проблематике, о выявлении сущности приведенных типов перехода в другие части речи и о анализе процессов, сопровождающих эти переходы в области лексической семантики, морфологии и синтаксиса новообразований. При рассмотрении этих процессов мы считаем необходимым применение метода комплексного анализа их семантической, морфологической и синтаксической специфики с установлением иерархии частных процессов: особое внимание мы уделяем семантическому анализу.

3.0. Наиболее существенными и принципиально важными для возникновения нового наименования на базе исходной неспрягаемой глагольной формы мы считаем лексико-семантические процессы. Из сущности частеречного перехода следует, что меняется характеристика новообразования как части речи, в результате чего происходит изменение в категориальном компоненте значения этого слова. Иначе говоря, слово obvinený как страдательное причастие настоящего времени, являющееся составной

частью парадигмы глагола *obvinít'* niekoho z niečoho, имеет категориальный семантический компонент, общий для всех глаголов, то есть его характеризует признак динамичности. Но в результате перехода слова *obvinený* в разряд имен существительных категориальным в значении этого слова становится компонент 'объект, понимаемый как самостоятельная сущность', свойственный всем словам, квалифицируемым как имена существительные. Это наблюдение, как нам кажется, соответствует тому, что писал в своей статье о лексической и синтаксической деривации еще в 1936 г. Е. Курилович, то есть что "различие между существительным, прилагательным, глаголом и наречием может быть установлено только с одной точки зрения – лексической (...), наиболее важной"⁵.

Используя субкатегориальный, гесп. идентифицирующий семантический компонент и индивидуальный, гесп. специфицирующий семантический компонент, значение существительного *obvinený* можно охарактеризовать сочетанием 'обвиняемое лицо', гесп. описательно 'тот, кто (был) признан виновным' (в связи с используемыми терминами, определяющими отдельные компоненты семантики слова, ср. работы Я. Качалы и В. Бланара⁶). Поскольку в сочетании 'обвиняемое лицо' элемент 'лицо' является субкатегориальным компонентом значения, а элемент 'обвиняемое' – индивидуальным компонентом, происходит очевидная перестановка семантических компонентов в значении существительного *obvinený* 'обвиняемый'. С семантизацией элемента 'лицо' непосредственно связано появление самостоятельного, собственного элемента '(грамматический) род' в значении нового существительного; таким образом компенсируется способность страдательного причастия *obvinený* согласовываться в роде с управляющим существительным (то есть способность, свойственная всем прилагательным и родственным им словам). Семантический элемент 'действие', который это существительное вынесло из области глагольных значений, сохранился лишь в индивидуальном семантическом компоненте. Вместе с тем этот семантический компонент указывает на (семантическую) соотнесенность вновь возникшего существительного с исходной частью речи – глаголом, членом парадигмы которого оно являлось.

Как показывает анализ изменений семантики у слов, переходящих из одной части речи в другую, при таком

переходе неизбежно меняются категориальные и субкатегориальные компоненты значения, то есть те, которые непосредственно связаны с переходом слова в иную часть речи. Но сохраняется тот компонент, при помощи которого наименование можно семантически идентифицировать – индивидуальный. Неудивительно при этом, что в данном случае сохранившийся компонент значения имеет характер действия, так как характер действия, гесп. динамический признак как категориальный компонент в семантике глагола доминирует над другими компонентами – субкатегориальными и индивидуальными. Поэтому и в существительном, возникшем в результате перехода формы глагола в другую часть речи, сохраняется элемент действия. Согласно М. Докулилу, "в словообразовательном значении транспонируемого слова ... в принципе присутствуют два общих категориальных значения, а именно, исходного слова и входящее в состав итогового слова", причем, однако, "при транспозиции в иерархии обоих категориальных значений доминирующее положение занимает значение исходного слова"⁷. В отличие от М. Докулила, мы исходим из предположения о том, что изменение частеречной принадлежности наименования неизбежно связано со сдвигами в иерархии семантических компонентов – в противном случае мы не имели бы реальных оснований для того, чтобы говорить о таком изменении. Поэтому также в плане методологии мы настаиваем на необходимости исходить и в случае лексических единиц, перешедших в другую часть речи, из структуры лексического значения, действительной для прочих лексических единиц, то есть их положения в иерархической организации семантических компонентов.

3.1. Отчетливые изменения происходят и в морфологической характеристике вновь возникшего слова. В связи с переходом в иную полнозначную часть речи выигрывают и грамматические категории этой части речи. А именно, слово *obvinený* в качестве страдательного причастия настоящего времени отличалось и отличается категориями именного рода, числа и падежа только на основе согласования с управляющим именем, с которым оно сочеталось (*obvinený občan, obvinenému občanovi, obvinená občianka, od obvinenej občianky, obvinení občania, obvinených občanov...*). Но в качестве существительного слово *obvinený* характеризуется перечисленными грамматическими категориями как собственными (так же, как всякое другое существительное),

при их помощи по принципу согласования к нему приспосабливаются согласованные определения: прилагательные, местоимения и числительные (prvý obvinený, s prvým obvineným, každý obvinený, každého obvineného, všetci obvinení, všetku obvineného...). Правда, возникшее таким образом существительное сохраняет морфологическую форму прилагательного, что является следствием его происхождения.

Между исходной неспрягаемой глагольной формой и возникшим на ее основе новым наименованием возникают отношения ложной частеречной омонимии. Ложной потому, что противопоставляются неравнозначные единицы: с одной стороны, форма обычного глагола, а с другой – новое самостоятельное наименование с собственным значением, с новой частеречной характеристикой и – но не обязательно – с новой парадигмой. Каждое вновь возникшее наименование сохраняет исходную адъективную форму и склоняется как прилагательное, новая парадигма при переходе в другую часть речи является скорее исключением, чем правилом. Существование такого исключения подтверждается, например, склонением существительного *desiata* в устной речи по образцу *žena* (то есть род. ед. *desiaty*, не *desiatej*, им. мн. *desiaty*, не *desiate* и под.); эти формы, образованные по образцу *žena*, в литературном языке не считаются системными.

3.2. С этими процессами тесно связаны и изменения в синтаксической характеристике вновь возникшего наименования. Такое наименование приобретает характерные признаки новой части речи и на уровне синтаксиса. Это значит, что оно приобретает способность выступать в тех синтаксических функциях, которые характерны для этой части речи, а его синтаксическая сочетаемость точно так же устанавливается в соответствии с синтаксической сочетаемостью данной части речи. В связи с этим хотелось бы упомянуть точку зрения Е. С. Кубряковой, которая переходы такого рода называет синтаксической транспозицией: ее следствием является "изменение синтаксических функций исходной единицы без полного изменения ее морфологического окружения"⁸. М. Докулил рассматривает эти процессы как частеречные переходы и также подчеркивает их

семантико-синтаксическую сторону; он относит сюда субстантивизацию, адъективизацию, адвербиализацию и вербализацию⁹. К переходам в другую часть речи относится такой переход, при котором "слова, принадлежащие определенной части речи, приобретают в одной или нескольких своих формах семантико-синтаксические черты, характерные для другой части речи (или для ее форм)"¹⁰. "Здесь, собственно, изначально речь идет не о словообразовательных, а только о семантико-синтаксических процессах, которые впоследствии ведут к возникновению нового слова с собственной парадигмой"¹¹.

В нашем случае существительное *obvinený* выступает в тех же синтаксических функциях, что и другие существительные, причем особенно характерной для него становится функция синтаксического подлежащего (*Obvinený sa pri vyšetrovaní bránil tým, že ... - Obvinený nebol pri čine sám*) и синтаксического дополнения (*príviesť, vyšetrovať obvineného, viesť proces s obvineným, vyhnúť sa obvinenému* и т. д.). Существительное *obvinený* на синтагматическом уровне сопоставляется с наименованиями иной частеречной принадлежности так же, как и другие существительные. Кроме примеров на сочетаемость с глаголом в функции сказуемого, которые мы привели выше, можно привести примеры сочетаемости с согласованными определениями, выраженными различными частями речи: *jeden obvinený, všetci obvinení, každý obvinený, prvý obvinený, sklamaný obvinený, pokorne sa tváriaci obvinený, každý kritický obvinený* и т. д. Это значит, что и синтаксическая сочетаемость нового существительного устанавливается в зависимости от синтаксической сочетаемости новой части речи. Приходя к такому выводу, еще раз сошлемся на Е. Куриловича, который утверждает, что "первичные синтаксические функции вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своего рода транспозицию этих значений"¹².

Для лексической и синтаксической характеристики существительного *obvinený* важно то, что утрачивает принципиальное значение конструкция с родительным падежом с предлогом *z*, типичная для управляющего глагола (*obviniť niekoho z niečoho*) и для его страдательного причастия настоящего времени. Для существительного *obvinený*

эта конструкция становится нерелевантной, хотя она и не исключена (например, *Všetci obvinení z krádeže sa k svojmu činu priznali.*).

4.0. Нашу характеристику частеречных переходов неспрягаемых глагольных форм как полноправных наименований следует еще дополнить указанием на словообразовательные возможности вновь образованных наименований, точнее говоря, на возможности образования от этих новых наименований производных слов по правилам словообразования, действительным для отдельных частей речи. В общем можно сказать, что причисление к новой части речи значит для нового наименования также и причисление к словообразовательной системе этой части речи. Очевидным образом это проявляется у прилагательных, образовавшихся на базе страдательных и действительных причастий: вновь возникшее прилагательное в целом обладает такими же возможностями образовывать производные, что и другие прилагательные; здесь речь идет прежде всего об образовании наречий при помощи суффиксов *-o-*, *-e* (например, *zhrozený – zhrozene*, *prekvapený – prekvapene*, *zneпокojujúci – zneпокojujúco*, *sprostredkujúci – sprostredkujúco*) и об образовании абстрактных существительных при помощи суффиксов *-ost'* (*rozmaznaný – rozmazanost'*, *vučerpaný – vučerpanost'* ...; у прилагательных, образованных от действительных причастий, эта возможность ограничена). Следует иметь в виду, что деривационные потенциалы вновь образованных прилагательных учитываются, например, в лексикографической практике при решении вопроса о том, идет ли речь о прилагательном или же о неспрягаемой глагольной форме, и являются одним из решающих критериев в выборе способа подачи этих слов.

Говоря о существительных, формирующихся в результате частеречных переходов на основе исходных отглагольных существительных как глагольных форм, можно в связи с дискуссией о том, являются ли отглагольные существительные глагольной формой (ср. ясно выраженную точку зрения М. Докулила по этому поводу¹³), напомнить, что сама возможность перехода отглагольных существительных в существительные (как еще один аргумент кроме приводимых в Морфологии словацкого языка¹⁴) подтвер-

ждает мнение о том, что отглагольные имена действительного являются глагольными формами и что для того, чтобы они стали только существительными, они сами должны перейти в другую часть речи, что связано с процессами семантической, морфологической и синтаксической природы. (В новейшей работе Л. Двонча, посвященной динамике в морфологии, вопрос частеречной принадлежности отглагольных существительных не решается однозначно¹⁵). Решающими при этом являются семантические процессы, то есть, в общем виде, сдвиг от процессуального значения к предметному, которое как категориальный компонент значения характеризует огромное множество имен существительных. В результате этого сдвига в значении происходит реорганизация иерархии семантических компонентов: компонент значения 'действие' в новом наименовании сохраняется лишь как элемент, необходимый для идентификации и сигнализации связи деривата с его исходной формой. Тогда *oblečenie* значит 'предмет (предметы) для надевания'; *pletenie* – 'предмет, который плетут', как и 'вещи, из которых плетут'; *trápenie* – 1) 'ощущение боли', 2) 'забота, хлопоты'; *postavenie* – 'функция, положение'; *hlásenie* – 'объект действия' и т. д.

4.1. Замена категориального компонента 'действие' предметным и реорганизация иерархии семантических компонентов очень рельефно проявляется и при переходе действительного причастия настоящего времени в существительное. В современном словацком литературном языке то живой (хотя и не массовый) процесс, вызываемый существующей необходимостью в заполнении лакун в наименованиях. Когда мы сравниваем существительные, возникшие из формы действительного причастия настоящего времени, с семантически близкими наименованиями, образованными при помощи словообразовательных способов, мы видим, что, как правило, таким образом возникают не синонимы, лишь увеличивающие число слов, называющих определенный предмет, а семантически дифференцированные наименования, например, *kuруjúci – kupec*, *diskutujúci – diskutér*, *pracujúci – pracovník*, *sprevádzajúci – sprievodca*, *cestujúci – cestovateľ*, *demonštrujúci – demonštranti*, *vyučujúci – učiteľ*, *predsedajúci – predseda*. Частичными си-

нонимами можно считать члены пар *vyučujúci – učiteľ'*, *predsedajúci – predseda* и под., где слова, возникшие в результате перехода в иную часть речи, содержат, в отличие от противопоставленных им членов, элемент актуальности и (потенциальной) непрофессиональности¹⁶. Соответственно, *predsedajúci* не тождественно слову *predseda*, но это 'лицо, выполняющее функции председателя в данной ситуации', resp. 'выполнявшее эти функции в мероприятии, о котором идет речь' (например: *zápisnicu podpisuje predseda júci*).

В результате перехода в другую часть речи действительных причастий настоящего времени часто появляются формы множественного числа с собирательным значением (например, *grасujúci, pochodujúci, demonštrujúci, manifestujúci, skúšajúci*), правда, при основной форме множественного числа не исключается и форма единственного, род которой варьирует, например, *účinkujúci* (мн. и ед. м. р.) – *účinkujúca, súť'ažiaci* (мн. и ед. м. р.) – *súť'ažiacca – súť'ažiacca* (мн. ж. р.), *cestujúci* (мн. и ед. м. р.) – *cestujúca*. В связи с этим хотелось бы привести наблюдение К. Бузашиовой о том, что снижение продуктивности словообразовательных средств выражения собирательности, особенно типа с суффиксом *-stvo* компенсируется прежде всего использованием существительных, например, *učitelia* (не *učitel'stvo*), *šudenti, občania, voliči*; тип *grасujúci* автор не приводит¹⁷.

В большинстве случаев наименованию, возникшему в результате перехода в другую часть речи, противопоставляется наименование, возникшее в результате деривации (примеры см. выше), правда, семантически специфицированные. Трудно, однако, ответить на вопрос, почему язык использует наименования, возникшие в результате перехода в иную часть речи, и в таком случае, когда проще было бы образовать наименование с таким значением при помощи деривации (например, почему возникло наименование *súť'ažiaci*, в то время как могло появиться и *súť'ažník* или *súť'ažiar*).

5.0. Наше объяснение, решающее некоторые методологические проблемы и представляющие скорее обзор основных тенденций, а не подробный анализ, основанный на материале, показывает, что важнейшую роль в рассма-

триваемом виде переходов слов в другие части речи играет семантика: в этом случае новые слова возникают в результате семантического сдвига, поэтому весь процесс перехода неспрягаемых глагольных форм в другие части речи мы бы назвали семантическим образованием новых слов *sui generis*. Рассмотренные случаи, в которых семантические процессы связаны с заменой одного категориального компонента семантики другим, схематически можно изобразить следующим образом:

- динамический признак – предметность
- признак вещи (объекта)
 - признак действия (то есть динамического признака)
 - утрата полноточности и переход в служебные слова и междометия

5.1. Способом семантического словообразования возникают прежде всего новые существительные и прилагательные и, в меньшей мере, наречия и служебные слова и междометия. Как видно, этим способом так же, как и в результате собственно словообразования, обогащаются прежде всего важнейшие неглагольные части речи: существительные и прилагательные. Семантическим способом, в отличие от аффиксального, не образуются новые глаголы (образование глаголов не имело бы причин, внутренней логики). Семантическое образование слов отличается от словообразования в основном тем, что здесь ведущую роль играет лексическая семантика (сдвиг у категориальных семантических компонентов наименования и реорганизация иерархии этих компонентов), не имеющая прямого выражения в лексической форме. В словообразовании же словообразовательная семантика, как правило, непосредственно связана со словообразовательной формой. Возникновение, resp. образование новых слов в результате собственно словообразования в современном литературном словацком языке (как и во многих других языках) является намного более продуктивным и частотным, чем переход в другие части речи на основе семантического сдвига

(многосторонние функции словообразования в рамках лексики как целого отметил Ю. Фурдик¹⁸). Оба способа, однако, имеют общую цель в том, чтобы удовлетворять потребность в наименовании, причем на основе имеющихся системных способов. Следствием этих процессов является возникновение нового наименования – как правило, для обозначения того, что до сих пор не имело названия в языке.

Хотя мы отмечаем огромную разницу в продуктивности между собственно словообразованием и переходом слов в другие части речи, нельзя забывать о том, что для современного литературного словацкого языка и последний способ имеет большое значение. В результате его использования возникают такие новые слова, которые словообразовательным способом, как правило, не образуются, и это является важнейшей чертой данного процесса. Вторая его важнейшая черта состоит в том, что частеречные переходы являются одним из наиболее выразительных проявлений динамичности современного состояния языковой системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Morfológia slovenského jazyka. Red. J. Ružička. – Bratislava, 1966.
2. Dokulil M. K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice // Slovo a slovesnost, 43, 1982.
3. Dokulil M. Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und Beziehungen // Travaux linguistiques de Prague. 3. – Prague, Academia 1968.
4. Morfológia... S. 362.
5. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи // Очерки по лингвистике. – М., 1962. С. 58.
6. Kačala J. Zámernosť a nezámernosť ako komponenty sémantiky slovesa // Jazykovedný časopis, 31, 1980; Blanár V. Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. – Bratislava, 1984.
7. Dokulil M. K otázce ... S. 261.
8. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ, 1974, № 5, С. 75.
9. Dokulil M. Zur Frage ... S. 229 n.
10. Ibid. S. 233.
11. Ibid.
12. Курилович Е. Деривация... С. 61.
13. Dokulil M. K otázce... S. 267 n.
14. Morfológia... S. 68.
15. Dvoň L. Dynamika slovenskej morfológie. – Bratislava, 1984.

16. Kačala J. a kol. Obráz slovej zásoby súčasnej spisovnej slovenčiny v jednozväzkovom slovníku // Obsah a forma v slovej zásobe. Red. J. Kačala. – Bratislava, 1984. S. 27.

17. Buzássyová K. Vyjadrovanie významu hromadnosti (kolektívnosti) v dnešnej slovenčine // Kultúra slova, 15, 1981. S. 20.

18. Furdík J. Slovo tvorba – hybná sila lexikálnej dynamiky // Obsah a forma v slovej zásobe. Red. J. Kačala. – Bratislava, 1984.

Пер. со словацкого Осиповой М. А.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ
NOMINA ABSTRACTA ATTRIBUTIVITATIS
В ЛИТЕРАТУРНОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Одним из необходимых аспектов исследования истории литературного языка является изучение эволюции его словарного состава и словообразовательной системы. Известно, что лексический уровень языка "быстрее и шире, чем другие стороны языковой структуры, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни..."¹. Поэтому изучение словарного состава литературного языка на разных этапах его истории имеет важное значение как в лингвистическом плане, так и в плане выявления взаимосвязи литературного языка с развитием общества, с историей народа – носителя этого языка.

В истории литературного словацкого языка определяющим был период с конца XVIII в. до середины XIX в., органически связанный с социально-политическими и культурными процессами национального возрождения, формирования современной словацкой нации. Именно к этому периоду относится возникновение и функционирование двух вариантов литературного словацкого языка: западнословацкого типа ("бернолаковщина") и среднесловацкого типа ("штуровщина"). Западнословацкий вариант возник в результате осуществленной в конце XVIII в. языковой реформы А. Бернолака (1762–1813), который разработал и осуществил первую научно обоснованную программу кодификации литературных норм словацкого языка. Среднесловацкий вариант был узаконен в середине XIX в. благодаря усилиям Л. Штура (1815–1856) и его последователей. Этот вариант послужил основой единого национального литературного языка словаков, который с незначительными изменениями функционирует и в настоящее время².

В данной статье делается попытка выявить и описать словообразовательные типы производных имен существительных со значением качества, признака, свой-

ства (Nomina abstracta attributivitatis). Таким образом, предметом нашего исследования является не весь лексико-грамматический разряд имен существительных, имеющих значение отвлеченного признака, а его основное ядро, которое составляют структурно маркированные слова, обладающие формальными показателями данного значения – деривационными морфемами (суффиксами), ср., например, русск. *мудрость, твердость, полнота, коварство, белизна* и т. п., слвц. *krátkosť, srdečnosť, hluchota, hrdinstvo* и т. п.

В литературном словацком языке эпохи национального возрождения слова рассматриваемого типа представляли собой довольно многочисленный и быстро пополняющийся пласт лексики, характеризующийся сложными и разнообразными семантическими и деривационными связями, а также определенной динамикой, проявляющейся даже в рамках изучаемого синхронного среза. Между тем они не были еще предметом достаточно полного специального исследования. Правда, отдельные интересные и важные наблюдения о семантике и словообразовательной структуре производных отвлеченных имен существительных можно найти в статье Я. Горецкого³, в книгах К. Габовштяковой⁴ и Н. А. Кондрашова⁵, а также в некоторых других работах. Мы также затрагивали данную проблематику, анализируя абстрактную лексику бернолаковского литературного языка в аспекте словообразовательной вариативности⁶.

*Отвлеченные имена существительные
с суффиксом -ost'*

В разряде отвлеченных имен существительных в литературном словацком языке эпохи национального возрождения наиболее продуктивным является словообразовательный тип: основа качественного прилагательного + суффикс *-ost'*.

Как в бернолаковский, так и в штуровский период отвлеченные существительные данного типа были весьма многочисленными, они составляли открытый ряд (нами зафиксировано более тысячи лексем). Словообразователь-

ная активность суффикса -ost' проявлялось в том, что он мог сочетаться с основами прилагательных разнообразной морфологической структуры (простыми и производными, односложными и многосложными, суффиксальными и префиксальными, сложными и др.).

В качестве мотивирующей выступал довольно широкий круг простых адъективных основ. При этом в исходе мотивирующей основы могла быть практически любая согласная. Мотивация производного существительного была, как правило, достаточно ясной, ср.: biely 'белый' > bielost' (be-lost') 'белизна', čerstvý 'свежий' > čerstvost' 'свежесть', krutý 'жестокый' > krutosť 'жестокость' и т. п. Простыми основами прилагательного мотивированы также следующие отвлеченные существительные: celost' 'целость, полнота; целостность', červenost' 'краснота', divost' 'дикость; неистовость', dobrot' 'доброта', drahost' 'дороговизна', drzost' 'дерзость, нахальство', hluchost' 'глухота', hustost' 'густота', chromost' 'хромота', chytrost' '1. быстрота; 2. обманчивость, притворство', istost' 'уверенность; бесспорность', křivost' '1. кривизна; 2. хромота', lakomost' 'жадность; алчность', mdlost' '1. слабость, вялость; 2. обморок', mokrost' 'сырость', nemost' 'немота', reknost' 'красота, красивость', plachost' 'робость, боязливость', plnost' 'полнота', rýchlost' 'скорость, быстрота', slepost' 'слепота', žerost' 'серость, темнота', teplost' 'теплота', tichost' 'тишина', veselost' '1. веселость; 2. веселье' и многие другие.

В нашем материале более ста подобных образований. Значение отвлеченного качества проявляется у них обычно вполне отчетливо. Покажем это на нескольких текстовых примерах: *Lútá krotne d'ivost'* (Hollý. Sláv. 38). *Eurial chitrost'ú Níza v behu predčí* (Hollý. En. 106). *Umka pokoj lúbi a tichost' má ráda samotnú* (Hollý. Na sl. nár. 116). *Seknúť pravda musela tá predošlá bystrost' a živost'* (Sl. Pohl. IV. I). ... *ktorí za tak krátky čas vlast' svoju z pút hlúpost'i oslobod'ili* (SNN. III). ... *lúbiu s dajakousi nežnost'ou mocnjeho toho pána* (OT. 377). ... *že tento nemá síce takí talent, ako ten, aňi takú plnost' srdca* (Hodža. D. sl. 57).

К ряду простых адъективных основ примыкает и группа основ, имеющих в исходе элемент -k- (-ok-, -ek-, -ik-), который, несмотря на то, что он может быть вычленен, вряд ли

следует интерпретировать как словообразовательный суффикс прилагательных, актуальный для начального периода истории словацкого литературного языка. Речь идет об основах типа: *blízky*-y, *krotký*-y, *vysoký*-y и т. п. Эти основы мотивируют следующие отвлеченные существительные: *blízkosť* 'близость', *dalekosť* '1. дальность, отдаленность; 2. даль', *hlbokosť* 'глубина', *kréhkosť* 'хрупкость', *plytkosť* 'мелкость', *prudkosť* '1. резкость, стремительность; 2. быстрота; 3. пылкость, горячность; 4. крутизна', *riedkosť* 'редкость', *rezkosť* '1. бодрость, свежесть; 2. подвижность', *sladkosť* 'сладость', *širokosť* 'широта', *vysokosť* 'высота', *vlhkosť* 'влажность' и некоторые другие.

Подавляющее большинство производных адъективных основ, мотивирующих отвлеченные существительные на -ost', составляют основы суффиксальные. При этом наиболее активным в словообразовательном плане является адъективный суффикс -n- (в нашем материале более 500 соответствующих образований). Данный суффикс оформляет как отсубстантивные, так и отглагольные основы прилагательных.

Более многочисленным, по нашим наблюдениям, является ряд отсубстантивных основ. Например, от существительного *chut'* 'вкус, аппетит' образовано прилагательное *chutný* 'вкусный, аппетитный', основа которого мотивирует производное *chutnosť* 'аппетитность, вкуснота'; от существительного *škoda* 'вред, ущерб' образовано прилагательное *škodnosť* 'вредность'. Сходная "деривационная история" обнаруживается также в следующих отвлеченных существительных: *mužnosť* 'мужественность', *omilnosť* 'ошибочность', *osožnosť* 'полезность', *pokornosť* 'смиренность, послушность, покорность', *ružnosť* 'гордыня, высокомерие' и во многих других.

В ряде случаев отсубстантивная основа прилагательного с суффиксом -n- имеет более сложную морфемную структуру. Обычно это обусловлено наличием в ее составе приставки, например: *bezlestnosť* 'искренность, бесхитрость', *bezpotrebnosť* 'ненужность', *neľudčnosť* 'бесчеловечность, негуманность', *nemravnosť* 'безнравственность', *neškodnosť* 'безвредность', *potajnosť* 'тайнственность' и т. п.

Значение отвлеченного признака у рассмотренных выше и подобных образований на *-ost'* иллюстрируют следующие текстовые примеры: ... z nál'ezníkem *hríšnosť*'i Ulišem... (Hollý. En. 38); ... na hrd'inskú vodca patrící *Mužnosť*' (Hollý. Sv. 153); ... farári tak stratili na *vážnosti*' (Fándly. Roz. 88); ... čo im dodávajú úctu a *velebnosť*' (Fándly. Roz. 62); Prál okusit' *volnosť*' ... (Hollý. Sv. 60); ... rozduchoval *nepokojnosť*' a rozbroj v kláštore (Fándly. Roz. 47). ... a túto *vernosť*' skúsa ... aj budúce veky (SNN. 2). ... čo tieto štipendia od svojích spolukamarátou s tak láskopilnou *šetrnosť*'ou dostávajú (SNN. 24).

Значительное число отадъективных существительных на *-ost'* мотивировано девербативными и деноминативными основами прилагательных, имеющими в исходе суффикс *-iv-* и его модификации (варианты) *-liv-*, *-čiv-* (в нашем материале насчитывается около 300 таких образований).

При этом суффиксы прилагательного *-iv-*, *-liv-* обладают примерно одинаковой словообразовательной активностью, а суффикс *-čiv-* оформляет лишь единичные основы (по преимуществу отглагольные).

Девербативные основы прилагательных с суффиксом *-iv-* характеризуются, как правило, достаточно прозрачной мотивированностью, например: *bažiť*' 'страстно желать, жаждать' > *baživý*' 'алчный, жаждущий, корыстный' > *baživost*' 'алчность, корыстолюбие'; *bedlit*' 'заботиться, печься' > *bedlivý*' 'заботливый, внимательный' > *bedlivost*' 'заботливость'; *lichotit*' 'лстить' > *lichotivý*' 'лстивый' > *lichotivost*' 'лстивость'; *náhlit*' sa 'торопиться, спешить' > *náhlivý*' 'торопливый, поспешный' > *náhlivost*' 'торопливость, поспешность'. В некоторых случаях отглагольный характер основы прилагательного, служащей словообразовательной базой отвлеченного существительного, отражается в том, что у производного существительного на *-ost'* доминирующим оказывается специфический оттенок абстрактного значения признака, а именно "способность, возможность, склонность проявлять свойство, названное мотивирующей основой", например: *liečiť*' 'лечить' > *liečivý*' 'лечащий, обладающий лечебным свойством' > *liečivost*' 'лечебное свойство, способность лечить'.

Образование десубстантивных основ прилагательных с суффиксом *-iv-*, мотивирующих отвлеченные существитель-

ные на *-ost'*, иллюстрируют следующие примеры: *dobrota*' 'доброта' > *dobrotivý*' 'добрый, сердечный' > *dobrotivost*' 'сердечность, доброта'; *lest*' 'хитрость, уловка, обман' > *lestivý*' 'хитрый, лукавый, коварный' > *lestivost*' 'хитрость, лукавство, коварность'; *prívet*' 'приветствие' > *prívetivý*' 'приветливый, дружелюбный' > *prívetivost*' 'приветливость, дружелюбие'; *zloba*' 'злость, злоба' > *zlobivý*' 'злостный, злобный' > *zlobivost*' 'злостность, злобность'.

Перед суффиксом *-iv-* в исходной мотивирующей основе прилагательного могут происходить соответствующие изменения, например, чередования согласных, ср. *neduh*' 'болезнь, недуг' > *neduživý*' 'болезненный' > *neduživost*' 'болезненность'; *zisk*' '1. доход, прибыль; 2. выгода, польза' > *zištný*' 'корыстный; выгодный' > *zištivost*' 'корыстолюбие'; чередование твердого и мягкого конечного согласного, ср.: *úcta*' 'уважение, почтение' > *úctivý*' 'почтительный' > *úctivost*' 'почтительность', см. также приведенные выше примеры: *dobrota* > *dobrotivost*', *prívet* > *prívetivost*' и т. п., выпадение корневого *-e-*, ср.: *bázeň*' 'страх, боязнь' > *báznivý*' 'боязливый' > *báznivost*' 'боязливость', *oheň*' 'огонь' > *ohnivý*' 'огненный; пламенный' > *ohnivost*' 'пламенность, пылкость' и др.

В кругу производных прилагательных с суффиксом *-liv-* также выделяются девербативные и десубстантивные основы. При этом суффикс *-liv-* значительно активнее оформляет глагольную мотивирующую основу (соотношение девербативных и десубстантивных образований с этим суффиксом примерно 2 : 1). В большинстве случаев исходной мотивирующей основой прилагательного является корень (или основа) глагола на *-it'*, например: *citit*' 'чувствовать' > *citlivý*' 'чувствительный' > *citlivost*' 'чувствительность'; *hánit*' 'позорить, срамить, стыдить' > *hánlivý*' 'позорный, постыдный' > *hánlivost*' 'постыдность, срамота'; *orovážiť*' sa 'осмелиться, отважиться' > *orovážlivý*' 'смелый, дерзкий' > *orovážlivost*' 'дерзость, смелость'; *plašiť*' 'пугать' > *plašivý*' 'робкий; пугливый' > *plašivost*' 'робость, пугливость'; *žičiť*' 'желать добра; благоприцтовать' > *žičlivý*' 'доброжелательный, благожелательный' > *žičlivost*' 'доброжелательность, благожелательность'. Аналогичный словообразовательный механизм можно выявить в отвлеченных существительных: *búrlivost*', *činnivost*', *duřlivost*', *očistlivost*', *rozvážli-*

vosť, strašlivosť и т. п. От глаголов других классов прилагательные с суффиксом -liv- образуются реже, ср.: šanovať 'беречь, щадить' > šanovlivý 'бережливый' > šanovlivosť 'бережливость; sklamat' 'обмануть' > sklamlivý 'обманчивый, лживый'; > sklamlivosť 'лживость, обманчивость; zdat' sa 'казаться' > zdanlivý 'кажущийся, мнимый, воображаемый' > zdanlivosť 'мнимость; hospodárit' 'хозяйствовать, хозяйничать; экономить' > hospodárlivý 'хозяйственный, рачительный' > hospodárlivosť 'хозяйственность, бережливость, рачительность; trpieť 'терпеть; страдать' > trpelivý 'терпеливый' > trpelivosť 'терпеливость; терпение; zabudnúť 'забыть' > zabudlivý 'забывчивый' > zabudlivosť, 'забывчивость'.

В тех случаях, когда суффикс -liv- присоединяется к основе страдательного причастия, возникает осложненный суффикс -anliv- или (реже) -enliv-, так, например, в Сл. Б. зафиксированы, в частности, следующие образования: čítanlivosť, držanlivosť, milovanlivosť, oživanlivosť, sčítanlivosť, wiznamenanlivosť, zdržanlivosť, zetrwanlivosť. По материалам штуровского периода этот ряд продолжают отвлеченные существительные ňedbanlivosť, vytrvanlivosť, znášanlivosť, zúfanlivosť и некоторые другие. С суффиксом -enliv- в Сл. Б. отмечено существительное očistenlivosť.

Десубстантивные основы с суффиксом -liv-: hanba 'стыд' > hanblivý 'стыдливый' > hanblivosť 'стыдливость'; náказа 'зараза, инфекция' > nákazlivý 'заразительный, заразный' > nákazlivosť 'заразительность'; peč 'забота, беспокойство' > pečlivý 'заботливый' > pečlivosť 'заботливость, внимательность'; podvod 'обман' > podvodlivý 'обманчивый' > podvodlivosť 'обманчивость'; starosť 'забота' > starostlivý 'заботливый' > starostlivosť 'заботливость'. Аналогичного типа десубстантивные основы прилагательного представлены также в следующих отвлеченных существительных: spnostlivosť, čistotlivosť, hanblivosť, hnevivosť, názorlivosť, nenávisťlivosť, obratnosť, odporlivosť, pohyblivosť, pozorlivosť, radostlivosť, úzkostlivosť.

Как мы уже отмечали, образования с производными основами прилагательных на -čiv- представлены значительно реже, при этом исходная мотивирующая основа является по преимуществу глагольной, например: páliť 'палить, жечь, припекать' > páčlivý 'палящий, жгучий, знойный' >

páčivosť 'жгучесть, знойность'; zadumať sa 'задуматься, погрузиться в размышления' > zádumčivý 'задумчивый' zádumčivosť 'задумчивость'; zaháľat' 'бездельничать, лодырничать' > záhalčivý 'праздный, бездельный, ленивый' > záhalčivosť 'праздность, ленивость'. Десубстантивная основа на -čiv- представлена лишь единичными примерами, ср.: povera 'суеверие, предрассудок' > poverčivý 'суеверный' > poverčivosť 'суеверность'.

Значение абстрактного признака имен существительных на -osť, мотивированных основами прилагательных с суффиксом -iv- и его модификациями -liv- и -čiv-, проиллюстрируем несколькими текстовыми примерами:

Ale sa ím baživosť po nákaznom tomto nápoji zle odslúžila (SNN. 37). Učiteľ má s neprestajnou bedlivosťou na všetkých stranách ústavu školskeho pozorovať ... (OT. 118). ... povstaňme zo spánku lenivosti (Fándly. Roz. 102). Nie som milovník svetskej márnivosti (Fándly. Roz. 186). Pre náhlivosť sádzača vkázli sa do čísla 132. Novín tieto chibi (SNN. 534). ... v tejto chorobe podozrivosti (Sl. Pohl. II. 8). A všecku prívetivosť a uctivosť mu preukazuje (Hollý. En. 58). Ale ten svet zapadli kolko ešte i teraz má vábivosť (OT. 59). ... žiadnu zisťivosť o ľudskou sa ňepoškrvň (Hodža. D. sl. 64).

Ňje je pravda..., že osveta a vzd'elanosť národu k búrlivosti... nauča (SNN. 294).

Aby sa zamedzilo aj takejto nerozumnej opovážlivosti (Fándly. Roz. 71). ... lebo strjezlivosť a zdržanlivosť je ích základ, na ktorom potom gazdovlivosť mocnejšie koreňe púšťa (SNN. 350). Veľ mi prečkáme i p. Lichardovu prchlivosť (Sl. Pohl. III. 55). Pekná je starostlivosť rodičou o deťi (SNN. 93). ... a toto dodáva spisovateľovi smelosťi a vytrvanlivosťi (Sl. Pohl. III. 25). On chceu nado všetko aby sa vždi skutočnosť predložila zdánlivosťi... (OT. 378). Ujist'uje nás t'jež o ích špartánskej znášanlivosťi (Sl. Pohl. I. 35).

Mysel jeho bola náklonna k dumaniu. Zádumčivosť povaha jeho (Sl. Pohl. III. 198). Aby sám mohol zanedbávať svoje reguly, iných zabával a podporoval v záhalčivosti. (Fándly. Roz. 47). ... a ľahkomislnú poverčivosť ľudu nášho nadužívať... (SNN. 421).

Многочисленная группа отадъективных существительных на -osť мотивировалась основами прилагательных, имеющими в исходе суффиксы -av- или -lav- (в нашем ма-

териале более 250 образований). При этом продуктивным был лишь суффикс -av- (с ним зафиксировано подавляющее большинство основ, в то время как с суффиксом -lav- только около 30).

Основную массу производных прилагательных с суффиксом -av- составляют девербативные образования (их соотношение с десубстантивными основами на -av- примерно 5 : 1).

Как правило, девербативные прилагательные с суффиксом -av- образуются от простых и производных глаголов на -at', например: dudlat' 'ворчать' > dudlavý 'ворчливый' > dudlavost' 'ворчливость'; habkat' в значении 'неясно, бессвязно бормотать' > habkavý 'бессвязный, запинаящийся' > habkavost' 'бессвязность, неясность'; hltat' 'жадно поглощать, заглатывать' > hltavý 'прожорливый, ненасытный' > hltavost' 'прожорливость, ненасытность'; kul'hat' 'хромать' > kul'havý 'хромой, хромающий' > kul'havost' 'хромота'; okúňat' sa 'стесняться' > okúňavý 'стеснительный' > okúňavost' 'стеснительность'; podujímat' sa 'приниматься, братья за что-либо' > podujímavý 'предприимчивый' > podujímavost' 'предприимчивость'. К этому же ряду относятся следующие отадъективные существительные на -ost': bl'kavost', brblavost', dojímavost', drémavost' (Sl. B.), driemavost', chlastavost', chrchlavost', klamavost', klesavost', lamavost', laskavost', mrhavost', obžeravost', ostýchavost', otriasavost', pichavost', podnikavost', priliepast', spevavost', t'ahavost', váhavost', vupínavost', zaujímavost' и др. От других глагольных классов можно назвать лишь одиночные адъективные основы с суффиксом -av-, которые мотивируют отвлеченные существительные на -ost'-, например: boliet' > bol'avý 'болезненный' > bol'avost' 'болезненность', ср. также: hrýzt' > hryzavý > hryzavost'; oprchnút' > oprchavý > oprchavost', tiect' > tekavý > tekavost'.

Примером десубстантивных основ прилагательных с суффиксом -av- могут служить следующие образования: hmla 'туман, мгла' > hmlavý 'туманный' > hmlavost' 'туманность'; dierka 'дырка' > dierkavý 'дырявый, дырчатый' > dierkavost' 'дырявость'; kučera 'локон, кудри' > kučeravý 'кудрявый, курчавый' > kučeravost' 'курчавость'.

К этому же ряду относятся: červenavost', karpravost', obetavost', plechavost', popolavost', špinavost' и некоторые др.

Немногочисленные основы прилагательных с суффиксом -lav- (орфографически и -lav-) являются главным образом девербативными, например: chrápat' 'храпеть' > chrápl'avý 'хриплый, сиплый' > chrápl'avost' 'хрипкость, сиплость'; pichat' 'колоть, тыкать; подкалывать' > pichl'avý 'колючий, колкий; язвительный' > pichl'avost' 'колючесть, колкость; язвительность'; ср. также: cucat' > cucl'avý > cucl'avost', choriet' > chorl'avý > chorl'avost', sipiet' > sipl'avý > sipl'avost', škřabat' > škřabl'avý > škřabl'avost'. Десубстантивные основы данного типа непродуктивны: krik > krikl'avý 'крикливый' > krikl'avost', smrad 'вонь, смрад' > smradl'avý 'вонючий, смрадный' > smradl'avost' 'зловоние, смрадность'.

Несколько текстовых примеров с производящими основами рассматриваемого типа: ... sme sa nechceli spokojuvat'... aňi s tou chabost'ou a drjemavost'ou kmeňa slovenskeho (Sl. Pohl. I. 43). Nech mlčím o chibnost'i a habkavost'i samjeho počopu (Sl. Pohl. I. 60)... kerich veľká brucha vihnila besních ze skriš a z jaskiň hltavost' (Hollý. En. 43)... a to je tá ihravost' a farbitost' obrazou (OT. 149)... a bez všetkej okúňavost'i rozprávali pred d'jetkami (SNN. 511). Podujímavost'ou zase viznačujú sa tunajší hrňčjari (SNN. 335). ... aká vo všetkom t'ekavost', nerážnosť mysli i skutkov (Sl. Pohl. III. 30).

Hlavní išpan oznámíu, že je prinút'eni pre svoju chorlavost' obnovu úradu stoličnjeho... na budúce leto odložit' (SNN. 114). Nemá tú siplavost' polskej reči (OT. 606).

В качестве производящей основы деадъективных существительных на -ost' выступали также производные прилагательные с суффиксами -at-, -nat-, -ovat-. Образования этого типа относительно немногочисленны (в нашем материале представлено немногим более 50 слов). Основы с указанными суффиксами, как правило, были десубстантивными, например: barina '1. лужа, 2. топкое место, болото' > barinatý 'болотистый' > barinatost' 'болотистость'; chlр 'волос, клок (волос)' > chlpatý 'волосатый, косматый' > chlpatost' 'волосатость'; straka 'сорока' > strakatý 'пестрый, пегий' > strakatost' 'пестрота'. В последнем случае адъективная основа с суффиксом -at- передает не просто наличие признака по тому предмету, который назван мотивирующим именем существительным (как в первых двух примерах), а выражает значение сходства с тем, что названо мотивирующим

существительным ('пестрый как сорока'). Непродуктивным является образование производных адъективных основ на -at- от глаголов, ср.: stát 'стоять' > stojatý 'стоячий; застывший' > stojatosť 'неподвижность'.

В отдельных случаях можно предположить, что мотивирующим является имя прилагательное, при этом суффикс -at- не привносит нового словообразовательного значения, а лишь подчеркивает, редуцирует формальный признак адъективности, ср.: bujný '1. пышный, обильный; 2. буйный' > bujnatusť '1. пышность; 2. буйность'; drsný 'шершавый, шероховатый' > drsnatusť 'шершавость, шероховатость'; nahý 'голый, нагой' > nahatusť 'нагота'.

Аналогичный словообразовательный механизм представлен и в десубстантивных основах прилагательного с суффиксом -nat-, ср.: haluz 'сук; ветка' > haluznatusť 'суковатый; ветвистый' > haluznatosť 'суковатость; ветвистость'; krv 'кровь' > krvnatusť 'кровянистый, наполненный кровью' > krvnatosť 'кровянистость, полнокровие'; smola 'смола' > smolnatusť 'смолистый' > smolnatosť 'смолистость'; šťava 'сок' > šťavnatusť 'сочный' > šťavnatosť 'сочность'.

Следует отметить, что при помощи суффикса -nat- образуются также относительные прилагательные, основа которых в свою очередь мотивирует существительное на -ost'. Последнее в таком случае выражает не отвлеченный признак, а значение множества, обилия того, что названо исходной мотивирующей основой, ср.: hviezda 'звезда' > hviezdatusť 'звездный, усеянный звездами' > hviezdatosť 'множество, обилие звезд'; piesok 'песок' > piesochnatusť 'песчаный; засыпанный, покрытый песком' > piesochnatosť 'наполненность, насыщенность песком'; lišaj 'лишай' > lišajnatusť 'лишайный, покрытый лишаями' > lišajnatosť 'обильная лишайная сыпь'.

В отличие от суффиксов -at- и -nat- суффикс -ovat- является менее активным, он оформляет лишь одиночные образования, например: guľa 'шар' > guľovatusť 'шарообразный, шаровидный' > guľovatosť 'шарообразность, шаровидность'; jed 'яд' > jedovatusť 'ядовитый' > jedovatosť 'ядовитость'; mozol 'мозоль' > mozolovatusť 'мозолистый' > mozolovatosť 'мозолистость'; vina 'вина' > vinovatusť 'виновный, виноватый' > vinovatosť 'виновность, виноватость'.

Текстовые примеры отвлеченных существительных рассмотренного типа: Podstata lyrickjeho spevca práve v tom záleží, že nám nepredstavuje vecnatosť a hmotnosť samu... (OT. 148). Ale ja sa pítam: či liškavosť, hlavatosť atď sú chibi práve len tomu pospolitjemu ľudu... vlastnje? (OT. 614). Hlavníje dva rozďjeli ukazujú sa na nej: hornatosť alebo vrchovitosť a rovina (OT. 36). Ale je to veľká tích panou vinovatosť (SNN. 350). Nje je tuto ako pri predošlom t'elesnom život'e stojatosť, ale ustavičná premena a pokrok (OT. 330).

Следующая группа отвлеченных существительных на -ost' мотивируется десубстантивными и девербативными основами прилагательного с суффиксами -it-, -ovit-. В нашем материале более 50 подобных образований. В количественном отношении среди основ с суффиксом -it- преобладают девербативные, а суффикс -ovit- оформляет практически лишь десубстантивные основы.

Механизм образования девербативных основ прилагательных раскрывают такие примеры: spojiť 'соединить; сомкнуть; объединить' > spojitý 'соединенный, объединенный, связанный, скрепленный' > spojitost' 'соединенность, связанность'; určiť 'определить' > určitý 'определенный' > určitost' 'определенность'; zamožiť sa 'разбогатеть' > zamožitý 'богатый, зажиточный' > zamožitost' 'зажиточность, богатство'. В этом же ряду можно отметить следующие образования: ohromitosť, roztržitost', srditosť, závažitosť, zmekčitosť и др.

Десубстантивные основы прилагательных с суффиксом -it-: odvaha 'смелость, отвага' > odvažitý 'смелый, отважный' > odvažitosť 'смелость, отважность'; svedomie 'совесть' > svedomitý 'совестливый, добросовестный' > svedomitost' 'совестливость, добросовестность; совесть'. Можно отметить также и другие отвлеченные существительные, мотивирующей основой которых является десубстантивное прилагательное с суффиксом -it-, ср.: barvitosť, farbitosť, hlasitosť, plamenitosť, zákonitosť.

Некоторые десубстантивные основы прилагательных с суффиксом -ovit- достаточно отчетливо передают значение подобия тому, что названо мотивирующим именем существительным, например: guľa 'шар' > guľovitý 'шарообразный, шаровидный' > guľovitost' > шаровидность, округлен-

ность'; hak 'крюк, крючок' > hakovitý 'похожий на крючок, крючковатый' > hakovitost' 'крючковатость'. Другие основы с -ovit- выражают наличие признака того предмета, который назван мотивирующим именем существительным, например: reňa 'веснушка' > rehovitý 'покрытый веснушками, веснушчатый' > rehovitost' 'веснушчатость'; koga 'кора, корка' > kogovitý 'покрытый корой, затвердевший' > kogovitost' 'свойство затвердевшего, покрытого корой'; vrch 'холм, гора' > vrchovitý 'холмистый, гористый' > vrchovitost' 'холмистость, гористость'.

Текстовые примеры: ... v ktorého hospodárstve ňjeto tejto vzájemnej spojitosťi (SNN. 448). Viznačenost' a určitosť zeme, t. j. určitosť hračíc krajině je ňvihnutě potrebná (SNN. 467). ... za svoju zanovitost' ňeušjeu náležitej odplat'e (OT. 331).

Иногда же уже даётся *barvitost'* и тот же выражение в *tvári* (SNN. 589). Наша *zodpovednosť* нас побуждает к *ostrážitosťi* против злых обычаев (Fády. Roz. 70). В описании же сохраняется та же самая *pozornosť* и *svedomitost'* (OT. 558).

Kmenovitost' наша же строится... на нашем собственном, особенном наречии (OT. 42). ... та же грубая же *kuorovitost'* жизни нашего народа и к себе притягивает (SNN. 226).

Производные основы прилагательных, мотивирующие отвлеченные существительные на -ost', могли иметь в исходе непродуктивные суффиксы -ast-, -ist-, -istv-, а также -ut-. С этими суффиксами нами зафиксированы буквально единичные образования: *černastost'* (Sl. B.), *plameňistost'* (Sl. B.), *plodistvosť* (Sl. B.); *mrzutost'* (Sl. B., SNN), *t'ekutosť* (Sl. Pohl.).

Значительный интерес представляют десубстантивные основы прилагательных с суффиксом -sk- (-sk-), так как от них в словацком литературном языке именно в начальный период его становления активно образовывались отвлеченные существительные на -ost'. Речь идет об образованиях типа: *brat* > *bratský* > *bratskosť* 'братский характер, братское отношение'; *hrdina* 'герой' > *hrdinský* 'геройский, героический' > *hrdinosť* 'геройство'; *chlap* 'мужчина' > *chlapský* 'мужской; мужественный' > *chlapskosť* 'мужской характер; мужественность'; *gab* > *gabský* > *gabskosť* 'рабский характер, рабская покорность' и т. п.

При образовании аффиктивной основы на -sk- финаль мотивирующей основы имени существительного могла претерпевать соответствующие изменения (например, перед суффиксом -sk- происходило чередование согласных

h/ž: *boh* > *božský* 'божеский, божественный' > *božkosť* 'божественность'; в случае сложного сочетания согласных появлялось вставное *e*: *nábožný* 'религиозный, набожный' > *náboženský* > *náboženskosť* 'религиозность'; если мотивирующая основа оканчивалась на -k- или -c-, то при их взаимодействии с суффиксом -sk- последний приобретал форму -ck-, ср.: *človek* > *človecký* 'человечий, человеческий' > *človeckosť* 'человечность'; *junák* 'юноша; молодец, удалец' > *junácky* 'молодецкий' > *junákosť* 'удаль, молодечество'; *otrok* 'раб, невольник' > *otrocký* 'рабский, невольнический' > *otrockosť* 'рабский характер, рабство'; *sebec* 'себялюбец, эгоист' > *sebecký* 'эгоистичный, эгоистический, себялюбивый' > *sebeckosť* 'эгоизм, себялюбие'; *vedec* 'ученый' > *vedecký* 'научный' > *vedeckosť* 'научность'.

Образования существительных на -ost' от основ подобного типа примечательны тем, что обычно суффикс -sk- оформляет десубстантивные основы относительных прилагательных, ср.: *ľudský*, *susedský*, *občiansky*, *dedinský*, *vdovský* и др. Однако в тех случаях, когда в прилагательном на -ský имеется или возникает семантический оттенок качественности, оно может выступать как мотивирующее слово существительного на -ost', например: *ľudský* '1. относящийся к человеку, человеческий; 2. человеческий, гуманный' > *ľudskosť* 'человечность', ср.: *ľudskosť* ňech je naším heslom! (SNN. 176). Аналогично: *muž* 'мужчина' > *mužský* '1. относящийся к мужчине, мужской; 2. мужественный' > *mužskosť* 'характер, свойство мужчины; мужественность'; *žena* 'женщина' > *ženský* '1. женский, 2. женственный' 'характер', свойство женщины, женственность', ср.: *Ale t'ešme sa nad silou a plnosťou, nad mužskosťou a čerťnosťou reči našej.* (OT. 43). *Vizerala... z jeho tváre mekkosť, vjacej ženskosť ako mužskosť* (OT. 268).

Продуктивность суффикса -ost' в шутовский период проявлялась, в частности, в том, что он втягивал в сферу абстрактных существительных довольно широкий круг образований от относительных прилагательных на -sk(ý). Так, кроме рассмотренных выше можно назвать ряд образований, в которых производящая (мотивирующая) основа восходит к имени-этнониму, например: *Nemec* > *nemecký* > *nemeckosť* 'характер, типичная черта, особенность, свойство немецкого', *Slovan* > *slovanský* > *slovanskosť* 'характер, типичная черта, особенность, свойство славянского', *Sloven* > *slovenský* > *slovenskosť* 'характер, типичная черта,

особенность, свойство словацкого' и т. п., ср.: On biu na *ňemeckost'*, *národovost'*, *púvodnost'* spôsobu písania (Sl. Pohl. II. 205). ... so škodou *slovanskost'i* svojho nárečia (Sl. Pohl. III. 32). Tjeto perli genia ohlasujeme s úplnim uznáňim ích znameňitost'i, veľkost'i a *slovenskost'i* (Sl. Pohl. I. 47).

По такому же принципу образовано отвлеченное существительное *eugópskost'* 'характер, особенность, свойство европейского'.

Рассмотренная особенность образования отвлеченных существительных на *-ost'* характерна не только для словацкого, но и для других западнославянских языков. Как известно, в русском языке подобные образования непродуктивны (можно назвать, например, существительные *детскость, светскость, женскость*).

В словацком литературном языке образования типа *bratskost'*, *mužskost'*, *tabskost'*, *ľudskost'*, *junáckost'*, *slovanskost'* получили распространение в шутовский период. Для бернолаковского литературного языка они были нехарактерны. Ни в Сл. Б., ни в литературных текстах бернолаковского периода подобные образования нам не встретились.

В литературном словацком языке шутовского периода значительное распространение получили отвлеченные существительные на *-ost'*, мотивированные заимствованной адъективной основой (главным образом греко-латинского происхождения). Речь идет об образованиях типа *ideálnost'*, *logičnost'*, *pikantnost'* и т. п. Эта черта характеризует развитие абстрактной лексики именно в шутовский период, так как для бернолаковского литературного языка подобные производные были нетипичны, они фактически вообще не употреблялись (если судить по Сл. Б. и расписанным нами текстам).

Имена существительные со значением отвлеченного признака данного типа мотивировались производными основами различной формальной структуры, однако, наиболее распространенными были адъективные основы, имеющие в исходе суффикс *-n*. При его помощи от иностранного корня возникала "славянизированная" производная основа. При этом, можно выделить некоторые разновидности таких основ:

а) суффикс *-n* присоединяется непосредственно к корню без каких-либо фонемных изменений в его составе,

ср.: *abstraktnost'*, *elegantnost'*, *komplexantnost'*, *konkrétnost'*, *naivnost'*, *negatívnost'*, *objektívnost'*, *pikantnost'*, *positívnost'*, *primitívnost'*, *reálnost'*, *subjektívnost'*, *spekulatívnost'* и др. Например: ... až sa strat'í zas oko tvoje na plodoch *elegantnost'i*, vkusu, rozkoše (Sl. Pohl. II, 129). Krman nemá tej panskej *komplexantnosti* slohu ako Bel (Hurban. Sl. 100). O tom teda nič mi *ňetreba* hovorit', lež takej *naivnost'i* zo zlomisklost'i st'e sa dopust'ili (Sl. Pohl. I. 68). On to za *pikantnost'* pokladá (OT. 398). ... bo *positívnost'* je materia, množstvo ... (OT. 483). ... že vid'íte pravdu v obraze a podobenstve, ... ňje v skutočnosťi a *reálnost'i* (OT. 524). Nemci vihlasujú empirickú vedu Francúzov a Engličanov za materialism, a títo *ňemeckú spekulatívnost'* za snárstvo (OT. 619).

б) Между корнем и суффиксом прилагательного *-n* имеется прокладка в виде различных формальных элементов, в сочетании с которыми возникает осложненный суффикс. Наиболее часто это бывает суффикс *-áln-*, ср.: *experimentálnost'*, *formálnost'*, *geniálnost'*, *kolossálnost'*, *constituciálnost'*, *individuálnost'*, *neutrálnost'*, *substanciálnost'*, *žoviálnost'* и др. Например: Najme sa ale starat' bud'eme, abi mládež naša z toho púheho, mrtvého realismu a jednolačnej *experimentálnost'i* sa vislobod'ila (Sl. Pohl. I, 13). ... jeho pomer ku snemu samou čírou *formálnost'ou* sa stau (SNN. 493). Vid'eňja je znak *geniálnost'i* (OT. 468). Obraz je kolossálni; a ja mjslím, že len v *kolossálnost'i* možno vilíčiť Krista (SNN. 589). *Ñekoňečná* je *individuálnost'* ducha (OT. 561).

Значительно малочисленнее образования с другими прокладками, в частности, *-ár-*, *-ant-*, ср.: *literárnost'*, *parlamentárnost'*, *populárnost'*, *interesantnost'*. Например: Oproti tomu ale stojí... sama pravd'ivá ňje zdánlivá *parlamentárnost'* (SNN. 372). Ešte boli rečníci, ktorí ... aj tu dajakú *populárnost'* si nadobívat' chcjú tím že vždi obviňujú vládu (SNN. 422).

в) Довольно продуктивны были в шутовский период отвлеченные существительные, мотивированные заимствованной основой прилагательного с исходом *-ičn-*: *diplomatičnosť'*, *empiričnosť'*, *fanatičnosť'*, *filosofičnosť'*, *charakterističnosť'*, *klasičnosť'* (*klassičnosť'*), *cosmopolitičnosť'*, *logičnosť'*, *misantropičnosť'*, *prosaičnosť'*, *romantičnosť'*, *sistematicičnosť'*, *typičnosť'* и т. п. Например: Či ale práve táto *empiričnosť'* ňeujíma cenu poesii pravej, to ňeid'eme tuná zodpovedat' (Sl. Pohl. I. 54). A nám

sa veru ích *charakterističnosť* veľmi páčila (Sl. Pohl. I. 52). Čokol-
vek mau národ veľkého, to složi u v reči svojej. A z tad'jal taká
hlboká v nej múdrosť, *logičnosť*, *filosofičnosť* (OT. 562). Odkjal
potom pochádza tá jednotvárna a omrzlá *prosaičnosť*, keď len
každý do svojich putjen nakúka (SNN. 335). Tam v tých zrutných
t'emňicach *romantičnosť* (OT. 103). Ned'elnje školi sú doplnki
škuol národných, v ktorých síce istá pravid'elná *sistematicnosť*
panovať nemu ože (Sl. Pohl. II, 131). Tam ten vo vid'eňí pravd'i
bud'e mat' svoju *typičnosť* virazenú (Sl. Pohl. I. 9).

Следует подчеркнуть, что мотивирующей основой рассматриваемого типа отвлеченных существительных на -ost' вполне однозначно можно считать основы прилагательных на -ičn(ý), которые как раз в шутовский период получили известное распространение. В последующий период истории литературного словацкого языка образование прилагательных от заимствованного корня при помощи форманта -ičný стало менее продуктивным. С прилагательными на -ičný все в большей степени конкурировали параллельные синонимические образования на -ický (ср.: *empirický*, *fanatický*, *romantický*, *systematický* и т. п.). В современном литературном словацком языке прилагательные с формантом -ický оттеснили образования на -ičný на периферию лексической и словообразовательной системы. В настоящее время слова типа *baladičnosť*, *kritičnosť*, *tematičnosť* являются редкоупотребляемыми и стилистически маркированными⁷. Малопродуктивным было образование отвлеченных существительных на -ost' от заимствованных основ без суффиксов -n-.

В шутовском литературном языке прилагательные на -ický (от заимствованных корней) встречались очень редко. Нами зафиксированы лишь единичные примеры, ср.: *charakteristický*, *pedantický*, *schematický*, *typický*. Основы прилагательных данного типа мотивировали соответствующие отвлеченные существительные на -ost': *charakteristickosť*, *pedantickosť*, *schematickosť*, *typickosť*.

В отдельных случаях уже в шутовский период наблюдается параллелизм в образовании отвлеченных существительных на -ost' от заимствованных основ, например, *charakterističnosť* и *charakteristickosť*, *typičnosť* и *typickosť*.

О постепенном освоении словацким языком заимствованных основ в сфере отвлеченной лексики свидетельствуют также образования существительных на -ost' от приставочных основ гибридного характера, ср.: *bezcharakternosť*, *bezlogičnosť*, *nepraktičnosť*, *netypičnosť*, и т. п., например: ... *odrod'ilosťi bezcharakternosť* i špatu (OT. 574). ... a *bezlogičnosť* mi na oči hádže (SNN. 511), *Z tejto netypičnosťi nás iba svezje duch slovenskí vislobod'í* (SNN. 377).

Необходимо отметить, что образования на -ost' от заимствованных основ могли выступить также с конкретным значением, выражая определенные понятия или предметы, например, прилагательное *električný* 'электрический' мотивировало имя существительное *električnosť*, которое выступало в значении 'электричество', ср.: *Tohoto váka bi sa dotúkali literi, ktorje bi pripust'eňím hned' pozitivnej, hned' negatívnej električnosťi, vedla potrebi... do tlačě skácali* (OT. 502).

Отвлеченные имена существительные с суффиксом -ot(a)

По сравнению с типом отвлеченных существительных на -ost' словообразовательный тип: основа качественного прилагательного + суффикс -ot(a) менее продуктивен (в нашем материале его представляют немногим более 100 лексем). Все же следует отметить, что на начальном этапе развития литературного словацкого языка суффикс -ot(a) в сочетании с основами прилагательных проявлял заметную словообразовательную активность (особенно в бернолаковский период, хотя и в текстах на шутовском литературном языке нам удалось зафиксировать ряд новообразований данного типа).

В качестве мотивирующей основы производных имен существительных на -ot(a) могли выступать адъективные основы различной морфологической структуры, однако их круг был более ограниченным, чем у Nom. ab. на -ost'.

Отвлеченные существительные на -ot(a) от простых адъективных основ. Речь идет о производных, образованных по схеме: *čerstvý* 'свежий; бодрый' > *čerstvota* 'свежесть, бодрость, живость', *dávny* 'давний, старый; древний' > *dávnota* 'давность, древность', *divý* 'дикий' > *divota* 'дикость',

drahú 'дорогой' > drahota 'дороговизна', hlúpy 'глупый' > hlúpota 'глупость', lichý 'обманчивый, неверный, неискренний' > lichota 'обманчивость, неверность, неискренность' и т. п.

Аналогичным способом образованы также следующие отвлеченные существительные: bystrota 'острый, живой ум, сообразительность, находчивость', clivota 'тоскливость, меланхолия', čistota, dobrota, hluchota, hustota, jasnota 'ясность, светлость', mokrota 'влажность, сырость', nahota 'нагота, обнаженность', nemota, ostrota, pevnota 'прочность, твердость', pustota, rovnota 'одинаковость, равенство', slepota, suchota 'сухость, сушь', štedrota 'щедрость, теплота, volnota 'вольность, свобода' и некоторые другие. К этому ряду примыкают также основы с элементом -k- в исходе, ср.: hladký 'гладкий' > hladkota 'гладкость', mrzký 'некрасивый, уродливый; мерзкий' > mrzkota 'мерзость; уродливость', nízký 'низкий, низменный' > nízkota 'низость', prudký 'стремительный; резкий; пылкий, горячий' > prudkota 'стремительность, резкость, вспыльчивость, горячность' и др.

Отвлеченные существительные на -ot(a) от производных основ. Ограниченное число выявленных нами лексем с суффиксом -ot(a) не дает возможности детально проанализировать и описать различные производные основы прилагательных, которые выступали в качестве мотивирующих в данном типе отвлеченных существительных.

Среди производных адъективных основ можно отметить прежде всего деноминативные и девербативные основы с суффиксом -n-, например: besný 'бешеный; неистовый, яростный' > besnota 'бешенство; неистовость, ярость', bujný 'пышный, обильный; буйный, необузданный' > bujnota 'пышность; буйность, необузданность', dusný 'душный' > dusnota (в Сл. Б. и dušnota) 'духота', а также mastnota 'жирность', pišnota (Sl. B) 'надменность, спесь' (здесь основа исходного прилагательного pišný мотивирована существительным pišna 'надменность, спесь') и др.; адъективированные основы на -l-, например: hnilota 'гнилость, гниль', skvelota 'великолепие, блеск', а также некоторые другие формальные разновидности адъективных основ, представленные единичными образованиями или крайне малочисленными группами слов. Из них отметим лишь основы с отри-

цательной приставкой ne-, например: nečistota 'нечистота, грязь, мерзость', neistota 'неуверенность, неискренность', neštedrota (Sl. B.) 'скупость, жадность'.

В отличие от Nom. ab. на -ost' у отадъективных существительных с суффиксом -ot(a) круг производных основ был заметно уже, в частности, как показывает наш материал, эти существительные практически не мотивировались сложными основами прилагательных, заимствованными основами (особенно греко-латинского происхождения). Были также и некоторые другие ограничения. Так, нам не встретилось ни одного случая образования Nom. ab. на -ot(a) от производных адъективных основ с суффиксами -iv-, -liv-, -'av-, -at-, -ovat-.

Как в образовании, так и в употреблении отвлеченных существительных на -ot(a) наблюдается как сходство, так и определенные различия в бернолаковский и штуровской период.

Естественно, является одинаковым сам общий принцип и способ образования отвлеченных существительных на -ot(a). Кроме того, данный разряд лексем в бернолаковском и штуровском языке включает значительное число общих (совпадающих по форме и значению образований), например: bystrota, clivota, černota (čiernota), čistota, divota, dobrota, hlúpota, istota, lacnota, mokrota, nahota, nemota, ostrota, pevnota, suchota, temnota и др. По нашим наблюдениям, в бернолаковском литературном языке суффикс -ot(a) обладал большей словообразовательной активностью, чем в штуровском. Так, в Сл. Б. и в текстах бернолаковского периода представлены следующие образования, которые нам не встретились в материалах, отражающих штуровский период истории словацкого литературного языка: bujnota 'буйность, необузданность', davnota, dusnota, hladkota, chramota 'хромота', l'ahkota 'легкость', lichota, makota 'мягкость', mlšota 'пристрастность к лакомству, гурманство', mrzkota, nahlota 'внезапность, стремительность, быстрота', nízkota, pišnota, prednota 'преимущество, превосходство; первенство', prudkota, rovnota, skvelota, sladkota, snadnota 'легкость', starota 'старость', tichota 'тишина', tmavota 'темнота', truchlota 'печаль, грусть', tuhota 'твердость, крепость', vlhkota 'влажность', volnota, vst'eklota 'ярость, неистовство'.

Примечательно, что далеко не все встретившиеся нам в литературных текстах бернолаковского периода отвлеченные существительные на -ot(a) зафиксированы в Сл. Б. Так, в нем не отмечены следующие слова: *besnota*, *bujnota*, *bistrota*, *čerstvota*, *divota*, *hladkota*, *hustota*, *l'ahkota*, *mokrota*, *možnota*, *ostrota*, *prázdnota*, *prednota*, *prísnota*, *prudkota*, *pustota*, *govnota*, *sladkota* и некоторые другие. Таким образом, реально употреблявшихся в текстах образований на -ot(a) было заметно больше, чем кодифицированных словарем Бернолака. В известной мере такое расхождение может быть объяснено тем, что литературная практика (особенно поэтические произведения Я. Голлого) получила наибольшее развитие уже после того, как был составлен словарь Бернолака. Естественно, что автор не мог включить в него многие неологизмы рассматриваемого типа.

Широкую употребительность в бернолаковском литературном языке названий отвлеченного качества, образованных при помощи суффикса -ot(a), видимо можно рассматривать как одно из проявлений поиска разнообразных языковых средств удовлетворения новых номинативных потребностей, развития и обогащения словарного состава молодого литературного языка. Можно также предположить, что активное использование слов данного словообразовательного разряда, его пополнение индивидуальными новообразованиями отражало становление специфического художественного стиля литературного языка. В этой связи примечателен тот факт, что большинство лексем на -ot(a), незафиксированных в Сл. Б., почерпнуто нами из поэтических произведений Я. Голлого. Приведем лишь несколько примеров: *Však ňe puhá vst'eklost'*, *ňe puhá l'en besnota zúrí* (Hollý. Sláv. II). ... *tvěj bistrotá misl'i* (Hollý. С.-М. 7). *Hned' silu dostává, dostává čerstvotu údov* (Hollý. Na sl. nár. 128). ... *bud' krási a hladkoti chiba* (Hollý. С.-М. 7). ... *z trísk a zemskéj nízkoty šmúrný oznamuješ čas* (Hollý. Na sl. nár. 2107).

Вполне возможно, что некоторые из подобных образований являются результатом индивидуального словотворчества Я. Голлого.

Ряд неологизмов в кругу отвлеченных существительных с суффиксом -ot(a) выявлен нами и в произведениях шутовского периода, т. е. в литературных текстах середи-

ны XIX века. Хотя в это время словообразовательная активность суффикса -ot(a) не была столь значительна, как в бернолаковский период, все же у ряда писателей и поэтов этот способ создания новых слов получил признание. Таким образом, и в отношении шутовского периода можно говорить об определенной степени продуктивности данного словообразовательного типа. Приведем ряд подобных слов, представленных в литературных источниках шутовского периода, и не встретившихся в Сл. Б. и в опубликованных произведениях бернолаковского периода, которые были нами экскерпированы:

cudzota 'признак, качество иностранного, иностранщина', *hnilota* 'гнизность', *jasnota* 'ясность', *milota* 'качество милого', *mrtvota* 'мертвенность, мертвая тишина', *ničota* 'пустота, незначительность', *plnota* 'полнота', *prostota*, *sprostota* 'глупость', *svježota* 'свежесть', *tesknota* 'тоскливость'. Ср. соответствующие примеры: *Zabudňime na chlebárstvo, na bažeňja po cudzot'e, na slepotu života* (SNN. 193); ... *cít'íš ten zakljati pokoj d'et'í Tvojich, on je hñilota vlastnjeho ducha Tvojho, ...* (SNN. 185). *Čo je hñusota, je hñusota i potom, keď bi ste z nej cjel dobročinní urobiť chceli* (Sl. Pohl. II, 206); ... *a Tatri sa zligocú v mori blesku a d'ivokrásnej jasnoti* (OT. 403). *Po burnom živote strán nastala mrtvota hrobová celku* (Hurban. Sl. 61). *Mislím si, márnemu sa o márnosti, o ničot'e sňíva* (Hodža. D. sl. 8). ... *ostatní museli vo sprostot'e otrokuvat'* (Hodža D. sl. 23) ... *v takej milot'e a svežot'e* (SNN. 413).

Суффикс -ot(a), присоединяясь к основе качественного прилагательного, имел, как правило, значение отвлеченного признака, качества, свойства. Это значение выступало как типично транспозиционное. Например: *čistý* 'чистый' – *čistota* 'чистота', *istý* 'истинный, безошибочный, безопасный, надежный' – *istota* 'истинность, безошибочность, уверенность, надежность', *l'ahký* 'легкий, подвижный' – *l'ahkota* 'легкость, подвижность', *ňemý* 'немой' – *ňemota* 'немота, молчание', *pekny* 'красивый' – *peknota* 'красота', *prísny* 'строгий' – *prísnota* 'строгость', *svieži* 'свежий' – *sviežota* 'свежесть', *štedrý* 'щедрый' – *štedrota* 'щедрость' и др. Словообразовательное значение отвлеченного признака отчетливо выражается также в следующих существительных с суффиксом -ot(a): *clivota*, *černota*, *čerstvota*, *dobrota*, *hladkota*, *lacnota*, *mrzkota*, *neistota*, *nízkota*, *starota*, *temnota*, *tmavota*, *volnota* и т. п.

Отвлеченную семантику рассматриваемых производных на -ot(a) убедительно иллюстрируют следующие текстовые примеры: *Nádherná čistota ruha skví sa na nich* (Hollý. Sv. 35) ... *predca dnuhá v níh panuje čistota a porjadok* (OT. 85). *Ejhle, o méj dávný a nový čas dobrote svedčí* (Hollý. Na sl. nár. 159). *No žobraví mnísi bez ohľadu na drahotu či lacné živobytie ... vynášali z krajiny* (Fándly. Roz. 49). *A st'ážeňím hibkej pododáva l'ahkot'i udom* (Hollý. Sláv. 100). *Tej smutnej vodi d'ivá ňemota* (OT. 377). *Peknot'i sa človek ňenagí* (Sl. B.). *Reč spevca peknotou nadšeného je milá a slodkot'ekúca* (OT. 452) ... *tol'ku nešlechetných pišnotu smelcov Otče, poníž...* (Hollý. Sv. 171) ... *dani bol v prísnote rozkaz: ...* (Hollý. Sláv. 18) ... *pre sladkotu hroznov* (Hollý. Na sl. nár. 67). *v takej milot'e a svježot'e* (SNN. 413). ... *a potom ňebolo medzi nami sbjerki peňažitej, kd'e bi sa ňebou št'edrotou viznači* (SNN. 548). У некоторых производных существительных на -ot(a) наряду с абстрактным значением в лексической структуре слова могло быть представлено и конкретное значение, например: *mokrota* '1. влажность, сырость; 2. влага', *povota* '1. качество, признак нового, новизны; 2. новая вещь, новинка', *revnota* '1. прочность, твердость; 2. стойкость; 3. стабильность и 4. крепость, укрепленный замок, твердыня' (последнее значение конкретно-предметное), *suchota* '1. сухота, сухость; 2. засуха, сушь', *vlhota* '1. влажность, сырость; 2. влага, вода' и др. Ср. например, употребление лексемы *suchota* в абстрактном значении: *Potom pre veľkú horučasť a suchotu d'alej rást' ňemohli* (SNN. 537). ... *náhli skok zo suchoti do mokra* (OT. 543) ... *pre svojho ... ducha, ktorého nijako suchota kalvinizmu k sebe pritiahnuť ňemuože* (Sl. Pohl. I. 67) И в конкретном значении: *Príležitosť k vist'ehovaňu s tak bohatej krajni zavdala náramná povodeň morská najvác ale hrozná suchota* (Hollý. Sv. 85). *Pri tejto príležitosťi ňemuožem zamlčať aj tú dlhotrvanlivú suchotu, ktorá sa cez celú jar t'jahala* (OT. 358).

Отдельные отадъективные производные с суффиксом -ot(a) имеют значение не отвлеченного признака, а конкретного предмета, состояния или количества, оказываясь, таким образом, за рамками данного словообразовательного типа, например: *hodnú* 'ценный; достойный' – *hodnota* 'цена, стоимость', *hojnú* 'обильный, многочисленный' – *hojnota* 'множество, обилие', *lacnú* 'голодный; жадный, жажду-

щий' – *lacnota* 'голод', ср.: ... *za trinásť rokov hodnota pozemku vzrástla na štrnásťsto zlatých vd'aka jeho uprave* (Fándly. Roz. 114). *Ty krásnej... máš hojnotu lichvy* (Hollý. Na sl. nár. 201). *Včil jak len skrovnú pood'ejmet'e lacnotu chovu, zložťe sa na spáňi* (Hollý. Sláv. 59).

Отвлеченные имена существительные с суффиксом -stv(o)

В начальный период формирования литературного словацкого языка в кругу отвлеченных существительных со значением свойства, качества, признака важное место занимали образования с суффиксом -stv(o) типа *hrdinstvo* 'геройство, героизм', *lakomstvo* 'жадность, алчность', *šelmovstvo* 'плутовство' и др. В количественном отношении подобные производные (в нашем материале около 200 лексем) все же значительно уступали отвлеченным существительным на -ost'.

В современном словацком литературном языке суффикс -stv(o) имеет вариантную форму -ctv(o)⁹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в штуровский период. При этом суффикс -stv(o)/-ctv(o) служил не только для выражения значения отвлеченного свойства, но и ряда других (отвлеченных и конкретных) значений. Несколько иным было положение в бернолаковском литературном языке: в Сл. Б. различались суффиксы -stwo со значением собирательности (*braterstvo* 'братья', *kacírstvo* 'еретики') и -stwí, который мог передавать как абстрактные (*bratstwí* 'братство', *rabstwí* 'рабство'), так и конкретные (*kacírstwí* 'ересь') значения. Правда, в "Этимологии словацких слов" Бернолак трактовал суффикс -stwí как богемизм и указывал, что в словацком языке суффикс -stwo может выражать как абстрактное значение свойства, так и собирательное значение¹⁰. Кроме того, в бернолаковской литературной норме наряду с вариантом -ctwí функционировал вариант -čtwí, ср.: *penáwistníctwí* 'ненависть, ненавистничество', *otgostwí* 'рабство' и *buchačtwí* 'болтливость', *pečlovečtwí* 'бесчеловечность', *rowalačtwí* 'бездельничество'.

В отличие от суффикса -ost' суффикс -stvo (-ctvo) характеризуется широкой полифункциональностью. При помо-

щи суффиксов -stvo, -ctvo (штуровский период) и -stvo/-stvá, -ctvá, -čtvá (бернолаковский период) образовывались имена существительные различных словообразовательных типов и лексико-семантических разрядов.

Как и в других славянских языках, одним из основных значений имен существительных на -stvo (-ctvo) было значение отвлеченного свойства, качества, признака. (На анализе семантики и словообразовательного механизма этих отвлеченных существительных мы остановимся ниже).

Наряду с этим весьма продуктивным в рассматриваемый период истории словацкого литературного языка был способ образования при помощи суффикса -stvo (-ctvo) имен существительных со значением названий профессии, ремесла или рода занятий. Производные этого типа мотивировались именем существительным со значением лица, например: *bednár* 'бондарь' > *bednárstvo* 'бондарное ремесло', *bradár* 'брадобрей, парикмахер' > *bradárství* (Sl. B.) 'ремесло брадобрея, парикмахера', *bravčár* (Sl. B.) 'торговец свиной, свиновод' > *bravčárství* 'свиноводство; торговля свиной', *čizmár* 'сапожник' > *čizmárstvo* (*čizmárství* – Sl. B.) 'ремесло сапожника', *drotár* 'жестянщик, дротарь' > *drotárstvo* 'ремесло дротаря', *hodinár* 'часовщик' > *hodinárstvo* 'профессия часовщика', *korektor* 'корректор' > *korektorstvo* 'профессия корректора', *povínár* 'журналист' > *povínárstvo* 'профессия журналиста', *baník* 'шахтер, горняк' > *baníctvo* 'горное дело', *kupec* 'торговец, купец' > *kupectvo* 'занятие торговлей', *spisovateľ* 'писатель' > *spisovateľstvo* 'профессия; занятие писателя', *súkenník* 'суконщик' > *súkenníctvo* 'ремесло суконщика', *úžerník* 'ростовщик' > *úžerníctvo* 'ростовщичество' и многие др.

Довольно многочисленную группу производных на -stvo (-ctvo) составляли также названия сана, звания, титула, должности, которые образовывались от имен существительных со значением лица, например: *admirál* > *admirálstvo* 'звание адмирала', *barón* > *barónstvo* 'баронский титул', *cenzor* > *cenzorstvo* 'должность цензора', *diktátor* > *diktátorstvo* 'пост диктатора', ср.: *Meciszewskí vraj ňemau účasť vo zbúrení, za diktátora ho ňevivolili, a tak aňi z diktátorstva zhod'e-ní bit' ňemohou* (SNN. 280). '... не был избран диктатором, и,

значит, не мог быть смещен с поста диктатора', *dôstojník* 'офицер' > *dôstojníctvo* 'офицерский чин', *generál* > *generálstvo* 'генеральский чин', *kapitán* > *kapitánstvo* 'чин капитана', *kardinál* > *kardinálstvo* 'сан кардинала', *ričtár* 'сельский староста' > *ričtárstvo* 'должность сельского старосты', *profesor* 'учитель' > *profesorstvo* 'место, должность учителя', ср.: *Guizot ... písau že má úfnosť profesorstvo d'ejepisu v Angli-skej obdržat'* (SNN. 1084) '... что он надеется получить место учителя истории'..., *redaktor* > *redaktostvo* 'должность, функция редактора', *slobodník* 'ефрейтор' > *slobodníctvo* 'чин, звание ефрейтора' и т. п.

Производные существительные с суффиксом -stvo (-ctvo) выступали также с широким "общим значением отвлеченного понятия"¹¹, которое в зависимости от семантики мотивирующего имени существительного конкретизировалось в названиях общественно-политических, идеологических течений, социальных и национальных движений, философских, религиозных учений, направлений и школ и т. п., например: *arianstvo* 'арианство', *hegeliánstvo* 'гегельянство', *kalvíntvo* 'кальвинизм', *katolíctvo* 'католицизм', *krest'anstvo* 'христианство', *modlárstvo* 'идолопоклонничество', *mohamedánstvo* 'магометанство, мусульманство', *sektárstvo* 'сектантство' и др.

Ряд существительных на -stvo (-ctvo) имел четко выраженное значение состояния, например: *detinstvo* 'детство, детский возраст', *dievoctvo* 'девичество', *námesačníctvo* 'лунализм', *mučeniectvo* 'мученичество', *vazalstvo* 'вассальство' и др.

Многие производные с суффиксом -stvo (-ctvo) выступали со значением деятельности, поведения, поступков человека (нередко с пейоративным оттенком), например: *frajerkárstvo* 'волокитство, донжуанство', *lúpežníctvo* 'разбой, бандитизм', *rozkolníctvo* 'раскольничество; раскол', *rozkošníctvo* 'сибаритство', *rozumkárstvo* 'умничание', *zbojníctvo* 'разбойничество, разбой' и т. п. В произведении М. М. Годжи нам встретилось производное рассматриваемого типа – *milosťinárstvo* в значении 'подавание милостыни', которое по-видимому является результатом его индивидуального словотворчества, ср.: *Alebo k pr. milosťinu dávat'*, je každého človeka povinnosť. Ale keď je mnoho chud'ini a žobrače, teda tam sa stáva často, že takuo *milosťinárstvo* chudobných ľud'í ešť'e len väčšmi pokazí (Hodža. D. sl. 48).

Последняя группа в лексико-семантическом плане наиболее близка отадъективным и отсубстантивным про-

изводным на -stvo (-ctvo) со значением отвлеченного свойства, качества, признака, т. к. относящиеся к ней производные выражают такие действия, поступки, которые характеризуют человека, указывают его черты, свойства.

Как уже отмечалось, существительные с суффиксом -stvo (-ctvo) выражали и собирательное значение, например: *dvoranstvo* 'придворные', *obyvatel'stvo* 'население', *poslucháčstvo* 'слушатели', *rodáctvo* 'земляки', *sedliactvo* 'крестьяне', *služobníctvo* 'слуги', *študentstvo* 'студенты, студенчество', *zemianstvo* 'дворяне, дворянство'.

Наконец, следует подчеркнуть, что производные существительные на -stvo (-ctvo) широко употреблялись с разнообразными конкретными значениями предмета, явления, акта (особенно в случаях с глагольной производящей основой), например: *hospodárstvo* 'хозяйство', *monárstvo* 'монархия', *svedectvo* 'свидетельство', *pomazanstvo* 'помазание', *domiselstvo* (*Hodža*) 'замысел', *lekárstvo* '1. медицина; 2. профессия врача; 3. лечебное средство', *krivoprišažníctvo* 'лжесвидетельство', *vyhnanstvo* 'изгнание', *sebäklamstvo* 'самообман' и др. При этом многие существительные с суффиксом -stvo/-ctvo входили в разряд терминологической лексики, ср.: *bäšňírstvo* (*Hodža*; не исключено, что это был богемизм) 'поэзия', *hospodárstvo* (SNN) 'экономика', *nädeníctvo* (SNN) 'поденщина', *ganárstvo* (SNN) 'хирургия', *tečníctvo* (*Hurban*) 'ораторское искусство, риторика', *zákonodárstvo* (SNN) 'законодательство' и др.

Примечательно, что многие производные на -stvo (-ctvo), функционировавшие в литературном словацком языке на начальном этапе его развития, постепенно выходили из употребления. В определенной степени это связано с тем, что в них суффикс -stvo (-ctvo) не имел четко выраженного словообразовательного значения. Подобные производные конкурировали с однокоренными существительными без суффикса -stvo (-ctvo) и нередко вытеснялись ими. Не случайно в современном словацком литературном языке производные указанного типа нередко замещены однокоренными синонимами без суффикса -stvo/-ctvo, ср.: *bludstvo* (Sl. B.) 'заблуждение' – совр. *blud*, *roztržénstvo* (*Hollý*) 'раздор, разрыв' – совр. *roztržka*, *dozorstvo* (SNN) 'надзор' – совр. *dozor*, *účastenstvo* (*Kalinčiak*) 'участие' – совр. *účasť*, *vedectvo* (SNN) 'наука' – совр. *veda*, *záručníctvo* (SNN) 'ручательство, гарантия' – совр. *záruka*.

В ряду охарактеризованных выше производных занимали свое место и существительные с суффиксом -stvo (-ctvo), имевшие значение отвлеченного свойства, качества, признака. По своей словообразовательной структуре и семантике они выделялись достаточно четко, однако были тесно связаны и с другими разрядами производных существительных на -stvo/-ctvo. Иногда в рамках смысловой структуры одной лексемы совмещались различные словообразовательные и лексические значения, в частности, отвлеченное значение признака могло сочетаться со значением состояния, собирательным значением, с различными конкретными значениями (см. ниже).

При образовании отвлеченных существительных со значением свойства, качества, признака суффикс -stvo (-ctvo) сочетался с производящими (мотивирующими) основами различной частеречной принадлежности и разнообразной морфологической структуры. Основную словообразовательную базу рассматриваемых производных на -stvo (-ctvo) составляли имена прилагательные и существительные. Значительно реже в качестве производящих основ выступали основы глагола, местоимения и числительного.

Суффикс -stvo присоединялся к основам, имеющим в финали согласные: b, č, d, j, l, m, p, ň, r, s, š, t, v, z, ž, например: *babstvo* 'трусость', *zahál'ačstvo* 'леность, праздность; бездельничество', *vypínačstvo* 'зазнайство', *potmehúdstvo* 'коварство, лукавство, плутовство', *nedbajstvo* 'нерадивость; неряшливость', *zurvalstvo* 'драчливость, буянство', *lakomstvo* 'жадность, алчность', *pohostinstvo* 'гостепреимство', *hlupstvo* 'глупость', *polovičiarstvo* 'половинчатость, непоследовательность', *žglošstvo* 'скаредность; скряжничество', *aziatstvo* 'дикость, варварство', *lotrovstvo* 'подлость; проказа, шалость', *virtuóznstvo* 'виртуозность', *mužstvo* в значении 'свойства, качества, черты мужчины; мужественность'.

Вариант -ctvo выступает в строго ограниченных позициях, а именно: а) если мотивирующее слово оканчивается на согласный -s: *rovýšenec* 'надменный, чванливый, заносчивый человек' – *rovýšenectvo* 'надменность, чванливость, заносчивость', *sebec* 'себялюбец, эгоист' – *sebecstvo* 'себялюбие, эгоизм', *votelec* 'проньера' – *votelectvo* 'проньерливость' и т. п.; б) если мотивирующие слова оканчиваются на -k:

darebák 'лентяй; негодяй' – darebáctvo 'леность; негодяйство', koristník 'корыстолюбивый человек' – koristníctvo 'корыстолюбие', lišiak (перен. знач.) 'хитрец, плут' – lišiactvo 'хитрость, лукавство, плутовство', podvodník 'жулик, мошенник' – podvodníctvo 'жульничество, мошенничество'; в) если мотивирующая основа имела в финали суффикс -ck(ý): opatrnícký 'чересчур осторожный' – opatrníctvo 'чрезмерная осторожность' и т. п.

Если мотивирующее слово оканчивается на согласные -h или -ch, то перед суффиксом -stvo происходит чередование согласных h/ž, ch/š, например: neznaboh 'безбожник' – neznabožstvo 'безбожие', divoch 'дикарь' – divošstvo 'дикость, дикарство', leňoch 'лентяй, лодырь' – leňošstvo 'леность, лодырничество'.

Наконец, следует отметить еще одно явление на морфемном шве, происходящее при образовании отвлеченных существительных с суффиксом -stvo (-ctvo) – чередование мягкого и твердого -п- (ň/п) в финали мотивирующей основы, ср., например: chvastúň 'хвастун' – chvastúnstvo 'хвастовство, хвастливость', skupaň 'скряга, скупец' – skupánstvo 'скарედность, скупость'.

Отвлеченные существительные на -stvo (-ctvo), мотивированные адъективами. Словообразовательный тип: основа прилагательного + суффикс -stvo/-ctvo со значением отвлеченного свойства, качества, признака на начальном этапе развития литературного словацкого языка был продуктивным, тем не менее число лексем, представляющих его, было относительно невелико (в несколько раз меньше числа отвлеченных деадъективных существительных с суффиксом -ost'). В качестве мотивирующей основы могли выступать как качественные прилагательные (непроизводные и производные), так и некоторые типы относительных прилагательных.

Собранный нами материал свидетельствует, что производные (бессуффиксальные) адъективные основы в роли мотивирующих выступали редко, например: bonatý > bohatstvo, hlúpy > hlupstvo 'глупость', lakomý 'жадный, алчный' > lakomstvo 'жадность, алчность', neznauý 'невежественный' > neznanstvo 'невежество', planý 'скверный, никчемный; пустой, бесплодный' > planstvo 'никчемность; бесплодность',

surový 'жестокий; суровый; грубый' > surovstvo 'жестокость; суровость; грубость' и др. Семантическая и формальная (структурная) мотивированность производного в подобных случаях не вызывает монений. Существительные с суффиксом -stvo (-ctvo) обозначили отвлеченный признак, названный мотивирующим прилагательным (т. е. lakomstvo = vlastnosť lakomého, surovstvo = vlastnosť surového и т. п.). Указанное значение производных на -stvo (-ctvo) иллюстрируют следующие текстовые примеры: ... a dvazasi pre surovstvo Tureckích Beyov do veľkoho ňebezpečenstva upadnuv (SNN. 565); ... ňeslušnuo surovstva, ktorím celá tá brošúrka páchňe (OT. 533) '... неприличная грубость, которой пахнет вся эта брошюрка'; ... nad bohatstvom života človekovho (Hodža. D. sl. 19); ... tisícročnú tmu ňeznanstva (OT. 357).

Если мотивирующее слово обладает сложной смысловой структурой и наряду со значением признака выражает другие лексические значения, то и мотивированное слово на -stvo (ctvo) также может передавать эти значения, ср.: a to všetko ... strjed' bohatstvova vzd'elanost'i (OT. 538) 'и это все среди богатств и образованности'; ... ktorí jak zdurnosťou a ukrutnosťou tak i bohatstvom všetkých svojich spoluúradníkov prevyšuje (SNN. 36) 'который как злостью и суровостью, так и богатством превышает всех своих сослуживцев'; ... za polné žatvi bohatstvo (Hollý. С.-М. 48) '... за изобилие (богатство) жатвы'.

К числу бессуффиксальных основ можно отнести и целый ряд основ отглагольных прилагательных типа nedbalý 'небрежный, невнимательный; неряшливый', odrodilý 'рenegатский, отступнический', opilý 'пьяный', ospalý 'сонный, заспанный', ožgalý 'упившийся, очень пьяный', trúfalý 'смелый, отважный', zbesilý 'неистовый, бешеный', zúfalý 'отчаянный. Ими мотивированы соответствующие отвлеченные существительные с суффиксом -stvo: nedbalstvo 'невнимательность, небрежность', odrodilstvo 'рenegатство, отступничество', opilstvo 'состояние пьяного человека; пьянство', ospalstvo 'заспанность; сонное состояние', ožgalstvo 'состояние упившегося, очень пьяного человека; пьянство', trúfalstvo 'смелость, отвага', zbesilstvo 'неистовство, бешенство', zúfalstvo 'отчаянность; отчаяние'.

В подобных образованиях на -stvo значение отвлеченного свойства, качества, признака выражается достаточно

отчетливо. При этом оно нередко тесно переплетается с другими лексическими значениями, в частности, со значением состояния, которое воспринимается как характерный признак; со значением проявления названного свойства, ср.: *zúfalstvo* это и '*vlastnosť* *zúfalého, beznádejného človeka*' и '*stav beznádejnosti*' и '*zúfalý čin*'. Покажем это на текстовых примерах: *On prvý ostro harušíu Slovákov za jejích ňedbalstvo o reč i národnosť svoju* (Hodža. D. sl. 73) 'Он первый резко укорял словаков за их небрежение к своему языку и своей национальности'; *Tuto krásne príkladi mjernosťi tam najhnusnejšieho opilstva* (OT. 110) 'Здесь прекрасные примеры умеренности, там – гнуснейшего пьянства'; *Ach, to už ňemuože ďalej tak bit' – užožralstvo je teraz na najvyššom stupni* (SNN. 231) 'Так дальше уж не может продолжаться – уж теперь пьянство достигло высшей степени'; *Njeto tu ... ustavičného zúfalstva* (OT. 453) 'Тут нет ... постоянного отчаяния'; ... *ktorí ... z častki zo zúfalstva ostatní groš na pálenku prepriju* (SNN. 59) '... которые отчасти из-за отчаяния последний грош отдадут на водку'.

Наличие у производных на *-stvo* (*-ctvo*), мотивированных бессуффиксальными прилагательными, общего деривационного значения отвлеченного свойства, качества, признака подтверждается также тем, что многие из них являются синонимами соответствующих однокоренных образований с суффиксом *-ost'*, ср.: *bohatosť, hlúposť, lakomosť, nedbalosť, odrodilosť, ospalosť, surovosť, zbesilosť, zúfalosť*.

Значительно шире был круг суффиксальных прилагательных, мотивирующих отвлеченные существительные на *-stvo* (*-ctvo*).

Чаще всего в роли мотивирующих выступали десубстантивные прилагательные (качественные и относительные) с суффиксами *-sk-* (*-ck*), *-ovsk-*. При образовании производных на *-stvo* (*-ctvo*) происходило усечение суффикса *-sk-* (*-ck-*), ср., например, производные от качественных прилагательных: *babovský* в переносном значении 'трусливый' > *babovstvo* 'трусливость', *hostinský* (в текстах бернолаковского периода) в значении 'гостеприимный' > *hostinstvo* 'гостеприимство', *chlarský* в значении 'мужественность', *nepriateľský* 'враждебный; вражеский' > *nepriateľstvo* 'враждебность, вражда', *rohostinský* в значении 'гостеприимный,

щедрый' > *rohostinstvo* 'гостеприимство', *šelmovský* 'шельмовский, плутовской' > *šelmovstvo* 'шельмовство, плутовство', *zverský* 'зверский' > *zverstvo* 'зверство', *ženský* 'женский, женственный' > *ženstvo* 'женственность'.

Словообразовательная структура подобных производных с суффиксом *-stvo*, как правило, достаточно определена, их мотивированность прилагательным в большинстве случаев бесспорна, ср.: *babovstvo* '*vlastnosť* *babovského*', *chlapsťvo* '*vlastnosť* *chlapského*', *zverstvo* '*vlastnosť* *zverského*' и т. п. У таких производных значение отвлеченного свойства отчетливо проявляется и в контексте, например: '*... to je, ňech sa najslabšie vislovíme babovstvo...* (Sl. Pohl. I. 64). *Neb v host'instve prví nad iné sú národi Slavi* (Hollý. C.-M. 18). '*... dá sa na kráďež najat', na ňepriateľstvo proti dobrím ľudom podkúpiť* (SNN. 26). *Pohost'instvo* je u nich svatuo tak, že ... (OT. 134).

Однако у некоторых производных рассматриваемого типа допустима двойственность мотивации, особенно если прилагательное образовано от существительного со значением лица, деятеля или носителя свойства. Поэтому, например, производное *nepriateľstvo* может быть соотнесено не только с прилагательным *nepriateľský*, но и существительным *nepriateľ* 'враг', т. е. может трактоваться как '*vlastnosť* *nepriateľ'a*'; производное *ženstvo* может быть соотнесено не только с прилагательным *ženský*, но и существительным *žena* ('*vlastnosť* *ženy*'), производное *šelmovstvo* – не только с прилагательным *šelmovský*, но и существительным *šelma* '1. хищник, хищный зверь; 2. (перен.) шельма, бестия, плут' ('*vlastnosť* *šelmy*'). В последнем случае несомненно предпочтительнее адъективная мотивация: на это указывает структура основы производного: *šelmov-*, составляющая часть основы мотивирующего прилагательного. Кроме того, производное *šelmovstvo* лексически соотносимо с существительным только во втором, переносном значении и полностью идентично лексическому значению прилагательного – перед нами явный синтаксический (транспозиционный) деривант, который четко выражает отвлеченный признак, названный мотивирующей адъективной основой, ср.: *Hoc sa predtým dievčat'u šelmovstvo na čele vygážalo* (Kalinčiak. Rešt. 48).

Сложнее словообразовательная структура и мотивационные отношения у производных на *-stvo*, образованных от относительных прилагательных, ср.: *braterský* 'братский' > *braterstvo* 'братство', *človečský* 'человеческий, человечий; человечный' > *človečenstvo* 'человечество; человечность', *chlapčenský* 'мальчишеский, мальчишечий' > *chlapčenstvo* 'мальчишеский возраст; мальчишество', *otcovský* 'отцовский, отеческий' > *otcovstvo* 'отцовство', *synovský* 'сыновий' > *synovstvo* 'сыновнее отношение к родителям' и т. п. Формальная (структурная) мотивация здесь очевидна (основа производного равняется основе прилагательного без суффикса *-sk-*, который регулярно усекается). Что же касается мотивации семантической, то лексическое значение соответствующих прилагательных (передающее разные виды отношения, а не качественный признак) не позволяет связывать ее с прилагательным. Семантически мотивирующим в подобных случаях оказывается имя существительное, от которого образовано прилагательное, например: *človečenstvo* 'vlastnosť človeka'; 'súhrn ľudských vlastností' (SSJ), *otcovstvo* 'stav toho, kto je otcom' (SSJ), *synovstvo* 'pomoc syna k rodičom' (SSJ). Таким образом, у анализируемых производных иногда обнаруживается расхождение ("расщепление"¹²) формальной (структурной) и семантической мотиваций. Как правильно отмечает К. Бузациова, производное *otcovstvo* в значении 'состояние того, кто является отцом' структурно мотивировано относительным прилагательным *otcovský*, семантически – существительным *otec*¹³. В этом значении *otcovstvo*, по ее мнению, является мутационным производным. Вместе с тем автор делает интересное наблюдение, важное в плане нашего исследования. Дело в том, что в производном *otcovstvo* К. Бузациова усматривает не только значение состояния, но и значение свойства¹⁴. Каковы же тогда мотивационные отношения слова *otcovstvo*? По мнению автора, значение свойства мотивируется в данном случае "качественным прилагательным свойства (отцовский = имеющий качества отца, заботливый, ласковый)"¹⁵. Таким образом, в смысловой структуре относительного прилагательного *otcovský* усматривается и качественный семантический оттенок. Но при такой мотивационной связи меняется и характер произ-

водного, которое в указанном значении может рассматриваться как синтаксический (транспозиционный) дериват¹⁶.

В ряду отвлеченных существительных на *-stvo* (*-ctvo*), мотивированных относительными прилагательными с суффиксом *-sk-* (*-ck-*), следует выделить немногочисленную группу производных слов с довольно широким абстрактным значением признака, которое можно определить как "совокупность типичных этнических (национальных) черт, отражающих специфику культуры и характера данного народа", например: *češtvo* (< *český* 'чешский') 'súhrn charakteristických znakov českého národa, českej kultúry' (SSJ); иначе говоря, данным словом выражается совокупность существенных свойств, признаков всего чешского. В конкретном словоупотреблении это может быть чешский характер, чешское национальное сознание, чешская культура и т. п. Аналогично производное *slovenstvo* (< *slovenský* 'словацкий') означает совокупность существенных, характерных свойств словацкого (словацкой культуры, словацкого характера, языка и т. п.). В указанном значении подобные образования активно употреблялись именно в рассматриваемый период развития словацкого литературного языка (в современном литературном языке они практически вышли из употребления). Помимо уже отмеченных слов *češtvo*, *slovenstvo* нами зафиксированы также следующие производные: *germanstvo* (< *germánsky* в значении не только 'германский', но и более узком значении 'немецкий'), *mad'arsstvo* (< *mad'arský* 'мадьярский, венгерский') *nemectvo* (< *nemecký* 'немецкий'), *rumuňstvo* (< *rumunský* 'румынский', иногда и в значении 'романский'), *slovanstvo* (< *slovanský* 'славянский'). Отметим также, что в текстах периода словацкого национального возрождения прилагательное *slovenský* имело значение не только 'словацкий', но и 'славянский'. Это находило отражение и в смысловой структуре производного слова *slovenstvo* ср.: ... tam dlávi človeka duch zamračeného Germanstva, tu ho objíma aňjel veselého jasného *Slovenstva!* (OT. 103).

В произведении М. М. Годжи нам встретился интересный пример употребления слова *rumuňstvo*: ... národ Vlaskí..., ktorí na svoje *Rumuňstvo*, t. j. púvod od staroslávnych Rimanov si

premnho zakladá (Hodža. D. sl. 30). В этом случае слово *gumunstvo* использовано в значении 'романское происхождение'.

Следует отметить, что отвлеченное значение рассмотренной группы производных подтверждается тем, что некоторые образования на *-stvo/-ctvo* соотносятся с однокоренными синонимическими образованиями, имеющими суффикса отвлеченности *-ost'*, ср.: *mad'arskost'*, *nemeckost'*, *slovenskost'*.

Наряду со значением отвлеченного признака анализируемые производные на *-stvo/-ctvo* могли употребляться в собирательном значении: *mad'arstvo* 'мадьяры, венгры', *nemectvo* 'немцы', *germánstvo* 'германцы', *slovenstvo* 'словаки', *slovanstvo* (*slavjanstvo-Hodža*) 'славяне', например: *Ľemil'te sa tedi odpadli od Slobenstva, Ľeprajníci jeho cudzonárodní ...* (Hodža. D. sl. 16) 'Не заблуждайтесь, отступники от словаков...'

Следующую группу прилагательных, основы которых мотивировали отвлеченные имена существительные на *-stvo*, составляют прилагательные с суффиксом *-n-*. В этом случае достаточно регулярно происходит расширение мотивирующей основы за счет вставного *e* (*-n-* чередуется с *-en-*), ср.: *ukrut-n-ý* 'жестокий' > *ukrut-en-stvo* 'жестокость', например: *... bo sa každý, koĥo grah prekroĥiu, tĥjasou, bojac sa ukru-tenstva Tureckjeho* (OT. 460). Аналогичным образом раскрывается словообразовательная структура следующих производных на *-stvo*: *dostojenstvo* 'достоинство' (< *dostojný* 'достойный'), *nebezpeĥenstvo* 'опасность' (< *nebezpeĥný* 'опасный'), *podobenstvo* 'сходство, подобие' (< *podobný* 'сходный, похожий, подобный'), *rokrevenstvo* 'кровная близость, родство; родственники' (< *rokrevný* 'близко родственный, родственный по крови'), *posluĥenstvo* 'послушность, послушание, покорность' (< *posluĥný* 'послушный, покорный'), например: *-A potom, nebezpeĥenstva niet sa ĥo báť* (Kalinĥiak. Reĥt. 47). *... bol'i maľi, ohavní a slabí, ĥemajíce iného podobenstva z l'udmi, krem že hovorili* (Hollý. С.-М. 134). *A hlavní ĥupan prisahu zloĥjac váĥnu reĥ drĥau o posluĥenstve a vernost'i ku kráľovi* (SNN. 34) *Jeho Milost'i kráľovi prisahu posluĥenstva ... sloĥiu* (OT. 651).

Мы охарактеризовали две основные группы суффиксальных прилагательных, которые выступали в качестве мотивирующих имена существительные на *-stvo (-ctvo)* со значением отвлеченного признака. Прилагательные

с другими суффиксами в этой функции представлены крайне редко. В нашем материале имеются лишь единичные производные рассматриваемого типа, образованные от адъективных основ с суффиксами *-av-*, *-iv-*, ср.: *pl'uhavý* 'никчемный, негодный, мерзкий' > *pl'uhavstvo* 'никчемность, негодность, мерзость', *lenivý* 'ленивый' > *lenivstvo* 'леность, лень', например: *Haj - to je pluĥavstvo, to je ĥedostatok ráĥnej statoĥnost'i* (SNN. 540). *U nás dost' ĥlúpíĥ márnost'í, ľeĥivstva...* (Hodža. D. sl. 18).

Как было отмечено выше, адъективные основы на *-av-* (*-lav-*), *-iv-* (*-liv-*, *-ĥiv-*) очень активно сочетались с суффиксом отвлеченности *-ost'* (около 300 производных).

Отвлеченные существительные на *-stvo (-ctvo)* практически совсем не образовывались от адъективных основ с суффиксами *-teln-*, *-at-*, *-nat-*, а также *-it-*, *-ovit-*, которые также давали значительное число производных на *-ost'*.

Все это показывает, что в сфере суффиксальных прилагательных исходная база образования существительных на *-stvo (-ctvo)* со значением отвлеченного признака была намного уже (как по количеству вовлеченных в словообразовательный процесс лексем, так и по структурным признакам производящих основ), чем при образовании отвлеченных существительных на *-ost'*.

Отвлеченные существительные на *-stvo (-ctvo)*, мотивированные субстантивами. В нашем материале имена существительные составляют наиболее многочисленную группу слов, от которых образовывались производные на *-stvo (-ctvo)* со значением отвлеченного признака. При этом в качестве мотивирующей базы выступали как непроеизводные (бессуффиксальные), так и производные субстантивы.

Бессуффиксальные существительные мотивировали *Nom. Ab.* на *-stvo (-ctvo)* относительно редко. При этом в качестве мотивирующего обычно выступало целое слово, имеющее в финали согласную, например: *huncút* 'озорник, проказник' > *huncútstvo* 'озорство', *boĥatier* 'богатырь, герой' > *boĥatierstvo* 'геройство, богатырство', *potmehúd* 'лицемер, коварный человек; проказник' > *potmehúdstvo* 'лицемерие, коварство; озорство', *koĥhel* 'пьяница' > *koĥhelstvo* 'склонность к пьянству, состояние пьянства; пьянство', *otrok* 'раб, невольник' > *otroĥstvo* 'рабство, невольничество, подневоль-

ность', *nedouk* 'недоучка' > *nedoukstvo* 'невежество', *trúp* 'глупец, дурак' > *trúpstvo* 'глупость', *šibal* 'шельма, плут' > *šibalstvo* 'шельмовство, плутовство' и некоторые др. Здесь же можно назвать и ряд производных на *-stvo*, образованных от заимствованных слов со значением 'лица, носителя свойства', например: *farizej-stvo*, *diletant-stvo*, *pedant-stvo*, *kretén-stvo*, *virtuóz-stvo*. Отвлеченные существительные такого типа стали активно употребляться лишь в штуровский период.

Во всех рассмотренных (и подобных) случаях на морфемном шве, как правило, не происходило никаких изменений (лишь в соответствующих позициях, которые охарактеризованы выше, появлялся вариантный суффикс *-stvo*).

Значительно реже суффикс *-stvo* присоединялся непосредственно к корневой морфеме, ср.: *hrdin-a* 'герой' > *hrdinstvo* 'геройство', *bab-a* (одно из значений – переносное, пейоративное – 'трус, баба') *babstvo* 'трусость, трусливость'.

Мотивационная связь исходного непроемного существительного и производного с суффиксом *-stvo* (*-ctvo*), как правило, достаточно очевидна. Последнее обычно регулярно обозначает отвлеченное свойство, носителем которого является лицо, названное мотивирующим существительным. Приведем несколько текстовых примеров, в которых проявляется указанное значение: "Zo zradi a babstva starešinstvo t'a neobviňuje (OT. 594). Tu sa Augustovi zachcelo pochlapit' pred cárom *bohatjerstvom* svojim. (OT. 639). ... bo národ v ňomže takuoto rozorvanost' a ňespojnost' plod'jace *nedoukstvo* sa rozpraší, je k skutkom ňeschopní. (Sl. Pohl. II. 61). No odlož *šibalstvo* nabok (Fándly. Roz. 41) No či si ňepoznáču sám svoje čelo bilagom *nevídanieho trúpstva* (OT. 525).

Все же основную массу субстантивных мотивирующих составляли производные имена существительные (главным образом суффиксальные и реже со сложной основой).

Наиболее активными в качестве мотивирующих N. Ab. на *-stvo* (*-ctvo*) были производные существительные со значением носителя свойства. Это значение выражалось прежде всего суффиксами *-ák* (*-iak*), *-ík* (*-ník*), *-ec*, например: с суффиксом *-ák* (*-iak*): *dobrák* 'добряк' > *dobráctvo* 'доброта', *hlupák* 'глупец' > *hlupáctvo* 'глупость', *junák* '1. молодой человек, юноша; 2. (перен. знач.) молодец, удалец' > *junáct-*

vo 'молодечество, смелость, удаль', *lajdák* 'неряха; лентяй' > *lajdáctvo* 'неряшливость; ленивость', *mizák* 'калека, урод' > *mizáctvo* 'уродство, уродливость', *mudrák* 'мудрец, умник' > *muráctvo* 'мудрость; умничество', *štverák* 'плут, озорник' > *štveráctvo* 'плутовство, озорство', *tulák* 'бродяга' > *tuláctvo* 'бродяжничество', а также *darebák* > *darebáctvo*, *lišiak* > *lišiactvo* и т. п.; с суффиксом *-ík* (*-ník*): *hazardník* 'азартный человек' > *hazardníctvo* 'азартность', *hnusník* 'подлец' > *hnusníctvo* 'подлость', *malichevník* 'мелочный человек, крохобор' > *malichevníctvo* 'мелочность, крохоборство', *ničomník* 'мерзавец, негодяй' > *ničomníctvo* 'негодяйство', *netrebník* 'ненужный, никчемный человек' > *netrebníctvo* 'никчемность', *labužník* 'гурман' > *labužníctvo* 'гурманство', *ohavník* 'мерзавец' > *ohavníctvo* 'мерзкое поведение', *pochlebník* 'льстец, подхалим' > *pochlebníctvo* 'льстивость, угодливость, подхалимство', *ukrutník* 'жестокий человек' > *ukrutníctvo* 'жестокость', *zářesník* 'домосед' > *zářesníctvo* 'свойство, поведение домоседа; образ жизни домоседа' и др.; с суффиксом *-ec*: *mládenec* 'юноша' > *mladenectvo* 'юность, юношество', *národovec* 'патриот' > *národovectvo* 'патриотизм', *neverec* 'неверующий, безбожник' > *neverectvo* 'безверие, атеизм', *odrodilec* 'ренегат, отступник' > *odrodilectvo* 'ренегатство, отступничество', *rovýšenec* 'надменный, чванливый, заносчивый человек' > *rovýšenectvo* 'надменность, чванливость, заносчивость', *sebec* 'себялюбец, эгоист' > *sebecstvo* 'себялюбие, эгоизм', *starec* 'старик, старец' > *starectvo* 'старчество', *vlastenec* 'патриот' > *vlastenectvo* 'патриотизм'.

В нашем материале имеются около десяти образований на *-stvo* со значением отвлеченного признака, которые мотивированы именами существительными с суффиксом *-ár* (*-iar*), а также одночные производные, у которых мотивирующей базой являются существительные с малопродуктивными суффиксами *-án* (*-ian*), *-uň*, *-úch*, имеющими экспрессивную (пейоративную окраску, ср.: *domár* 'домосед' > *domárstvo* 'свойство, поведение домоседа', *chlebár* 'корыстолюбец' > *chlebárstvo* 'корыстолюбие', *l'ahtikár* 'ветренный, легкомысленный человек, ветреник' > *l'ahtikárstvo* 'ветреность, легкомысленность', *polovičiar* 'непоследовательный человек' > *polovičiarstvo* 'половинчатость, непоследовательность', *posmeškár* 'насмешник' > *posmeškárstvo* 'насмешничество', *troškár* 'мелочный человек, крохобор' >

troškárstvo 'мелочность, крохоборство' и др.; grobian 'грубиян' > grobianstvo 'грубость; грубый поступок', skupán 'скупец, скряга' > skupánstvo 'скупость, скряжничество', chvastúň 'хвастун' > chvastúnstvo 'хвастовство', slepúň 'слепец' > slepúnstvo 'слепота', potmelúch 'лицемер; плут' > potmelúšstvo 'лицемерность; плутовство'.

Во всех рассмотренных случаях суффиксальное существительное, выступающее в качестве производящей базы производного на -stvo (-ctvo), называет лицо по типичным, характерным для него свойствам. Это обуславливает достаточно четкую мотивацию производного, которое, как правило, выражает значение отвлеченного свойства, качества, признака. Наряду с этим категориальным (словообразовательным) значением, с которым совпадает и основное лексическое значение проанализированных существительных на -stvo (-ctvo), данные отвлеченные существительные могут иметь и другие лексические значения (обычно значение действия, поступка лица, названного производящим существительным; реже собирательное значение и др.).

В некоторых случаях у производных на -stvo (-ctvo) рассмотренного типа можно предположить наличие неединственной мотивации (когда имеется соответствующее прилагательное, которое и формально, и семантически может выступать в качестве мотивирующего слова). На этом явлении мы остановимся ниже. Здесь же необходимо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве рассмотренных выше производных на -stvo (-ctvo) субстантивная мотивация является вполне отчетливой и, как правило, единственной (в случаях допустимости адъективной мотивации все же предпочтительнее – в силу регулярности рассмотренного словообразовательного механизма – мотивация субстантивная). Значение отвлеченного свойства, качества, признака, обусловленного мотивирующим существительным, подтверждают следующие текстовые примеры:

Suleiman a Timur Mirza bili sa s najvetším junáctvom (SNN. 36). 'Сулейман и Тимур Мирза бились с необычайной смелостью'; Dúveru skladáme i v junáctvo a vernú oddanosť Našich vojsk (SNN. 1022) 'Мы выражаем веру в мужество и преданность наших войск'; Mizerňíctvo naších bludov! (OT. 417)

'Ничтожность наших заблуждений!'; Takjehoto učiteľu mudráctvo záleží v tom: ... (OT. 582) 'Мудрость такого учителя заключается в том...'; Ale preč tú nízkosť a podľactvo... (OT. 403) 'Долой эту низость и подлость'; Kolko duší je z bjeďneho hnusníctva viť rhnutuo! (Hodža. D. sl. 49) 'Сколько душ вырвано из этой жалкой гнусности'; -Aká zbytočná márnivosť, mnišské labužníctvo! (Fá ndly. Roz. 63). 'Какое ненужное тщеславие, монашеское гурманство!'; ... a pišni na svoje ničomňíctvo (SNN. 320). '... и горды своей никчемностью'; Tarbáctvo naších predkou... (SNN. 553). 'Неповоротливость наших предков...'; Sistematickým podkupovaním sebeckto napomáhala a tak verejnú mjenku ňivočilo (SNN. 1064). 'Систематический подкуп способствовал развитию эгоизма и тем самым портил общественное мнение'; ... vd'aka sa vislovila za ích stálosť a vlasteňectvo (SNN. 87). '... была высказана благодарность за их постоянство и патриотизм'; ... zarastajú burinou leňivosťi, chlebárstva, lahostajnosťi (SNN. 185). '... они зарастают сорной травой ленивости, корыстолюбия, равнодушия...'; Smutnje následki takjehoto laht'íkárstva mi potomci spatrujeme, ... (OT. 575). 'Печальные последствия такой легкомысленности увидим мы, потомки'; Naše obecenstvo je ňevelkuo, ale čím d'jal tím vjac sa šíri. Šíri sa ono... čím vjac starje hrjechi sebeckto, troškárstvo, skupánstvo, ... atď' ... so seba skladá a svlieka (SNN. 341). 'Наше общество еще невелико, но чем дальше, тем больше оно увеличивается. Оно увеличивается по мере того, как старые грехи: эгоизм, мелочность, скупость... и т. п. с себя снимает'; ... keď sú stá a t'isíce len v slepúnstve... (SNN. 217). '... когда сотни и тысячи все-таки находятся в слепоте'; Si muože bit' otroctvo bez tiranstva, potmelúšstvo bez krivd'eňja (OT. 614) 'Разве может быть рабство без тиранства, коварство без несправедливости'.

В ряду имен существительных, мотивирующих производные на -stvo, отметим также слово kritikaster 'злонамеренный критик, критикан', которое в современном словацком литературном языке практически не употребляется, однако в рассматриваемый период истории литературного словацкого языка не только функционировало, но и могло служить мотивирующей базой для образования отвлеченного существительного kritikasterstvo 'критиканство, свойство и поведение критикана', ср.: Tak písať kritiki zamená

ozaj už len po -skí a -skí a -skí atd', atd'. *dúvodňit'*, ako takjehoto bjedneho *kritikasterstva* tam každá strana vjacej pečat'í na sebe nosí (SNN. 449). '... там каждая страница несет на себе печать такого жалкого критиканства'; *Nezahamovalo dosjal vaše účinkovaňja aňi kritikasterstvo pedantou* (SNN. 581). 'Вашу деятельность до сих пор не затормозило даже критиканство педантов'.

В очень редких случаях в роли мотивирующего слова выступало имя существительное со сложной основой, например: *l'udožrác' 'людоед' > l'udožráctvo 'людоедство', paničhodník 'мерзавец, негодяй' > paničhodníctvo 'негодяйство', rod'inolub 'человек, любящий свою семью, семейственный человек' > rod'inolubstvo 'поглощенность семейными интересами, семейственность', samorašník 'озорной человек, проказник' > samorašníctvo 'озорство, шаловливость, проказливость', strachopud 'трус' strachopudstvo 'трусость' и т. п. Ср. текстовые примеры: *Ludožráctvo teda krest'anskím missionárom naprjek ešť'e ňevihinulo z pomedzi tíchto Kaniballou Novozeelandských!* (SNN. 236). 'Вопреки деятельности христианских миссионеров людоедство еще не исчезло среди этих новозеландских каннибалов'. *Rozličnje sú takjeto ňesnosťi, kd'e sa prerjatuo rod'inolubstvo vikonáva...* (SNN. 93). 'Различные подобные грехи проявляются там, где имеет место чрезмерная поглощенность семейными интересами'.*

Наконец, следует отметить и возможность образования отвлеченных существительных на -stvo (-ctvo) от собственных имен, ставших нарицательными, например: *donchuan 'донжуан' > donchuanstvo 'донжуанство, непостоянство', donkichot 'донкихот' > donkichotstvo 'донкихотство', prometej > prometejstvo 'прометеевский характер'.*

*Непродуктивные словообразовательные типы
имен существительных
со значением отвлеченного признака*

На начальном этапе истории литературного словацкого языка при образовании отвлеченных имен существительных использовались также суффиксы -ob(a), -in(a), -av(a), однако подобные производные были редки и непродуктивны.

Словообразовательный тип: основа качественного прилагательного + суффикс -ob(a). Число основ, мотивирующих производные данного типа, ограничено. Как в материалах бернолаковского периода, так и в материалах штуровского периода нами зафиксировано всего лишь более десяти лексем. Словообразовательный механизм достаточно четкий, ср.: *hnilý 'гнилой' > hniloba 'гниль; качество гнилого, гнилость', hrdý 'гордый' > hrdoba 'гордость', chudý 'бедный' > chudoba 'бедность', nahý 'нагой' > nahoba 'нагота', starý 'старый' > staroba 'старость', zlý 'плохой, злой' > zloba 'злоба, злость'. Во всех подобных случаях суффикс -ob(a) присоединяется к основе прилагательного, в составе которой при этом не происходят никакие изменения.*

Отклонение от этих правил можно усмотреть в слове *hnusoba 'гнусность, омерзительность',* которое мотивируется основой прилагательного *hnusný 'противный, гнусный'.* При присоединении суффикса -ob(a) происходит усечение конечного согласного основы -n-, ср.: *A čo za hnusoba vidjet' stado pl'uhavno darobnej obce* (Sl. Pohl. II. 194).

Необычным словообразовательным механизмом отличается производное *staršoba 'старость',* которое встретилось нам в произведениях Я. Голлого. В отличие от синонимического имени существительного *staroba* в данном случае с синхронной точки зрения мотивирующей можно считать качественное прилагательное *starý* в форме сравнительной степени (*starší*) или же усматривать здесь интерфикс -š-. Вполне вероятно, что это было индивидуальное новообразование Я. Голлого, поскольку ни в словаре Бернолака, ни в текстах Ю. Фандли мы его не обнаружили, ср.: *Čerstvejšá ked' krv silu prala, a staršoba ešče závistná po sl'ichoch bí'ej mi ňetrúsila barvi* (Hollý. En. 120). ... *aňi staršoba vládi srdcu ňeodňíma, a jaru ňeumenšuje čerstvost'* (Hollý. En. 235). ... *ti včil si jed'ínká staršobi nádej* (Hollý. En. 305).

Деривационное значение в производных рассматриваемого типа, как правило, выступает четко. Они обозначают качество, признак, свойство, названное основой прилагательного, например: ... *svetská hrdoba je hlúpost' a l'rjech* (Hodža. D. sl. 70). *Mali ste ak to spomenút', že mníšsky sl'ub chudoby bol príčinou ešte väčších galíb* (Fándly. Roz. 47) ... *a tkánim starobi svěj l'ahčila t'erchu* (Hollý. En. 232). ... *lebo vieme, že*

staroba nemá silu mladosti (Fándly. Roz. 102). *Ľnevláda* íst' i od *starobi* i od *zljeho zachádzaňja* (OT. 244). *Nezmernú proti ním v srdci pukajte zlobú* (Hollý. Na sl. nár. 146).

У отдельных лексем на передний план выступает конкретное значение или же оно сочетается со значением отвлеченного признака. Например, производное *hniloba* имело не только отвлеченное значение 'качество гнилого, гнилость', но и конкретное предметно-вещественное значение 'гниль', ср.: *Tí hospodári ... ratuvali svoje zemjaki od hňilobi* (SNN. 541). ... *kd'e sa zemjaki z obávaňja všeobecnej hňilobi veľmi včas zo zeme vibrali* (OT. 463).

Показательна также смысловая структура лексемы *chudoba* (мотивированной основой прилагательного *chudý* 'худой, худощавый; бедный'). В ней четко выявляется значение отвлеченного признака 'бедность', например: *Príčina tohoto všetkjeho je chudoba naša* (SNN. 3). *Až teraz sa im počínala pred oči stavať ich duchovná chudoba* (Hurban. Sl. 46). *Tieto naše d'ed'inskje cirkve sú veľmi usužované a utrápenje. Pre veľkú chudobu ňemuožu sa dať proti ohňa ubezpečiť* (SNN. 559). Наряду с этим данное слово передает собирательное значение 'беднота, бедняки', например: *Lebo to bou, prosím, bál mešt'janski a okrem veselost'i mau i cjel dobročinní a síce pre chudobu* (SNN. 235). *A kebi ... ňjekolko meříc obilja chudobe rozdat' mohou* (OT. 446).

Словообразовательный тип: основа качественного прилагательного + суффикс -in(a). На начальном этапе развития словарного состава литературного словацкого языка в разряде имен со значением отвлеченного признака определенную роль играли также отадъективные производные с суффиксом -in(a), ср.: *belasina* 'голубизна, синева' (мотивирующая основа – прилагательное *belasý* 'голубой, голубоватый, синеватый'), *sivina* 'сизость', (мотивирующая основа – прилагательное *sivý* 'сизый') и т. п. Этот тип производных имен существительных как в бернолаковский, так и в шутовский период практически был непродуктивным (в нашем материале около 20 образований). Круг производящих основ был достаточно ограниченным, все они имели в исходе согласную. Основы могли быть простые и производные.

Анализируя семантику отадъективных существительных на -in(a), следует учитывать, что по сравнению с рас-

смотренными выше суффиксами -ost', -ot(a), -ob(a) суффикс -in(a) характеризовался более яркой полифункциональностью и в известном смысле семантической нестабильностью. В связи с этим значение отвлеченного качества, признака, свойства у имен на -in(a), мотивированных прилагательным, вряд ли можно считать доминирующим, с ним в кругу отадъективных образований на -in(a) конкурировало значение "носителя признака". Не случайно А. Бернолак отмечал, что суффикс -in(a) обозначает "вид или сущность предмета"¹⁷, то есть передает не отвлеченное, а конкретное значение.

В ряду отадъективных имен существительных на -in(a), имеющих достаточно четкое значение отвлеченного признака (иногда с оттенком состояния) назовем следующие: *belasina*, *cudzina* 'качество, свойство чужого, иностранного, иностранщина', *chriplina* 'хрипкость, хрипота', *chriplavina* 'хриповатость, охрипность', *modrina* 'синева, голубизна', *starina* 'древность, давность', *strakatina* 'пестроты, пестроты', *svetlina* 'голубизна, синева', *tíšina*, *širina* 'широта, ширь'. Например: *Aj náš kmeň bol dlho, dlho posadnutý cudzinou* (Hurban. Sl. 95). *Ale pozrime na samích, na tú strakat'ínu našich vlastních chíb* (Sl. Pohl. 7). *Pobožná t'íšina ranuvala všad'e* (SNN. 15).

В этом же ряду можно отметить встретившиеся нам у Годжи слово *starotina* 'древность, застарелость'.

В семантической структуре некоторых отадъективных производных на -in(a) сочетаются отвлеченное и конкретное значения, ср.: *hlubina* (hlbina) 'глубина, свойство глубокого' и 'глубина (как физическое измерение)', 'глубокое место; пропасть'; *oruchlina* 'опухоль, нарыв, припухлость' и 'надутость'; *potuchlina* 'гниль' и 'запах, свойство тухлого, протухлость'; *prázdňina* 'пустота; незаполненность, вакантность' и 'пустое место'; *šedivina* 'седина, серые волосы' и 'сизость, сероватость', *šmatlavina* 'кривизна (ноги)' и 'кривоногий (человек)' и др. Например: *Prezret' muožeme ces ňe jako ces sklo do hlbini duše našich predkou* (OT. 58). ... *hlbina v prostredku* l n. 4 p., ... (OT. 7).

Наконец, ряд образований на -in(a), мотивированных прилагательными, выступает только с конкретным значением, ср.: *bystrina* 'стремительный) поток', *daťomňina* 'пус-

тяк, мелочь', hnilina 'гниль', lisina 'плешь, лысина', povina 'новая вещь, новинка', plesnivina 'плесень', prašivina 'проказа, парша', rehavina 'веснушка' (здесь, правда, можно предположить и отвлеченное значение – "свойство, признак веснушчатого", но оно не фиксируется Сл. Б.), smudlina 'ощущение, вкус дыма, чада', zaruchlina 'опухоль, припухлость', zdechlina 'труп животного, дохлятина' и т. п. Например: *Kd'ež bistrina Tibra pres pol'a ... hurtuje rékú* (Hollý. Ep. 57). *Na jednom mjest'e nachod'í sa len suchá hñilina, ... na druhom mjest'e je ale hñilina tá vodnatá* (OT. 112).

Словообразовательный тип: основа качественного прилагательного + суффикс -av(a). Тип непродуктивный, его представляют лишь единичные образования, например, *černava* (форма, встречающаяся в бернолаковских текстах) или *čjegňava* (в текстах шутовского периода). Данная лексема может выступать как с отвлеченным значением 'чернота, мрачность', так и с конкретным значением 'мрак, черная туча', ср.: *Už studenost' a šerá od pólnoci černava stává* (Hollý. Na sl. nár. 110). *I smolná z hroznú vistúpi černava tvárú* (Hollý. Sv. 119). *Nad horou hromová zavisla čjerňava* (OT. 25).

В заключение еще раз отметим, что описанные выше словообразовательные типы отвлеченных имен существительных характеризовались сложными и разнообразными лексико-семантическими и словообразовательными отношениями. Так, между ними нередко устанавливались синонимические связи, которые проявлялись, в частности, в словообразовательной вариативности. Речь идет о соотношении семантически тождественных или близких по лексическому и словообразовательному значению однокоренных производных слов, оформленных разными суффиксами. Словообразовательная вариативность была представлена по преимуществу парными параллельными производными типа *bujnost' – bujnota, bystrost' – bystrotá, čerstvost' – čerstvota, náhlost' – náhlota, prudkost' – prudkota, tučnosť – tučnota; hnilost' – hniloba, starost' – staroba; chriplost' – chriplina, strakatost' – strakatina; lakomost' – lakomstvo, surovost' – surovstvo, zúfalost' – zúfalstvo*. Значительно реже встречались многочисленные цепочки однокоренных разносуффик-

сальных отвлеченных существительных типа *cudzost', cudzota, cudzina; hlúpost', hlúpota, hlúpstvo; nahost', nahota, nahoba*.

Анализ текстов на литературном словацком языке рассматриваемого периода показывает, что наряду с сходством семантики, употребления и стилистической окраски подобных параллельных образований последние характеризовались также определенными различиями¹⁸. Между некоторыми из них возникали отношения конкуренции, что способствовало вытеснению функционально слабых элементов на периферию лексико-словообразовательной системы. В целом можно сказать, что даже в синхронном плане разряд отвлеченной лексики представлял собой достаточно динамичное звено словарного состава литературного словацкого языка эпохи национального возрождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. – В кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. С. 70.
2. Более подробно об этом см.: Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. – М., 1978. С. 86–157.
3. Horecký J. K charakteristike štúrovského lexika // *Linguistica Slovaca*. 4–6. – Bratislava, 1946–1948. S. 279–298.
4. Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo. – Bratislava, 1968.
5. Kondrašov N. A. *Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny*. – Bratislava, 1974.
6. См.: Смирнов Л. Н. О словообразовательной вариативности отвлеченных существительных в литературном словацком языке на начальном этапе его развития // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. – М., 1983. С. 38–54.
7. Ср.: Buffa F. O slovotvornej štruktúre slov typu kritičnosť // *Jazykovedné štúdie*. II. Jónov zborník. – Bratislava, 1971. S. 93–95.
8. Ср.: Laciok M. K distribúcií mofem -ost' a -ota v básnickom jazyku B. Tablica // *Slavica Slovaca*. – Bratislava, 1971. Čís. 3. S. 267–269.
9. См.: Pauliny E., Ružička J., Štolc J. *Slovenská gramatika*. – Bratislava, 1963. S. 148. Pauliny E. *Slovenská gramatika*. – Bratislava, 1981. S. 75. Я. Горещкий, выделяя зависимый вариант -(c)stvo, замечает, что имеет дело собственно с суффиксом -tvo (Horecký J. *Slovotvorná sústava slovenčiny*. – Bratislava, 1959. S. 135, 137). За вычленение вариантного

К ПРОБЛЕМЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

(на материале
словацкой терминологии литературоведения)

Длительная и сложная история становления и развития славянских литературных языков требует к себе пристального внимания. Особенно актуально изучение источников и способов пополнения и совершенствования словарного состава национальных литературных языков, общественных функций этих языков на различных этапах их исторического развития, отношения к живой разговорной речи, языкам других народов, родственных и неродственных, к традициям книжности. Необходимо выяснить общие направления в развитии словарного состава, изучить внутренние законы развития лексико-семантической системы языка в связи с историей народа. Обращение к социолингвистическим проблемам дает возможность оценить связь "язык – общество" как органическую, неразрывную, определяемую как внутренними языковыми особенностями, так и экстралингвистическими факторами. При таком подходе к языковым явлениям можно проследить как национальные, так и интернациональные тенденции языкового развития, выявить общие структурные и семантические закономерности, окказиональные осмысления.

Процесс формирования лексической нормы в славянских национальных литературных языках требует как типологического подхода к исследованию этого явления, так и учета своеобразия его протекания в конкретных языках. В качестве типологических черт, отличающих национальный период развития славянских языков от донационального В. В. Виноградов называет "национальную демократизацию и европеизацию" литературных языков¹. Наши многолетние наблюдения над процессом становления и развития славянских литературных языков свидетельствуют о "беспрепятственном" действии указанных тен-

форманта -*tvo* высказывается Ф. Данеш (*Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen. – Praha 1967. S. 481*). Мы в своей работе придерживаемся традиционной точки зрения по данному вопросу и вычленим вариантный суффикс -*stv(o)*, хотя и признаем принципиальную допустимость и другого членения рассматриваемых производных.

10. См.: *Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. – Bratislava, 1964. S. 455, 459.*

11. Виноградов В. В. Русский язык. – М., 1947. С. 121–122.

12. Теоретическое освещение этого вопроса см.: Ермакова О. П. О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. I. – Самарканд, 1972. С. 68–72.

13. См.: Бузашиова К. Взаимоотношение между словообразовательным и лексическим значениями транспозиционных производных // *Revue de linguistique de Bratislava, Vol. VI. – Bratislava, 1982. S. 43.*

14. Она же. Указ. соч. С. 47.

15. Она же. Указ. соч. С. 47.

16. К. Бузашиова замечает: "При наличии значения свойства у производного существительного *otcovstvo* мы имеем дело с транспозиционным производным, так как лексическое значение производящей основы при деривации *otcovský – otcovstvo* не меняется..." (Указ. соч. С. 47).

17. *Gramatické dielo Antona Bernoláka... S. 457.*

18. Подробнее об этом см.: Смирнов Л. Н. О словообразовательной вариативности...

ИСТОЧНИКИ

Sl. B. (Сл. Б.)	– Bernolák A. <i>Slovár Slowenský, Česko-Lat'insko-Ňemecko-Uherský. I–VI. Budae, 1825–1827.</i>
Fándly. Roz.	– Fándly Juraj. <i>Rozprávky rozmarné i poučné. Bratislava, 1973.</i>
Hollý. C.-M.	– Hollý Jan. <i>Cirillo-Metodiada. Trnava, 1950.</i>
Hollý. En.	– Hollý Jan. <i>Virgíliová Eneida. Trnava, 1950.</i>
Hollý. Na sl. nár.	– Hollý Ján. <i>Na slovenský národ (Selanky, Rozličné básne, Žalospevy a Pesne). Bratislava, 1957.</i>
Hollý. Sláv.	– Hollý Jan. <i>Sláv. Bájosloví. Trnava, 1950.</i>
Hollý. Sv.	– Hollý Jan. <i>Svatopluk. Trnava, 1950.</i>
Hodža. D. sl.	– Hodža M. M. <i>Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847. Reedicia: Bratislava, 1970</i>
Hurban. Sl.	– Hurban J. M. <i>Slovensko a jeho život literárny. Bratislava, 1972.</i>
Kalinčiak. Rešt.	– Kalinčiak Ján. <i>Reštavrácia. Turč. Martin, 1950.</i>
OT	– Orol Tatránski. <i>V Prešporku. Roč. I–III., 1845–1848. (Reedicia: Bratislava, 1956).</i>
SNN	– <i>Slovenskije národňje novini. 1845–1848. (Reedicia: Bratislava, 1956).</i>
Sl. Pohl.	– <i>Slovenskije pohľadi na vedí, umeňja a literatúru. V Skalici, 1846–1852.</i>

денций в национальный период по сравнению с донациональным, когда имели место лишь потенциальные возможности такого направления языкового развития. Кроме того, для национального этапа функционирования славянских литературных языков² типично "ускорение" процесса совершенствования словарного состава и особенно глубокое взаимодействие внутриязыковых и экстралингвистических факторов³, расширение сферы беллетристики, возрастание роли учебной и научной литературы в письменной традиции⁴.

В основу типологической характеристики процесса становления и развития лексической нормы в славянских языках может быть положен функциональный критерий, т. е. анализ функций народноразговорных и заимствованных (в том числе интернациональных) элементов в разных подсистемах языка. Изучение роли этих средств выражения дает возможность конкретизировать тезис об общественной и социально-исторической обусловленности языковых явлений⁵.

В свете все возрастающего интереса к системному изучению лексики и семантики в синхронном и диахронном планах актуально изучение процессов формирования словарного состава по лексико-семантическим классам, семантическим полям, тематическим и лексико-семантическим группам⁶.

Базой настоящего исследования послужила тематическая группа (ТГ) наименований словацкого литературного языка, связанных с областью литературоведения. Учет словацкого материала чрезвычайно важен при решении общих проблем славянской исторической лексикологии и семасиологии, т. к. словацкий национальный литературный язык относится к числу относительно молодых, его становление произошло на глазах истории⁷. В целях выявления общих и специфических закономерностей демократизации и интернационализации данной подсистемы словацкого литературного языка был изучен соответствующий материал также в русском и чешском литературных языках.

В последнее время усилился интерес лингвистов к исследованию семантических полей лексем, связанных со

сферами материальной и духовной культуры⁸, что особенно важно в плане диахронии, т. к. подобный материал дает возможность реконструировать культуру народа на разных этапах его развития не только этнографическими, но и лингвистическими средствами, представить характер прогресса народностей и наций⁹, осветить вопрос о культурно-историческом взаимовлиянии народов. Изучение арсенала средств для обозначения абстрактных понятий должно проводиться с учетом как функционирования идей, представлений в условиях определенной цивилизации, так и с учетом функционирования референта-слова в условиях конкретной историко-культурной ситуации¹⁰.

Рассматривая терминологию как "функциональную разновидность общелитературного национального языка, обслуживающего сферу профессионального общения"¹¹, следует исходить из признания как органической связи терминов с общеупотребительной лексикой, так и специфики терминообразования в каждом языке. Тенденции демократизации и интернационализации своеобразно проявляются в терминологии, по сравнению с общеупотребительным языком, особенно в так называемых "идеологизированных" терминосистемах¹², к которым относится и наука о литературе, где более четко обнаруживается зависимость от социальных и культурных условий и мировоззренческих позиций.

Процесс демократизации терминологии связан с расширением грамотности, т. е. изменением социального состава носителей литературного языка, активизацией сознательного отношения населения, в первую очередь деятелей просвещения, к своему литературному языку, созданием культурных институтов, появлением публицистики, театра и т. д. Поиск средств выражения для новых понятий из сферы науки, образования, литературы в любой национальной терминологии связан со специализацией отдельных значений общеразговорных элементов, их терминологизацией, что достигается, в частности, путем их вывода из системы привычных синтагматических отношений и коннотативных приращений. Особенно значительна в этом процессе роль языка фольклора как своеобразного народно-художественного койне¹³. К. Горалек подчеркивал, что

Л. Штур, останавливая свой выбор на среднесловацком наречии, учитывал и то обстоятельство, что оно закреплено в устной словесности¹⁴, т. е. может рассматриваться как культурное койне. Деятели словацкого возрождения, начиная с Я. Коллара, видели в фольклоре свидетельство народной культуры, проявление "народного духа". С этими идеями связана и широкая собирательская деятельность словацких будителей, творческое освоение сюжетов, образов и тем устного народного творчества. Это характерно для словацких литераторов вплоть до настоящего времени.

Уже в предштуровский период получили письменную фиксацию наименования, связанные с видами произведений устного народного творчества: *zpievanky* (Kol. *Zpiev.*, 3), *básne* (Šaf., 87), *bájkы* (Fejér., 2), *povedačka* (Hol. III, 215), *selanky* (Hol. VIII, 81), *zpráv* (Kol., I, 392), *počátky*, *rozprávky* (Tablic, Sl. verš., 13), *propovedky* (Fejér., 16).

Как показал анализ источников, в текстах штуровцев, наряду с названными, появились и новые наименования, которые не отмечены ранее: *porekadlá* (SP I, 2, 63), *príslovja* (SP I, 2, 82), *pověsti* (Št. Listy, 78; SNN III, 156), ср.: *ideálna povest'* (OT, 21), *vípravki* (Nitra, 23).

Использование фольклорной лексики, что является проявлением демократизации словарного состава литературного языка, характерно для словацкой терминологии литературоведения и последующих эпох, когда письменную фиксацию получили и другие названия видов произведений устного народного творчества: *prípovedky*, *úslovja*, *hádky*. Отметим, что первая классификация словацких сказок была создана П. Добшинским во второй половине XIX в.: *rozprávky zvieracie*, *legendárne*, *čarodejné*, *humoristické* (Dobš., 13), ср.: *rozprávky fantazijné*, *démonologické*, *magické*, *cestovateľské*, *povest'ové* (Klátik, 37).

Кроме того, в формировании литературоведческой терминологии в словацком литературном языке заметное место занимает семантический способ. В терминологических подсистемах наиболее продуктивно появление специализированного значения на базе неспециализированного. Этот процесс связан с сужением семантического объема лексем и ограничением сферы их функционирования только определенными контекстами. Отход от общепотребительных значений характерен для слов и разго-

ворного и "делового" языка: *hádky* 'спор, ссора', ср.: *hádky filologické* (SP I, 3, 97) 'дискуссии', *postava* 'фигура, телосложение', ср.: *postavy* (SP I, 3, 112) 'действующие лица, образы', *híbaňja* '(физ.) движение, шевеление; сдвигание', ср.: *literárno híbaňja* (SP I, 2, 13) 'литературное движение, литературный процесс', *sudcovja* 'судьи', ср.: *sudcovja* (Zornička, 1847, 72) 'критики', *deje* 'история; процесс', ср.: *dej* (SP I, 2, 16) 'действие', *rod* 'род', ср.: *rod bohatierskych spevov* (Št. Nár. pov. 12) 'вид былин'.

Процесс интернационализации специальной лексики в словацком языке, как и в других славянских языках, связан с необходимостью освоения новых научных понятий и создания новых средств выражения для таких понятий. В большинстве языков в таких случаях пополнение лексико-семантической системы осуществляется за счет готовых форм, что в языковом плане выражается адаптацией генетических грецизмов или латинизмов, некоторых заимствований из западноевропейских и славянских языков, новообразований, созданных на базе классических элементов или путем преобразования семантического объема греческих и латинских корней. Основным признаком принадлежности слова к интернациональному фонду является сохранение в языке-рецепторе того семантического инварианта, благодаря которому слово воспринимается как элемент интернациональной культуры¹⁵. Некоторые лингвисты относят к интернационализмам структурные и семантические кальки международных терминов, называя их "интернационализмами прикрытого и неприкрытого характера"¹⁶. Проблема калькирования может рассматриваться с разных точек зрения: с учетом активизации внутренних ресурсов принимающего языка, в первую очередь, элементов словообразования, получивших "повышенную активность"¹⁷ в рамках анализируемой тематической группы, или взаимоотношения с соответствующими иноязычными терминами, т. е. по наличию или отсутствию дифференциации значения синонимов, коннотативности или неконнотативности калек, широте и сфере их употребления.

Процесс калькирования содержит в себе элементы заимствования понятия (внутренней формы слова, которая должна быть понятна для носителей языка-рецептора) с

одновременным переводом его наименования. В языке возникают новации, построенные из своего материала, но не известные в данном конкретном виде до знакомства с иноязычной моделью. Интересна, хотя и не всеми лингвистами принята, классификация калек, предложенная В. Бетцем, который различает заимствованный перевод (*Lehübertragung*), заимствованный перенос (*Lehübertragung*) и заимствованные образования (*Lehnschöpfung*), к последним автор относит и гибридные слова и полукальки¹⁸.

В области литературоведческой терминологии в качестве модели словообразовательных калек (заимствованного перевода) используются в основном греческие и латинские названия, причем калькирование не зависит от структуры модели. В словацком литературном языке в связи с длительным периодом использования калек в национальную эпоху и авторитетом будителей были кодифицированы, наряду с заимствованиями, многие словообразовательные и семантические кальки (в первую очередь те, которые употребляются в чешском языке, но в словацкой огласовке).

Заимствования, вслед за представителями Пражской лингвистической школы, мы рассматриваем как естественный результат контактов данного народа с другими в области культуры, общественной жизни, науки. Благоприятную почву для проникновения заимствований в язык создают эпохи расцвета нации и национального литературного языка, эпохи подготовки к новому подъему, когда ощущается потребность в повышении культурного уровня народа, вследствие чего возрастают требования к языку, обслуживающему соответствующий коллектив¹⁹.

Анализ заимствованной словацким литературным языком лексики показал, что в период формирования национального языка проникновение иноязычных единиц обусловлено собственно лингвистическими факторами: отсутствием наименований для новых понятий культуры, науки, публицистики в новом языке, сформировавшемся на базе среднесловацкого диалекта; стремлением кодификаторов создать единый для всей территории Словакии термин, если имелись варианты названия в среднесловацкой и западнословацкой областях; в силу действия тенден-

ции к устранению омонимов или к сокращению числа лексико-семантических вариантов (ЛСВ) исконного многозначного слова; потребностью дифференциации значений слов. В период стабилизации словацкого литературного языка заимствование иноязычных лексем объясняется как экстралингвистическими, так и интралингвистическими причинами: авторитетностью языка-источника, расширением и углублением контактов между народами, интенсивной переводческой деятельностью, знакомством широких слоев населения с иностранными языками и т. д., а также указанными выше причинами. Для нового времени характерно распространение интернационализмов, восходящих к живым языкам – французскому: *pointa, balada, beletria, kalambúr, ritornel, rondo*; английскому: *blankverš*; итальянскому: *madtigál, rispet(t)o, romaneto, sonet*; немецкому: *leitmotiv*.

Единицей заимствования мы считаем ЛСВ иноязычного слова, который анализируется с учетом его "предыстории" в принимающем языке²⁰.

При описании заимствованных терминов в начальный период их функционирования различаются контекстуальные и языковые значения лексических единиц²¹. Первые учтены нами только в целях показа живого и непрямолинейного процесса становления словацкого терминологии или в случаях, когда ЛСВ, выступавшие ранее как контекстуальные, получают развитие в более позднее время.

Заимствованные термины обладают большей специализированностью значения по сравнению с кальками, большей точностью семасиологических границ. Закреплению заимствований могут способствовать позднее вхождение в язык, когда не действуют пуристические тенденции, достаточно сильные в чешском и словацком языках определенного времени, аналогия с чешским языком²², системный характер заимствованной лексики, относящейся к какой-то области знания, культуры и т. д.²³. Кроме того, заметную роль играет авторитет того деятеля культуры, который ввел в употребление новое слово и раскрыл его содержание, и широта употребления соответствующих эквивалентов в учебных курсах и научных источниках за рубежом. В последнее время в связи с усилением тенден-

ции к международной интеграции наблюдается сознательная ориентация словацких филологов на интернациональный терминологический фонд, и в этом плане словацкая научная общественность проявляет известную гибкость, что, бесспорно, соответствует выходу словацкой науки на международную арену.

Анализ терминологии литературоведения начального периода формирования словацкого литературного языка свидетельствует, что, несмотря на различия индивидуального подхода деятелей словацкого возрождения к проблемам заимствования в области терминологии, ведущим в решении этого вопроса было направление, намеченное Л. Штуром: не следует избегать интернационализмов, если в словацком языке нет и не могут быть созданы средства выражение новых понятий, обладающие достаточной четкостью значения и не вызывающие ложных аналогий у его носителей, но нужно избегать избыточных заимствований и шире использовать собственные языковые ресурсы²⁴.

В доштуровский период, как показало обследование текстов, заимствования из области литературоведческой терминологии редки: *balady* (Kol. I, 392), *prozódie* (Šaf., 2), о *Epigrammatech anebožto Málorádkoch* (Bern. polem., 32), *ve veršich trochaických* (Palkovič, 14), *epigramy čili nápisu* (Fejer., 17), а кальки единичны: *bájosloví* (Hol. V, 122) 'мифология', *žalozpevu* (Hol. VII, 74) 'элегии'.

В штуровскую эпоху примером для словацких кодификаторов в области терминообразования могла служить практика Й. Юнгманна и его последователей²⁵, а также опыт предшественников. Фактический материал, извлеченный из публикаций этого времени позволяет выделить случаи использования:

а) только заимствований: *novellí* (Nitra, IV, 168), *tendencia* (SP I, 2, 63), *modern* (SP I, 5, 185), *lyrik* (OT, 72), *pamfletistovja* (SP I, 1, 62), *forma* (SP I, 5, 185), *kancionál* (cantional) (SP II, 167), *komédia* (SNN, 199);

б) синонимических пар, где в качестве эквивалентов к заимствованиям выступают исконные слова (это результат семантической индукции²⁶): *kulminácia* – *vrch*, *vrcholeňja*; *intrigi* – *uskoki* (*podvod*); *charakter-ráz* (SP I, 5, 185) или морфологическая калька: *usúdeňja* – *sentencia* (D. pokl., 175), *obraznosť* – *fantázia* (D. pokl., 209), *poésia* – *veršovstvo* (SP I, 2, 17), *literatúra* – *slovesnosť* (SNN, 16, 271);

в) только одной кальки (в большинстве случаев восходя-

щей к греческим наименованиям): *predmet básne* (SPII, 151) 'тема', *činohra* (Dohn., 3) 'драма', *smutnohra* (Podh., 3) ср.: *truchlohra* (SPIII, 168) 'трагедия', *medzihra* (SPIII, 205) 'интермедия', ср.: *spěwohra* (Sas., 3) 'опера', *krasouma* (SP IV, 30) 'Schöne Kunst', ср.: *krásne umenie*;
г) неологизмов: *chirník* (SNN, 249) 'вестник', *gozbierka* (SPIV, 56) 'анализ'.

Среди калек и заимствований штуровского времени преобладают лексемы, имеющие соответствия в чешском языке²⁷. Среди заимствований как штуровской, так и предштуровской эпохи встречаются и слова в чешской огласовке: *predmluva* (SP I, 3, 94), *krajomluva* (OT, 46), *sbírka* (SPIV, 32) и довольно многочисленные русизмы: *sloh* (Kol. II, 53), *letopis* (Bern. polem., 14), *rozmer* (SPII, 167), *skazka* (SPII, 156), *bohatický spev* (Št. Nar. pov., 12) 'героический эпос'²⁸, *duma* (Št. Nar. pov., 12).

В дальнейшем развитие данной языковой подсистемы шло в тех же направлениях, что и в начальный период ее формирования, и каждое из этих направлений могло стать ведущим или периферийным на разных этапах развития лексико-семантической системы словацкого литературного языка в зависимости от действия экстралингвистических факторов, не последнее место среди которых занимали эстетические, языковые и общественные взгляды деятелей культуры. Если в 50–60-е гг. XIX в. чаще прибегали к калькированию или создавали собственные неологизмы, например: *básnictvo výpravné, citné, predstavné* (Černý I–II), *humo-smutnoveska* (Kubáni 3), то в последнюю четверть столетия преобладающими стали заимствования, ср.: *próza, poésia* (Vaj. Státe 172).

При этом заимствованиям из классических языков придавалась форма, в которой они известны в живых языках, в том числе во французском и в русском, например: *komizm* (Sp 1893, 42), *romantizm* (Sp 1903, 46), *realizm* (Vaj. Státe 74).

Подобные формы остались индивидуально-авторскими, а кодифицированы были такие, которые соответствуют общим закономерностям освоения заимствований как на фонетическом, так на морфологическом и словообразовательном уровнях. Обращение к материалам разных эпох развития словацкого литературного языка дает возможность проследить эволюцию некоторых средств выражения

из области литературоведческой терминологии, появление вариантов и отбор специальной лексики, соответствующей внутренним закономерностям этого языка, ср., например: písomník (Hodža, 29) – písat'el (OT, 83) – spisovateľ (SP I, 3, 97); literárny (Palkovič, 6) – literárny (SP II, 1) – literárny (SP I, 97); bohatier (OT 20) – hrdina; umění básniřské (Umění básn. 3) – básnictví (Šaf., 2) – básnictvo (Černý I, 3); dejstvo (SP I, 2, 87) – dejstvie (Sp 1903, 537) – dej (MS 1927, 72) – jednání (Podh. 3) – akt (SP I, 5, 185).

Исконные средства выражения, ставшие терминами, новообразования, некоторые русизмы традиционно сопровождались немецкими или латинскими глоссами, что уточняло смысл новаций и облегчало их вхождение в специальные подсистемы языка в условиях владения иностранными языками: náložba (problem) (OT 75), sočinok (článok) (Hodža, 73), básne (poetica carmina, Gedicht) (SNN, 16, 23).

Процесс кодификации словацкой литературоведческой терминологии, как и других "микросистем", особенно интенсивно протекал после 1953 г., когда была открыта Словацкая академия наук и была создана Терминологическая комиссия.

Анализ фактического материала, извлеченного из общезыковых и специальных словарей и текстов научного и учебного содержания, показал, что в качестве терминов из области литературоведения могут употребляться наименования разных типов:

I. Только интернационализмы, относящиеся, за некоторым исключением, к одной из следующих групп:

а) названия литературных направлений и течений: realizmus, klasicizmus, avantgardizmus, naturalizmus, romantizmus;

б) названия стихотворных размеров и разновидностей стиха: jamb, trochej, chorej, anapest²⁹, daktyl, spondej, pentameter, hexameter;

в) наименования жанров литературных произведений: poézia, prôza, žánry;

г) названия видов литературных произведений, не связанных с устным народным творчеством: román, román-epopeja, novela, balada, fejtón, saga;

д) наименования стилистических фигур: epianastrofa (palilógia), epifora, symploké, refrén, epizeuxa, anafora, inverzia;

е) названия тропов: metonymia, metafora, synekdocha;

ж) названия литературных произведений, состоящих из нескольких частей: dilógia, trilógia;

з) названия форм речи: monológ, dialóg;

и) наименования родов литературных произведений: epos, lyrika, dráma.

II. Парные наименования – наиболее старые и традиционные, как в чешском, так и в словацком языке. Они могут отличаться или не отличаться друг от друга временем появления в словацких источниках. Такие пары отмечены в составе следующих ТГ из области литературоведения:

а) названия некоторых видов литературных произведений: žalospev – elégia, hanopis – pamflet, selanka – idyla, sonet – znelka, komédia – veselohra;

б) названия средств художественного изображения: hyperbola – zveličovanie, zveličenie, nadsádzka, alegória – inotaj;

в) наименования понятий, связанных с художественным методом: typdruh, štýl – sloh, téma – námet;

г) наименования сюжета и его элементов: sujet – príbeh, prolog – úvod, kulminácia – vyvrcholenie, intriga – zápletká;

д) наименования сочетаний стихов: distichon – dvojveršie, stroha;

е) названия частей пьесы: akt – dejstvo.

Представляет интерес использование в качестве дублетов заимствований из разных языков: stich(a) (Sládk. II, 57) – verše (Nitra, 197), voudeville – fraška, muzikal; stanca – oktáva.

Интернационализм и словацкий эквивалент, входящие в рассмотренные пары, как правило, разошлись функционально: первый – принадлежность теоретических курсов, научных публикаций, второй используется чаще в учебной или популярной литературе. Обращает на себя внимание факт, что "Словарь литературоведческих терминов" включает ограниченное число калек: autobiografia – vlastný životopis, gnóma – príslovia, memoáre – pamäti, metrum – miera, parentéza – vložka, báj – mýtus, dityrámb – chvalospev, в то время как "Словарь словацкого языка", опирающийся на языковой узус, отмечает их значительно больше. Интернационализм отличается от словацкого соответствия и стилистически: он имеет высокую книжную окраску, в то время, как словацкое образование нейтрально. Анализ специальных текстов показал, что при выборе соответствующего средства выражения специального понятия велика роль инди-

видуальных вкусов и склонностей авторов.

Устойчивость интернационализмов в словацком литературном языке даже в эпоху пуризма объясняется и замкнутостью сферы употребления, и функциональными и стилистическими причинами, и возможностью варьирования словацкого образования и заимствования в рамках текста, и недостаточной точностью кальки при выражении специального понятия, например: *besednica* ср.: *fejton*, *naagodopis* ср.: *folklor*.

В то же время специальные словари иногда предостерегают от неверного употребления заимствования, так, например, *Slovník literarnovedných termínov* уточняет: *sujetnie námet, no príbeh*.

Устойчивость интернационализмов в рамках литературоведческой терминологии обеспечивается и словообразовательными возможностями словацкого литературного языка, где от интернациональных корней свободно образуются имена прилагательные типа: *novelový, baladický, ódický, fejtonový*, и существительные абстрактные: *baladika, baladičnosť, baladickosť* и деминутивы. Последние используются в целях объективно-размерностной характеристики. В специальных словарях такие формы не фиксируются, но они достаточно активно используются в текстах. Эта традиция восходит к шутовской эпохе и является одним из проявлений демократизации специальной лексики: *historiky, bylinka*³⁰, *veršičky* (*Št. Nárečja*, 24–25), *novelletka* (*Nitra*, 168), *anekdotky* (*SP I*, 1, 17), ср. современное употребление: *romanik, fejtonik, novelka*. Деминутивы легко образуются и от словацких названий видов литературных произведений: *roviestka, poviedocka, piesenka, dielka, básnička, gozgrávočka*. Интернациональные корни входят достаточно свободно в состав гибридов: *slovenská podliteratúra* (*Sokol*, 1867, 61), *sebaironia, sebarealizácia, skoromuzikál*.

Использование калек способствует закреплению определенных аффиксов в отдельных подсистемах языка, а следовательно увеличивает продуктивность некоторых словообразовательных типов. В терминологии литературоведения активно используются имена существительные с суффиксами: *-nie: motivácia-zdôvodnenie, klimax- stupňovanie, formulácia-zostavenie, tautológia-opakovanie; -osť: izosylabizmus-rovnosilabičnosť, tempo deja-rýchlosť; -k(a): pauza-prestav-*

ka, elipsa-výpustka, hyperbola-nadsádzka, parentéza-vložka.

Представляет интерес факт, что большинство морфологических калек в словацком языке не образует имен прилагательных со специальным значением.

III. Только словацкое по происхождению наименование, которое вытеснило в силу действия экстралингвистических факторов ранее использовавшийся интернационализм: *hrdina*, ср.: *básnický subjekt, básnik-Werssowcy* (*Tablic. Umění básn.* 3), или не имевшее в истории словацкого литературного языка чужого по происхождению дублета: *obsah-náplň* (ср.: *obsahová náplň*), *cestopis, tvorba, obraz, smer, prúd, poloha, dielo, národnosť, stranickosť*.

IV. Наблюдается расхождение значений заимствования и кальки и закрепление каждого из наименований в разных сферах: *katastrofa-rozuzlenie, element-prvok, histórie-dejiny*.

В последнее время в рамках анализируемой терминосистемы наблюдается определенная активизация интернациональных лексем, особенно в тех случаях, когда для употребления интернационализма нет ограничений стилистического или функционального плана. Некоторые интернациональные названия расширили семантический объем в процессе функционирования в словацком литературном языке: *próza* 1. жанр, 2. прозаическое произведение, например: *próza Pomstitel*.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в словацкой терминологии литературоведения наблюдаются сложные взаимоотношения интернационализмов с собственно словацкими образованиями, возникшими как в силу внешнего влияния, так и путем специализации исконных языковых средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков. – М., 1982. С. 77.

2. Мы разделяем точку зрения лингвистов, которые начальный период формирования словацкого литературного языка рассматривают как состоящий из двух стадий: предшутковской и шутковской. Ср.: Смирнов Л. Н. Формирование словацкого национального литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и

формирование славянских литературных языков. — М., 1978. С. 86–157.

3. Петрова З. М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (имена прилагательные). Автореф. дисс. докт. филол. наук. — Л., 1983. С. 7.

4. Руєанівський В. М. Слов'янські міжмовні зв'язки і формування функціональних стилів української літературної мови XVI–XVII ст. Доповідь на VII Міжнародному з'їзді славистів (Варшава, серпень 1973). — Київ, 1973. С. 3.

5. Ср.: Кондрашов Н. А. О влиянии функции языка на семантику слов // Восточнославянское и общее языкознание. — М., 1978. С. 80; Петрова З. М. Указ. соч. С. 5.

6. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М., 1964, 244 с.; Стернин И. А. Проблемы анализа структуры и значения слова. — Воронеж, 1976, 156 с.

7. Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка. Автореф. дисс. докт. филол. наук. — М., 1968. С. 27; Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. — Bratislava, 1974. S. 278. Ср.: Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 131–157.

8. Ср.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — М., 1984, 271 с.; Тарланов З. К. Язык и культура. Учебное пособие по спецкурсу. — Петрозаводск, 1984, 104 с.

9. Будагов Р. А. История слов в истории общества. — М., 1971, 267 с. Розенцвейг В. Ю. Лингвистический подход к описанию культурных контактов. — М., 1964, 9 с.

10. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М., 1984. С. 142.

11. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. — М., 1981. С. 64.

12. Даниленко В. П., Скворцов Л. И. Теоретические вопросы упорядочения научно-технической терминологии (к проблеме профессионального варианта нормы) // Языковые контакты в аспекте культуры языка. Тезисы докладов и сообщений регионального теоретико-методического семинара 27–28 мая 1981 г. — Рига, 1981. С. 16.

13. Русановский В. М. Указ. соч. С. 3.

14. Hořálek K. Úvod do studia slovanských jazyků. — Praha, 1955. S. 333.

15. Тарланов З. К. Указ. соч. С. 65.

16. Панько Т. И. Методологическая концепция общественно-политического термина в аспекте культуры речи // Языковые контакты в аспекте культуры языка. Тезисы докладов и сообщений регионального теоретико-методического семинара 27–28 мая 1981. — Рига, 1981. С. 66.

17. Петрова З. И. Указ. соч. С. 13–14.

18. Betz W. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinregel. — Bonn, 1949. S. 4–18.

19. Spisovná čeština a jazyková kultura. — Praha, 1932. S. 9–10.

20. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л., 1972. С. 11; Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М., 1972. С. 247.

21. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Указ. соч. С. 242–243.

22. Horecký J. Základy slovenskej terminológie. — Bratislava, 1956. S. 71–73.

23. Havránek B. Funkce spisovného jazyka // Studie o spisovném jazyce. — Praha, 1963. S. 11–18.

24. Slovenské pohľady na vedy, umeňia a literatúru. — Skalica, 1845. S. 1, 5, 182–185.

25. Jedlička A. Jozef Jungmann a obrozenecká terminológia literárnej viedy a lingvistiky. — V Praze, 1949. S. 53–54. Paulíny E. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry // O vzájomných vzťahoch Čechov a Slovákov. — Bratislava, 1956. S. 99–124.

26. Под семантической индукцией понимается процесс расширения понятийного содержания исконного слова, совпадающего с иноязычным в прямом значении, за счет переносного, под влиянием соответствующих (соответствующего) ЛСВ заимствованного слова. Ср.: Курилович Е. Заметки о значении слова. ВЯ, № 3. — М., 1955. С. 73–81. Я. Горещкий отметил, что до 1945 г. в словацкой терминологии при калькировании преобладали немецкоязычные образцы, см.: Horecký J. Z problematiky terminológie pri prekladaní // Slovenské odborné názvoslovie, II. — Bratislava, 1954. S. 196.

27. Blánár V. Zo slovenskej historickej lexikológie. — Bratislava, 1961. S. 240–277; Kondrašov N. A. Vznik a začiatky... S. 209–226.

28. Bobek W. Rusizmy, polonizmy a juhoslavizmy v literárnom jazyku slovenskom // Slovenská reč. VI, 1937–38. S. 8–14; Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи на материале словацкого литературного языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. — М., 1970, 18 с.

29. М. Бакош доказал, что под влиянием русской поэзии уже в штуровскую эпоху наблюдается переход от хорей, свойственного словацкому фольклору и широко использованного штуровцами, к трехсложным стихотворным размерам, получившим распространение особенно в конце XIX в. См.: Bakoš M. Literárna genéza Sladkovičovej strofy. — Bratislava, 1950. S. 4–29; Bakoš M. Vývin slovenského verša. — Martin, 1939. S. 3–16.

30. Кондрашов Н. А. Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные И. И. Срезневским // Jazykovedný časopis 9. — Bratislava, 1958. S. 103–116.

СЛОВАРИ

Bernolák A. Slovník slovenský, Česko-Lat'insko-Německo-Uherský, I–IV. Buda, 1825–27.

Fidra J. et al. Slovník literárnovedných terminov. Bratislava, 1979.

Hollý A., Zúbek L. Slovník cudzích slov. Bratislava, 1953.

Ivanová-Šalingová M., Maňáková Z. Slovník cudzích slov. Bratislava, 1979.

Jungmann J. Slovník česko-německý, I–V. Praha, 1835–39.

Kátaľ M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.

Loos J. Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči, III. Pešť, 1871.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Mičátek L. A. Vačkovy rusko-slovenský slovník. Turč. sv. Martin, 1892.
 Nečas J., Kopecký M. Slovensko-český, česko-slovenský slovník rozdílných výrazů. Praha, 1964.
 Palkovič J. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch I-II, Pressburg, 1820-21.
 Prídavok J. M. Slovník cudzích slov a výrazov v slovenčine. Praha-Prešov, 1939.
 Siliacky O. Slovník slovenských spisovateľov pre deti a mládež. Bratislava, 1979.
 Slovník cizích slov, vyd. 2. Praha, 1983.
 Slovník českých spisovatelů. Praha, 1964.
 Slovník slovenského jazyka. I-VI. Bratislava, 1959-1965.
 Slovník spisovného jazyka českého. 1-4. Praha, 1959-1971.
 Vel'ký rusko-slovenský slovník. I-V. Bratislava, 1960-1970.
 Vel'ký slovensko-ruský slovník, I-III, Bratislava, 1979-1986.

ИСТОЧНИКИ

Bern. polem. - Bernolákovské polemiky. Bratislava, 1966.
 Černý E. - Slovenská čítanka, I.zv. 1864, II.zv. 1865.
 D. pokl. - Lichard D. Domová pokladnica na rok običajní 1847. V Skalici, 1846.
 Dobš. - Dobšinský P. Prostonárodné slovenské povesti, I-III. Bratislava, 1958.
 Dohn. - Dohnany M. Podmaňínovci. Levoča, 1848.
 Fejér. - Fejéropatoky-Belopotocký G. Propovědi. 1835.
 Hodža - Hodža M. M. Věťín o Slovenčině. V Levoči, 1848.
 Hol. - Hollý J. Dielo J. Hollého. 1-10. Trnava, 1950.
 Chalupka - Chalupka S. Spevy. Bratislava, 1953.
 Jilem. - Jilemnický P. Kronika. Moskva, 1952.
 Kol. - Kollár J. Spisi J. Kollára I-IV. V Praze, 1862.
 Kol. Pamäti - Kollár J. Pamäti z mladších rokov života. Bratislava, 1950.
 Kol. Zpiev. - Kollár J. Národné Zpiewanky čili Písňe svět-ské l'udu slovenského. I-II. Bratislava, 1953.
 Král' J. - Král' J. Súborné dielo. Bratislava, 1959.
 Kubáni - Kubáni Ľ. Emigranti, 1870.
 Kuzm. - Kuzmány K. Spisy K. Kuzmányho (1834-66). Martin, 1922.
 Nitra - Nitra II, 1844, Bratislava, 1956.
 OT - Orol Tatránski. I-IV, 1845-48.
 Palkovič - Palkovič J. Známost' vlasti, 1804.
 Podh. - Podhradský J. Holuby a Šulek. Pešť, 1850.
 Sas. - Sasinek F. Noworočný darek pre dobré dietky, 1856.
 Sládk. - Sládkovič A. Sobrané básne, Martin, 1939.
 SNN - Slovenskie národňje novini. I-IV, 1845-48.
 SP - Slovenskije pohľadi na vedi, umeňja a litera-

túru. Skalica, 1846-52.
 Sp - Slovenské pohľady, 1881-1938.
 Šaf. - Šafárik P., Palačský F. Počátkové českého básnictví, zvláště prozodie. Bratislava, 1961.
 Št. - Štúr. Ľ. Dielo. zv. I-V. Bratislava, 1954-57.
 Št. Listy - Listy Ľ. Štúra. zv. I-III. Bratislava, 1954-60.
 Št. Nářečja - Štúr L. Nářečja slovenskua alebo potreba písajňa v tomto nářečí. V Prešporuku, 1846.
 Št. Ohlas - Štúr L. Ohlas o slovenských národňích novínách a Orlovi tatránskem. V Prešporuku, 1845, 2-3.
 Št. O nár. pov. - Štúr Ľ. O národných povestiach a piesňach plemien slovenských. Martin, 1952.
 Tablic. Sl. verš. - Tablic B. Sloveští veršovci, 1805.
 Tablic. Umění básn. - Tablic B. Umění básnířské, 1832.
 Vaj. - Vajanský Sv. H. Státe o slovenskej literatúre. Bratislava, 1956.
 Zorn. - Zornička, 1847.

НАЗВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Целью настоящей статьи является описание названий действия с учетом тенденций их образования в современном словацком языке. При этом в центре внимания будет находиться прежде всего конкуренция, а также функционально-семантическая и стилистическая дифференциация словообразовательных типов, по которым образуются имена со значением действия. К названиям действия мы относим не только "nomina actionis", т. е. отглагольные имена существительные (в словацкой терминологии *slovesné podstatné mená*) на *-nie*, *-tie* и другие девербативные имена со значением отвлеченного (процессуального) признака, но и десубстантивные имена с суффиксом *-stvo* и его вариантами (напр. *riešitel'stvo*), выражающие значение действия, как правило, имплицитно или опосредованно – ссылкой на мотивирующие их агентивные имена существительные.

Не ставя задачу написать сопоставительное исследование, мы, однако там, где это целесообразно, учитываем параллельные или различающиеся явления в русском языке или в других славянских языках. В работе используются результаты, которые мы получили при исследовании динамических тенденций всего круга абстрактной лексики словацкого языка. Данная проблематика в более широком объеме разработана нами в коллективной монографии "Динамика словарного состава современного словацкого языка"¹.

Названия действия в наиболее общем семиотическом и номинационном аспекте выражают динамический признак (в отличие от абстрактных имен свойства, выражающих статический признак). Имена действия называют действие как опредмеченное, самостоятельное, то есть абстрагированное от носителя (производителя) действия² и в значительной степени независимое от грамматических категорий мотивирующего глагола, прежде всего катего-

рий лица, времени, наклонения. Более сложным является отношение названий действия к лексико-семантической категории глагольного вида. Тенденция к выражению видовых различий проявляется неодинаково у отдельных словообразовательных типов. Как известно, в наибольшей степени она заметна у отглагольных существительных на *-nie*, *-tie*.

Диахроническую картину постепенного формирования и кристаллизации в словацком языке словообразовательных типов, у которых доминирующим является значение действия, дал Ю. Фурдик³. С точки зрения развития литературного словацкого языка в широкой временной перспективе интересным является тот факт, что основные пропорции и функциональная нагрузка словообразовательных типов с преобладающим значением действия, определенные автором как результат эволюционных изменений на ключевых этапах истории литературного словацкого языка от штуровского периода вплоть до возникновения первой Чехословацкой республики в 1918 г., сохраняют силу практически до настоящего времени. Центральные типы образования имен существительных со значением действия (по крайней мере 75 % дериватов со значением действия) представлены следующими типами: немаркированный тип $Z_v + \text{-nie/-tie}$; тип с потенциальными сдвигами значения $Z_v + \emptyset$; тип со специфицированным значением действия $Z_v + \text{-ot}$. К типам с развитой полисемией, из которых по крайней мере 25 % имеют значение действия, относятся немаркированный тип $Z_v + \text{-ka}$ и экспрессивный тип $Z_v + \text{-čka}$. Малопродуктивными являются типы $Z_v + \text{-ba}$ и $Z_v + \text{-vica/-nica}$.

Правда с точки зрения синхронной динамики словарного состава не все названные типы, служащие для образования имен со значением действия, имеют в настоящее время одинаковый вес. В незначительной мере на динамику в подсистеме имен со значением действия влияет словообразовательный тип $Z_v + \text{-ot}$, продуктивность которого системна, а следовательно и эмпирически ограничена. По данному типу образуются названия действия только от семантически четкой группы глаголов, обозначающих зри-

тельное восприятие, звуки, и семантически связанные с ними *verba dicendi* (напр. *štrngot, frfot, jajkot*). Точно так же, уже в принципе исключается возможность высокой частотности слов, образованных по экспрессивному типу с формантом *-nica* (*šliarkanica, tlačenica*) и типа с суффиксом *-vica*. В последнем случае низкая продуктивность связана с семантической ограниченностью действий, называющих атмосферные явления (*hrmavica, blýskavica*). Малопродуктивным в настоящее время является и тип $Z_v + -ba$, хотя обычный носитель языка необязательно осознает это поскольку языковое сознание в данном случае может быть в определенной степени искажено под влиянием частотности некоторых дериватов (*tvorba, kosba, otba, plemenitba*), а также за счет возникновения новых сложных слов (*senotvorba*) и существительных, образованных при помощи префиксов (*predvol'ba*).

В подсистеме названий действия в современном словацком языке определяющими, т. е. такими, при помощи которых в наибольшей степени обогащается словарный состав, являются прежде всего следующие типы: категориально продуктивный тип отглагольных имен существительных $Z_v + -nie/-tie$, довольно продуктивный бессуффиксный тип $Z_v + -\emptyset$, среднепродуктивные типы $Z_v + -ka$ и $Z_v + -čka$. К этим типам со славянскими суффиксами примыкает достаточно продуктивный интернациональный тип с суффиксом *-ácia/-izácia*. Десубстантивные дериваты с суффиксом *-stvo* имеют значение действия, специфицированного как сфера деятельности лица, склонность к действию/деятельности и т. п. Значение действия у этих дериватов зависит от того, что мотивирующим словом является существительное со значением производителя действия, а сопровождающая мотивация связана с глаголом. Значение действия могут иметь также интернационализмы с суффиксом *-izmus*.

Названия действия богато представлены во всех коммуникативных сферах, наиболее многочисленны они в специальном и публицистическом стилях, что связано с их использованием в качестве терминов и с тенденцией номинализации высказывания. Различные словообразовательные типы при этом отчасти конкурируют в рамках одной и той же коммуникативной сферы (напр. в специальных

текстах конкурируют тип с суффиксами *-nie/-tie*, бессуффиксный тип и тип с суффиксом *-ka*), отчасти специализируются на употреблении в одной единственной коммуникативной сфере (разговорный или разговорно-экспрессивный тип на *-čka*).

Уже этот репертуар основных словообразовательных средств, служащих для образования названий действия, демонстрирует близость словацкого языка к другим славянским языкам. В русском языке на выражении значения действия (процесса) также специализировались три отглагольные словообразовательные типа, конкурирующие в профессионально-терминологической сфере, — типы с суффиксами *-ние, -ка, -\emptyset*⁴. Сопоставление чешского и русского языков⁵ показывает, что в данных языках наиболее частотными являются дериваты на *-ní /-ние, -tí /-tie* и дериваты с нулевым суффиксом. Существительные на *-ka* частотные в русском языке употребляются в чешском языке лишь как дублетные формы (*přejímání/přejímka zboží*). Главное отличие репертуара имен со значением действия в русском и чешском языках автор усматривает в том, что в русском языке в отличие от чешского (можно добавить и словацкого) имеется суффикс *-овка*, четко охарактеризованный в формальном, акцентологическом и комбинаторном плане. Среди основных конкурирующих словообразовательных средств образования имен со значением действия в польском языке авторы сборника "Культура польского языка" приводят формации с суффиксами *-nie, -ka*, с нулевым суффиксом и суффиксом *-acja*⁶.

Правда, как хорошо известно, репертуар словообразовательных средств близкородственных языков бывает или одинаковым, или хотя бы очень сходным. Наибольшие отличия обычно связаны с функциональной нагрузкой словообразовательных типов, с дистрибуцией суффиксов и с их способностью сочетаться с определенными словообразующими основами. Учитывая по возможности аналогичные явления в названных славянских языках, дадим характеристику словообразовательных типов имен со значением действия в словацком языке.

Немаркированным, стилистически нейтральным и наиболее универсальным с точки зрения возможности его ис-

пользования в разных коммуникативных сферах является словообразовательный тип отглагольных имен существительных $Z_v + -nie/-tie$. Высокая продуктивность типа тесно связана с его функциональной универсальностью и стилистической немаркированностью. Отглагольные существительные характеризуются значением действия, наименее отличающимся от значения мотивирующего глагола, и как таковые они выступают как частичные синонимы по отношению к дериватам других словообразовательных типов. Немаркированность отглагольных существительных проявляется в том, что, хотя они сами часто функционируют как термины, во многих иных случаях дериваты с суффиксом *-ка* более ярко передают характер термина, в то время как отглагольные существительные, образованные от изолексемных основ выступают в качестве их нетерминологических синонимов, напр. *odstávka vysokej pese – odstavenie vysokej pese*. Сходным является и отношение отглагольных существительных к дериватам бессуффиксного типа. Последние стилистически маркированы как терминологические или публицистические, а изолексемные отглагольные существительные являются нейтральными, напр. *úhyn dobytka – hynutie dobytka* 'падеж скота'; *nárast životných nákladov – narastanie životných nákladov* 'рост стоимости жизни'. В обиходно-разговорном языке стилистическая немаркированность (нейтральность) отглагольных существительных осознается при сравнении их с дериватами, образованными по разговорно-экспрессивному типу на *-čka*, напр. *filmovanie – filmovačka* '(кино)съемка' – съемка (фильма)'.

Немаркированность отглагольных существительных в словацком языке становится очевидной при сравнении их с аналогичными дериватами в русском языке. В. Н. Виноградова, относя русские дериваты на *-ние* к книжным средствам, одновременно указывает на то, что "высокопродуктивное образование отглагольных существительных с суффиксом *-(е)ние* используется и в разговорной речи"⁷. Е. А. Земская также отмечает, что образование отглагольных имен существительных со значением отвлеченного признака как пример синтаксической деривации является характерным и для разговорной речи⁸. З. Новакова на

основе подробного сопоставительного и типологического анализа имен на *-nie/-nie* в русском и словацком языках приходит к выводу, что стилистическая характеристика данного словообразовательного типа в обоих языках не является тождественной⁹. В словацком языке отглагольные существительные не имеют оттенка книжности. Напр. в сочетании с фазовыми глаголами имена на *-nie* выступают как примарное и естественное средство выражения разнообразных конкретных физических действий в повседневной коммуникации, тогда как в русском языке соответствующие имена на *-ние/-тие* имеют оттенок книжности, являются средствами более высокого стиля речи. Поэтому стилистически эквивалентными средствами по отношению к словацким сочетаниям отглагольных существительных с фазовыми глаголами в русском языке часто служат инфинитивные конструкции, напр. *Lekár si prisadol a pustil sa do písania – Врач сел за стол и начал писать. Pustili sme sa do jedenia – Мы принялись завтракать*. То же самое наблюдаем и при обозначении заключительной фазы действия, напр. *Šochvíľu dokončíme kopanie základov – Еще немного и мы закончим копать фундамент*.

При помощи высокопродуктивного словообразовательного типа отглагольных существительных в современном словацком языке образуются новые имена со значением действия главным образом в рамках следующих функционально-семантических групп (причем их образование обусловлено общественной потребностью называть определенные действия).

Ярко представлены названия, образованные от различных типов каузативных дедъективных и десубстантивных глаголов. Внутрilingвистическим фактором высокой продуктивности типа мы считаем в данном случае сам антропоцентрический принцип словообразования, который различными способами реализуется в процессе образования слов. При образовании отглагольных имен действия с каузативным значением его реализация заключается в том, что интенция к одушевленному производителю действия является (в глубинной структуре) конституирующей предпосылкой каузативного значения, выраженного глаголом или отглагольным именем существительным, даже

если эти отглагольные имена часто встречаются в таких (поверхностных) структурах предложения, в которых интенция к производителю действия бывает ослаблена. Экстралингвистическим фактором продуктивности каузативных глаголов и их дериватов – отглагольных имен существительных – является повышение субъективного фактора в жизни общества. Ср., в частности, следующие примеры имен со значением действия от различных каузативных глаголов: *sprogresívenie úloh*, *zhospodárnenie výroby* 'повышение экономичности производства', *spojazdnenie motorového vozidla* 'приведение автомобиля в исправность', *ozvučenie sály* 'озвучение зала'.

Чаще отглагольные существительные называют технологические процессы, методы обработки материалов: *sementovanie* 'цементирование, цементировка', *hliníkovanie* 'алитирование' и др.

Продуктивность этого словообразовательного типа проявляется и при образовании отглагольных существительных, обозначающих темпоральные модификации действия: *doogávanie* 'допашка', *predsušenie hmoty* 'предварительная просушка массы'.

Отглагольными существительными удовлетворяется и общественная потребность называть различные официальные операции и действия. Так постепенно лексикализуются сочетания типа *udel'ovanie cien* 'присуждение премий', *poskytovanie služieb obyvateľstvu* 'оказание услуг населению' и др.

Лексико-грамматическая категория глагольного вида дает себя знать как фактор синхронной динамики главным образом в том, что тенденция к выражению видовых различий, словообразовательных типов, принадлежащих к словообразовательной категории названий действия, проявляется в различной степени. Наиболее ярко она обнаруживается у отглагольных существительных, бессуффиксный тип и тип с суффиксом-ка функционируют в системе как "надвидовые", т. е. дериваты этого типа способны, либо выражать действие как таковое, без учета видовых различий, либо в каждой конкретной ситуации в случае необходимости передавать значение совершенного или несовершенного вида. Дериваты разговорно-экспрессивно-

го типа на -шка, как правило, мотивируются глаголами несовершенного вида.

Однако, даже присущая отглагольным существительным системная возможность и тенденция к выражению видовых различий при реализации системы в речи проявляется не прямолинейно¹⁰. Существует определенное противоречие между возможностями системы, допускающей образование отглагольных существительных от обоих членов видовой пары мотивирующего глагола, и функционированием этой системы, в процессе которого у некоторых лексем проявляется большая функциональная нагруженность отглагольного существительного в той или иной видовой форме. С одной стороны, у отглагольных существительных сохраняется видовая корреляция мотивирующих глаголов, также как и приблизительно равноценное использование обоих видовых форм в коммуникации, напр. *zdraženie/zdražovanie nafty* 'удорожание нефти', *zapojenie/zapájanie mládeže do vedecko-technického rozvoja* 'подключение молодежи к научно-техническому прогрессу' *zateplenie/zatepl'ovanie bytov* 'утепление квартир' и т. д. С другой стороны существует значительная функциональная нагруженность форм несовершенного вида отглагольных существительных, которые возникают вследствие потребности обозначать общественные процессы (экономические, политические, культурные), имеющие в развитии общества долговременный, в полном смысле слова процессуальный характер. Ср. напр. *spriemyselňovanie poľnohospodárstva* 'индустриализация сельского хозяйства', *odhal'ovanie skrytých rezerv* 'выявление скрытых резервов', *vyhl'adávanie talentov* (**vyhl'adanie talentov*) 'отыскивание/отыскание талантов'.

Интересным новым явлением, касающимся в первую очередь глаголов, но распространяющимся также на названия действия – дериваты этих глаголов, служит присоединение исконных славянских префиксов к двувидовым интернациональным глаголам. Благодаря этому многие интернациональные глаголы адаптируются системой видовой корреляции, присущей глаголам славянского происхождения. В противовес прежнему состоянию двувидовости глаголов типа *rekonštruovať*, *rekapitulovať*, *recenzovať*, *realizo-*

vat', publikovat', dedukovat' (все имеют значение несовершенного и совершенного вида) – действует новая тенденция: выражать бесприставочной формой глагола значение несовершенного вида, а соотносительное с ним значение совершенного вида – приставочным глаголом: zrekonštruovat', zrekapitulovat', zrecenzovat', zrealizovat', oprublikovat', vydedukovat' и т. д.¹¹. Таким образом ликвидируется один из случаев асимметричного дуализма. В рамках этой тенденции в современном словацком языке возникают и названия действия типа vūžspecifikovanie, dokompletizovanie, dokompletizácia, oprublikovanie и др.

Бессуффиксный тип образования названий действия в словацком языке вступает в отношения конкуренции с именами на -lie/-tie, особенно в специальной, административной и публицистической коммуникативной сфере. Наиболее частыми модификациями значения действия у дериватов данного словообразовательного типа можно считать, с одной стороны, выражение действия с нейтрализацией противопоставления значений длительности и акта действия, т. е. выражение действия как "надвидового", способного в зависимости от конкретной ситуации выступать в функции обоих видов, напр. vývoz 'вывоз' = vyváženie и vyvezenie; с другой стороны, выражение действия ограниченного во времени, как единичного акта, напр. výmaz trestu 'аннулирование наказания'. Это второе значение считается наиболее стабильным значением данного словообразовательного типа и в русском языке. В то время как в русском языке, согласно В. П. Даниленко*, этот тип не представляет "угрозы" конкурирующим с ним типам, поскольку образованные по нему дериваты употребляются лишь в определенных терминологических областях, главным образом, в сельскохозяйственной, авиационной и спортивной терминологии. В словацком языке помимо спортивной и сельскохозяйственной терминологии дериваты этого словообразовательного типа в качестве новообразований достаточно часто используются при назывании технологических процессов, различных невольных действий, имею-

* Автор изучает явление конкуренции словообразовательных типов отглагольных существительных, см. сноску № 4 (С. 144–155).

щих экологические последствия, а также в административной коммуникативной сфере. Ср. напр. dozbev po kom-bajnoch, výpas horských pasienkov ovcami, hustý vysev 'густой посев'; presak agtochemikálií 'просачивание агрохимикалий', únik plynu 'утечка газа'; predohrev perlitu 'подогрев перлита', preral kovu 'пережег металла'. Некоторые наименования, образованные по бессуффиксному типу и употребляющиеся в специальной и административной коммуникативной сфере, возникли на метафорической основе. Понятно, что такие наименования не имеют в других языках аналогично образованных эквивалентов. Напр. в "Большом словацко-русском словаре"¹² второму значению словацкой лексики rpevis приводится описательный эквивалент: "невыполненная часть плана, переходящая на следующий год". Эквивалентом словацкого слова sklz в разговорной речи является русское слово *скольжение*, употребление этой же самой лексики в административном сленге подтверждается следующим толкованием слова: "...отставание в выполнении плана"¹³. Перенос наименований из административной сферы в публицистические тексты, в язык обиходного повседневного общения оценивается в практической деятельности по нормализации словацкого языка (в области культуры речи) как стилистическое несоответствие. Напр. отглагольному существительному narastanie как стилистически нейтральному отдается предпочтение перед наименованием narast 'рост, нарастание' в высказываниях литературного характера. На сходную ситуацию в русском литературном языке обращает внимание В. Стракова¹⁴, со ссылкой на В. Н. Виноградову, аналогичной, по оценке Г. Саткевич¹⁵, является ситуация в польском языке.

Названия действия в словацком языке образуются также по словообразовательным типам: основа глагола + суффиксы -ka, -ška. Речь идет о двух словообразовательных типах (с двумя различными суффиксами), а не о вариантности суффиксов. Такая интерпретация основана на различной стилистической характеристике словообразовательных типов, обусловленной неодинаковым их использованием в отдельных коммуникативных сферах. Словообразовательный тип с суффиксом -ka используется при образовании имен со значением действия в специальной ком-

муникативной сфере, а также, как нейтральное литературное средство, в повседневной разговорной речи. Словообразовательный тип на -шка используется в сфере обиходно-повседневного общения как разговорно-экспрессивный тип. В публицистике и в художественной речи он используется как маркированное средство по сравнению со стилистически нейтральными отглагольными существительными, выражающими значение действия.

Словообразовательный тип с суффиксом -ка в современном словацком языке является среднепродуктивным типом, чем отличается от аналогичного типа в русском языке и особенно от русского словообразовательного типа с суффиксом -овка, более заметно конкурирующего с именами существительными на -ние. "Острая борьба" между этими типами в русском языке, согласно В. П. Даниленко, происходит, главным образом, при образовании названий действия от новых, исключительно продуктивных классов глаголов на -овать, -ировать (*шифрование* – *шифровка*, *кодирование* – *кодировка*). В. Стракова¹⁶ подчеркивает акцентологическую, комбинаторную и семантическую определенность русского суффикса -овка: отглагольные имена, образованные при помощи этого нового, расширенного суффикса, называют чаще всего действия технического и интеллектуального характера. В словацком языке словообразовательный тип на -ка употребляется главным образом при назывании технических процессов и манипуляций, однако о четком семантическом разграничении данного типа от других конкурирующих типов говорить нельзя. Ср. напр. *odstávka vysokej pece* 'законсервирование доменной печи', *roztrabka mäsa* 'разделка мяса', *poštová zásiлка* 'почтовое отправление', *prebieгка výtokov* 'приемка изделий', *vupáška na vysokohorské chaty* 'подъем на дачи, расположенные высоко в горах', *dohrávka ligového kola* 'доигривание первенства среди команд класса "А"', *okorávka zemiakov* 'окучивание, окучка картофеля'.

Как мы уже говорили, разговорно-экспрессивный тип имен действия с суффиксом -шка используется в словацком языке как стилистически маркированное средство в обиходно-разговорной речи или в художественном и публицистическом стиле. Такие примеры как *kúpaška* 'купание',

vybehávaška 'хлопоты, беготня', *st'ahovaška* 'переселение', а также многочисленные неологизмы, в которых экспрессивность подчеркивается формой множественного числа, выражающей повторяемость и следовательно, большую интенсивность действия, напр. *presvedčovašky* 'убеждение', *tokovašky* 'переговоры', *vysvetl'ovašky* 'объяснения' и т. д. свидетельствуют о том, что в словацком языке тип с суффиксом -ка не является периферийным уже в силу того, что образование отглагольных имен существительных по данному типу не лимитировано семантикой мотивирующих глаголов. Определенные ограничения вытекают лишь из того, что дериваты, образующиеся по экспрессивным словообразовательным типам, как правило, не бывают многочисленными. Дело в том, что в противном случае их экспрессивность утрачивалась бы. Этим наша оценка данного словообразовательного типа расходится с оценкой, данной В. Страковой аналогичному словообразовательному типу в чешском языке¹⁷. По ее утверждению дериваты на -шка в чешском языке можно считать периферийными.

Особым способом значение опредмеченного действия выражают имена с суффиксом -stvo (и его расширенными вариантами). В нашей систематизации абстрактной лексики они занимают центральное положение среди типичных представителей словообразовательной и ономазиологической категории опредмеченного действия, т. е. отглагольных существительных *nomina actionis* с суффиксами -nie/-tie и других deverбативных имен существительных, а также среди типичных представителей словообразовательной категории названий свойств (особенно типа на -ost'). Это центральное положение имени на -stvo занимают благодаря своей преимущественно субстантивной и субстантивно-адъективной, или субстантивно-глагольной мотивированности, а в семантическом плане благодаря тому, что они являются амбивалентными на уровне словообразовательного значения. Эти имена могут иметь значение опредмеченного действия или опредмеченного свойства в зависимости от того, чем они мотивированы – именами производителя действия (или именами носителя активного воздействия на предмет), или же именами носителя свойства. Эти двоякая сущность и двоякая функция аб-

страктных имен на -stvo в традиции польской терминологии словообразования метко передается противопоставлением "nomen actionis" : "nomen essendi" (= бытие тем или таким, кем или каким называет слово в словообразующей основе деривата). С точки зрения словообразовательной семантики названия действия с суффиксом -stvo характеризуются тем, что определенное действие они выражают не как таковое (подавляющее большинство слов не выражает "чистого" транспозиционного значения определенного действия), а как действие определенной лексической и функциональной специализации: как сферу деятельности лица, его профессию, напр. ilustrátorstvo 'иллюстраторство', склонность к совершению действия, напр. pijanstvo 'пьянство', деятельность, понимаемая как характерное свойство, напр. podvodníctvo 'мошеничество'.

В своем самом продуктивном значении (в словацком языке) – названия сферы деятельности лица, названия профессий, напр. zváračstvo 'сварочное дело', betonárstvo 'профессия бетоноукладчика', названия действий на -stvo в отличие от отглагольных имен на -nie/-tie выражают значение действия неактуализированного, независимого от протяженности во времени. Это значение дериватов на -stvo является парадигматическим, системным, независимым от функционирования на синтагматической оси, в контексте. Поэтому названия сфер деятельности лица, в тексте, как правило, не заменяются синонимами, выраженными отглагольными существительными. Существуют, однако, и полисемантические наименования, которые кроме значения "сфера деятельности" способны выражать в определенном контексте и значение "актуальная деятельность", напр. ilustrátorstvo, dekoratérstvo, spravodajstvo. В этом случае дериваты на -stvo находятся в отношениях частичной синонимии с именами на -nie/-tie. Напр. наименование spravodajstvo (spravodajca 'репортер') может иметь актуальное процессуальное значение "сообщение новостей", напр. в сочетании spravodajstvo z domova i zo zahraničia. В этом случае они имеют значение, выражаемое эквивалентами репортерство и репортерствование. Дериваты ilustrátorstvo, dekoratérstvo имеют значение актуального действия в сочетаниях типа: zaoberať sa ilustrátorstvom, dekora-

térstvom – 'он занимается иллюстрированием, декорированием'. И наоборот, синонимическая замена является невозможной в таких контекстах, в которых отглагольное имя выступает в сочетании с дополнением в родительном падеже, потому что nomina actionis выражают действие с интенцией к объекту, а названия сферы деятельности или занятий лица выражают действие без интенции к объекту. Ср. zaoberať sa ilustrovaním knih (*ilustrátorstvom knih) – 'он занимается иллюстрированием книг'. Способность производных на -stvo выражать актуальную деятельность вытекает из того, что наряду с мотивацией именем производителя действия данные наименования в многочисленных случаях имеют также опосредствованную мотивацию глаголом, напр. ohováračstvo, rozkrádačstvo 'расхищение'.

Главное различие словацких имен на -stvo, выражающих значение действия или свойства, и аналогичных наименований на -ство в русском языке заключается в том, что в словацком языке эти названия являются членами иных словообразовательных цепочек или иных семантических кругов, нежели в русском языке. В то время как существующие наряду с другими nomina actionis дериваты типа мучительство по мнению О. П. Ермаковой¹⁸ не являются типичными для русского языка, в словацком языке дериваты на -stvo параллельные с отглагольными существительными на -nie/-tie встречаются относительно часто. Имена с суффиксом -stvo используются, главным образом, потому, что выражаемое ими действие "стилизованно" иначе, чем у отглагольных существительных, а именно посредством ссылки на имя со значением "производителя действия", что может сказываться и на стилистической характеристике дериватов (см. ниже). Ср., например, цепочки: rozkrádať – rozkrádač – rozkrádačstvo; рус. расхитить/расхищать – расхищение; расхитить – расхититель – расхитительство; ohovárať – 'оговаривать кого, клеветать на кого' – ohovárač 'клеветник' – ohováračstvo; ohovárať – ohováranie 'оговор, клевета'; roval'ovat'sa – roval'ač – roval'ačstvo, рус. лодырять – лодырничать – лодырничество. Ср. также словообразовательные цепочки, завершающиеся образованием названий определенного свойства: podlý – podliak- (podliacky) – podliactvo, рус. подлый – подлец; подлый – подлость. Если, согласно

О. П. Ермаковой, в русском языке образование прилагательных от деадъективных названий лиц и, следовательно, образование словообразовательных цепочек типа *наглый – наглец – наглецкий*, не является продуктивным, поскольку на прилагательные типа *наглецкий* нет “семантического заказа”, то в словацком языке цепочки такого типа являются более продуктивными.

Для словацкого языка характерна отчетливо выраженная тенденция передавать определенное свойство, или же свойство, основанное на какой-либо деятельности, имена с суффиксом *-stvo* как стилистически маркированное (пейоративное), т. е. свойство, оцениваемое как интенсивное и негативное, в противоположность нейтральным коррелятам с суффиксом *-ost'*. Мы видим в этом одно из проявлений действия принципа первичных и вторичных функций по Куриловичу. Поскольку первичным наименованием свойства в языке является прилагательное, деадъективные названия свойства представляют собой то, что является “нормальным”, стилистически беспризнаковым. Если же свойство выражается посредством ссылки на имя существительное со значением “носителя свойства”, то это уже признаковая, секундарная ситуация. Поэтому в данном случае скорее можно ожидать стилистическую маркированность. Между названиями свойств на *-stvo* и деадъективными названиями свойств на *-ost'* существует и такое семантическое различие: деадъективные названия на *-ost'* выражают определенный признак как статический, тогда как десубстантивные названия на *-stvo* выражают, или же могут выражать соответствующее свойство как “динамизированное”, более близкое к значению действия. Поэтому часть дериватов на *-stvo* является названиями переходного характера, у которых стирается, нейтрализуется оппозиция *свойство : деятельность*¹⁹. Описанную ситуацию можно продемонстрировать, сравнив следующие коррелятивные словообразовательные цепочки: *pedantný – pedant – (pedantský) – pedantstvo* ‘педантизм’; *pedantný – pedantnosť*; *kritika – kritikár – kritikársky – kritikárstvo* ‘критицизм’; *kritika – kritický – kritickosť*; *úskok* ‘интрига, коварство’ – *+úskokár – úskokárstvo* ‘коварство’. В словацком языке при образовании таких дериватов на *-stvo* мы нередко встречаемся с так

называемым черезступенчатым словообразованием.

Наконец, названия действия образуются в словацком языке и при помощи интернационального суффикса *-ácia/-izácia*. Словообразовательный тип с этим суффиксом характеризуется значительной продуктивностью. Общее значение словообразовательного типа является относительно единым – действие, гомогенный процесс. Но поскольку некоторые названия с суффиксом *-ácia* мотивированы только соответствующими глаголами, напр. *militarizovať – militarizácia*, *fixovať – fixácia*, в то время как у других дериватов ощущается и опосредствованная мотивация существительными и прилагательными, выступающими в качестве предшествующих ступеней деривации, постольку в рамках данного словообразовательного типа можно различать несколько частных подтипов (и частных словообразовательных значений). Все они в современном словацком языке, так же как и аналогичные подтипы в русском, являются продуктивными. На их основе пополняется прежде всего лексика, относящаяся к области науки и техники и применению их достижений в развитии общества. Речь идет о следующих подтипах:

1) “применение научных дисциплин (методов, знаний), названных в словообразующей основе деноминального глагола”, напр. *matematizácia (spoločenských vied)*, *chemizácia (národného hospodárstva)*, *kybernetizácia (výroby)*;

2) “придание свойства, названного адъективной словообразующей основой”: *intenzifikácia*, *d'alšia miniaturizácia (vytobkov)*, *optimizácia (plánov)* и т. п.

3) “массовое внедрение, применение того, что названо существительным в основе деноминального глагола”, напр. *robotizácia*, *elektronizácia*, *paletizácia* и т. п.;

4) “определение того, что названо исходным существительным деноминального глагола”, напр. *etapizácia*, *typizácia*, *gajonizácia*.

С точки зрения функционирования исконных и интернациональных словообразовательных типов важно определить, как конкурируют эти типы, или как они друг друга дополняют. В результате тщательного исследования мы установили, что названия действия с суффиксом *-ácia* в современном словацком языке находятся в отношениях

теснейшей корреляции прежде всего с изолексемными дериватами с суффиксом -nie/-tie. Соотношение этих словообразовательных типов характеризуется следующими признаками²⁰: Проявляется тенденция предпочтительного употребления названий с суффиксом -ácia для наименования глобальных процессов, представляющих действие, процесс без дифференциации на акт действия или протекание действия (приведенный здесь первый семантический подтип). Встречаются случаи, когда оба члена соотносительной пары употребляются параллельно как словообразовательные варианты (стилистически и семантически равноценные), напр. popularizácia - popularizovanie, aktivizácia - aktivizovanie. Следующую группу образуют соотносительные дериваты, в которых лексемы с суффиксом -ácia не являются однозначными, поскольку выражают также и непроцессуальные значения (результата, места, средства), поэтому при необходимости выразить значение процессуальности в словацком языке отдается предпочтение лексемам со славянским суффиксом -ovanie, напр. štylizácia - štylizovanie, konštrukcia - konštruovanie, redukcia - redukovanie. Наконец, существуют пары изолексемных дериватов, различающихся стилистически, напр. preferencia - книжное средство выражения, preferovanie - нейтральное. Возможны и пары, члены которых различаются и семантически, и стилистически, напр. administrácia (inštitúcia) - administrovanie (пейоративно оцениваемое действие: бюрократический стиль решения вопросов).

Названия с интернациональным суффиксом -izmus в словацком языке кроме доминантного значения "идейное направление, движение", могут иметь и значение "динамизированного" свойства (часто с пейоративной окраской). Близость к значению действия вытекает из их ономаσεологической структуры: именем существительным в ней эксплицитно выражается ономаσεологический мотив как составная часть ономаσεологического признака, второй компонент - ономаσεологическая связка - является имплицитным. Им является или отглагольное существительное или какое-либо другое имя со значением действия. Напр. mantinelizmus (перен 'движение от борта к борту'), rezortizmus (пейор. 'предпочтение ведомственного интереса

интересам общества'). Эти наименования могут находиться в отношении вариативности с изолексемными дериватами, образованными при помощи славянских суффиксов, напр. rezortizmus - rezortníctvo, amatizmus - amatérstvo, или же быть противопоставленными названиям сферы деятельности лица и названиям со значением действия. Ср., напр., названия režia, režíserstvo (название профессии) - režírovanie (название процесса действия) - režíserizmus ("динамизированное" свойство с пейоративной окраской = предпочтение работы режиссера работе актера, чрезмерное režírovanie).

Из представленного нами краткого обзора словообразовательных типов названий действия в современном словацком языке, а также из неполного очерка отношений синонимии, или же семантической и стилистической дифференциации дериватов различных типов, видно, что современный литературный словацкий язык располагает инвентарем словообразовательных средств, при помощи которых можно выразить достаточно тонкие различия в рамках категории опредмеченного действия. Существует большая коммуникативная потребность в образовании названий опредмеченного действия, так как в языке перманентно проявляется необходимость выражать различные признаки явлений действительности, будь то статические признаки (свойства) или динамические признаки (т. е. опредмеченные действия). Поскольку названия этой категории образуются во всех коммуникативных сферах, хотя в наибольшей мере в специальной и публицистической, не является случайным, что между ними имеются различия в стилистической характеристике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. Dynamika slovnéj zásoby súčasnej slovenčiny. - Bratislava, 1990.
2. См.: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. - Praha, 1962. S. 43.
3. Furdík J. Zo slovotvorného vývoja slovenčiny // Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafaríkanae. - Bratislava, 1971, 84 s.
4. Русский язык и советское общество. Словообразование современно-го русского литературного языка. Ред. М. В. Панов. - М., 1968. С. 144.
5. Ср.: Straková V. Morfematická štruktúra sémantických obsahů .

Nástin derivační typologie // Linguistika XIV. – Praha a Třinec, 1985. S. 117.

6. Ср.: Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. – Warszawa, 1982. S. 282.

7. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984. С. 107.

8. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2 изд. – М., 1987. С. 119.

9. Новакова З. Сопоставительный анализ имен на -ние/-nie в русском и словацком языках. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). – М., МГУ, 1986. С. 86.

10. Furdík J. O vide a väzbe pri slovesných podstatných menách // Slovenská reč, 32, 1967. S. 65–74.

11. См. также: Смирнов Л. Н. Двувидовые глаголы в современном словацком литературном языке // Slavica Slovaca, 4, 1969. С. 40–70.

12. См.: Vel'ký slovensko-ruský slovník. III. zv. P – Q. Red. E. Sekaninová. – Bratislava, 1986. S. 603.

13. Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М., Васильева Е. Словацко-русский словарь. – Москва – Братислава, 1976. С. 466.

14. Ср.: Straková V. K morfosémantické analýze substantiva verbalného. (Na materiále češtiny a ruštiny) // Studie ze slovanské jazykovědy. III. Red. H. Běličová. – Praha, 1980. S. 74.

15. Ср.: Byttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Op. cit. S. 283.

16. Ср.: Straková V. Op. cit. S. 73 n.

17. Ср.: Straková V. Morfematická strukturace... S. 117.

18. Ср.: Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М., 1984. С. 49.

19. Ср. наше исследование: Motivačné vzťahy a význam derivátov s formantom -stvo // Bosák J., Buzássyová K. Východiská morfémovej analýzy. Morfematika. Slovtvorba. Jazykovedné štúdie XIX. – Bratislava, 1985. S. 85–117.

20. Подробный анализ см. в статье: Buzássyová K. Konkurencia slovtvorných typov s formantami -/iz/ácia, -/ova/nie // Slovenská reč, 48, 1983. S. 268–277.

Перевод со словацкого
Стемковской Ю. Е.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ГИБРИДНЫХ СЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере именных конструкций
с интернациональными компонентами
префиксального типа)

Наблюдаемый в последние десятилетия интенсивный приток в славянские языки так называемых интернационализмов – слов и словоэлементов, принадлежащих к фонду "международной" лексики, правомерно связывается в лингвистической литературе с фактором действия на славянской почве общей тенденции языковой интернационализации¹. Обусловленная целым комплексом объективных явлений внеязыкового порядка, эта тенденция тесно связана и с рядом других, параллельно действующих общезыковых процессов, характерных для современной языковой ситуации, в частности с сильным влиянием терминосистем на литературные языки, нейтрализацией большого числа терминов, демократизацией литературных языков, тенденцией к унификации коммуникативных средств на разных языковых уровнях, увеличением арсенала и удельного веса различных "стандартизированных" моделей и конструкций в рамках определенных функциональных стилей, интеллектуализацией и специализацией этих стилей и др. Многими исследователями признается сегодня тот факт, что одним из главных источников обогащения словарного состава современных, в том числе славянских языков следует считать международные элементы. При этом, однако, важно отметить, что процесс освоения интернационализмов не сводится к простому количественному росту интернациональных единиц в фонде того или иного языка, но и оказывает определенное воздействие на изменения, происходящие внутри отдельных систем и подсистем принимающей языковой базы. Наряду с прямым восприятием готовых иноязычных слов (интернационализмов), тенденция к языковой интернационали-

зации проявляется и опосредованно – когда ”международный” тип слова становится моделью для производства новых слов уже своими средствами, для адаптации к таким типам своих исконных словообразовательных типов или формирования на этой основе новых типов². В этом смысле явление ”гибридизации”, под которым принято понимать производство новых слов посредством сочетания в рамках одной лексико-структурной единицы генетически различных – иноязычных (интернациональных) и исконных – словообразовательных элементов, представляет собой непосредственное отражение таких процессов. В первую очередь это относится к гибридным словосложениям ”в узком смысле” (определение, принятое, в частности, в чехословацкой лингвистической литературе уже с середины 60-х годов) – гибридным словам (далее – ГС) с первыми интернациональными компонентами (далее – ИНК), возникшими в результате декомпозиционного обособления из состава иноязычных (интернациональных) слов вследствие стандартности их значения, легкой выделяемости и структурной автономности, ср. например, ИНК: аеро-, агро-, ами-по-, авто-, био-, диско-, электро-, энерго-, фото-, кино-, стерео- и др. Функционируя уже на новой языковой почве в качестве морфологически вычленимых структурных единиц, такие ИНК развили способность относительно свободно сочетаться не только с иностранными, но и с исконными славянскими основами, образуя новые слова уже по морфологической аналогии. Об этом свидетельствует параллелизм в образовании и функционировании гибридных инноваций в различных, в том числе и славянских языках, что позволяет говорить об оформлении и стабилизации определенных интерлингвистических образцов-моделей для производства относительно незамкнутых рядов ГС с повторяющимися препозитивными ИНК и определенным набором значений, ср., например, аналогичные образования в некоторых славянских языках: в русск. *авиапочта, автоприцеп, аэрофотосъемка, биозащита, велогонка, видеозапись, метеосводка, кинозарисовка, радиопередача, псевдонаука, стереопроигрыватель, ультрасовременный* и др., в словц. *agrolietadlo, autodoprava, bioplyn, diažakusok, diskohudba, elektrodľučovač, energojednotka, fotod’alekohľad, hydrostavba,*

gramoplatňa, mikropočítač, stereoslúchadlá и др., в чешск. *autohlídka, elektroprodejna, infraprístroj, kinohvězda, makroprostředí, minihodinky, pseudovlastenec, radiospoj, turbodmychadlo, gramojehla* и др., в польск. *agrolotnictwo, biopierwiastek, fotodepesza, mikrosamochód, monozespół, motowozownia, radio-nadajnik* и др.³.

Сходные явления прослеживаются и в активизации другого типа гибридных образований – с препозитивными интернациональными морфемами префиксально-предложного и наречного происхождения, например, такими, как *anti-, arci-, kontra-, kvázi-, hyper-, hypo-, super-* и др., сочетания с которыми традиционно рассматриваются как префиксальные дериваты и поэтому, как правило не включаются в состав класса гибридов ”в узком смысле”, ср. в словц.: *anti-častica, kontraohyb, superstroj* и др., в польск.: *antyrozwodowy, atsurpoważny* и др. Степень освоенности, продуктивности и фактического участия в производстве новых слов препозитивных ИНК как первого, так и второго типов и соответствующих структурных гибридных моделей неоднородны и по разным славянским языкам, и в пределах отдельно взятого языка. В одних случаях их продуктивность может быть ограничена рамками определенных функциональных сфер (например, узко специальной терминологии), в других вновь образованные по тем или иным моделям ГС остаются пока в большей степени фактом речи (так называемые ”неузуальные” слова), нежели языка. Имеется и ряд других ограничений в производстве и распространении в языке как отдельных интерморфем, так и соответствующих моделей и типов. И напротив, для целого ряда ИНК ограничения в производстве и сферах функционирования новых слов, в том числе и гибридных, практически отсутствуют, а сочетания с ними исконных основ насчитывают, например, в словацком языке, десятки (с *anti-, foto-, super-* и др.), а иногда и сотни (с *auto-*) единиц. Таким образом, стабилизация и активизация ГС с первой интернациональной частью не является равномерным и однонаправленным процессом. Однако общая тенденция к росту их регулярности, включение целого класса агглютинативных словообразовательных элементов интернационального характера (в словацком языке насчитывается около 125 повторяю-

щихся препозитивных ИНК, проявляющих способность сочетаться со словацкими основами) в процессы номинации и словопроизводства уже на собственной языковой почве указывают на факт взаимодействия различных морфологических систем, связанного с ростом агглютинативности и аналитизма в словообразовании, а также свидетельствуют о формировании арсенала относительно новых словообразовательных средств иностранного происхождения, помимо уже имеющих в данном языке, служащих для производства новых слов определенной лексико-семантической и словообразовательной структуры. Не случайно многие исследователи рассматривают ГС с первой интернациональной частью как "наиболее характерное проявление интернационализации словообразовательных систем современных славянских языков"⁴. В свою очередь, восприятие интернациональных словообразовательных моделей и взаимодействие различных по происхождению словообразовательных компонентов в пределах слова не могут не оказывать определенного влияния и на процессы перераспределения в рамках системы исконных словообразовательных типов. И наоборот, в некоторых случаях традиционные для данного языка типы и модели могут коррелировать активность и сферы распространения той или иной интернациональной модели и соответствующего препозитивного ИНК.

Некоторые особенности освоения интернациональных морфем системой словообразования современного словацкого языка, причины активизации одних гибридных моделей и низкой словообразовательной активности других, явления их конкуренции с исконными моделями мы попытаемся проследить на примере лишь нескольких ИНК префиксального типа, которые можно распределить по двум самостоятельным семантическим группам:

1) ИНК с общим значением "противоположности, отрицания или противодействия" (anti- и kontra-);

2) ИНК с общим значением "интенсивности" (atci- / atchi-, extra-, hyper-, super-, ultra-).

Интернациональные морфемы названных групп характеризуются различными репродуктивными свойствами: среди них выделяются ИНК – "лидеры", отличающиеся

высокой регулярностью и продуктивностью в производстве именно гибридных образований, и напротив, морфемы, занимающие периферийные позиции в системе именного словопроизводства.

1. ИНК с общим значением "противоположности, отрицания или противодействия" (anti- и kontra-).

Как показывает сравнительный анализ гибридных и негибридных (состоящих из двух иноязычных компонентов) образований с компонентом anti-, представленных в словарях современного словацкого языка и зафиксированных нами в текстах периодической печати последних лет, в настоящее время можно говорить о наметившейся тенденции к определенной дифференцированности в сочетаемости anti- с иноязычными и исконными основами в зависимости от того, какую семантическую нагрузку несет эта морфема в том или ином типе слов. На наш взгляд, в словацком языке на современном этапе у компонента anti- следует различать три самостоятельных типа значений в рамках общего значения "отрицания":

а) anti₁- – "направленный против или действующий против чего-либо, что названо мотивирующим словом", ср.: antidemokratický 'антидемократический', antialkoholický 'противоалкогольный', antiskorbutický 'противоцинготный' и др.;

б) anti₂- – "противопоставленный по какому-либо признаку (или совокупности признаков) тому, что названо мотивирующим словом", ср.: antigén 'антиген', antičastica 'античастица', antipriestor 'антипространство' и др.;

в) anti₃- – "антипод по отношению к тому, что названо мотивирующим словом". Данное значение прежде всего указывает на отсутствие какого-то существенного признака, качества (или совокупности признаков, качеств), присущего исходному понятию или явлению, ср.: antiestetizmus 'антиэстетизм', antišportovec 'антиспортсмен', antidivadelný 'антитеатральный' и др.

Следует попутно отметить, что практика современной, в частности словацкой, лексикографии и описательных грамматик заметно отстает от фактического развития семантики целого ряда словообразовательных элементов, в том числе и компонента anti-. Словари современного сло-

вацкого литературного языка традиционно отмечают лишь одно (первое) значение anti-, совпадающее со значением словацкого префикса proti⁵, что уже не соответствует реальной широте семантики этого компонента на современном этапе. Процесс формирования новых лексико-семантических связей в конструкциях с данным компонентом обусловлен в первую очередь расширением его сочетаемостных возможностей. Первый этап роста словообразовательной активности ИНК anti- в словацком литературном языке был связан с увеличением числа интернационализмов, относящихся главным образом к лексике общественно-политического характера и объединенных общим значением "направленный против чего-либо", где anti- выступает в своем первом значении. Речь идет прежде всего о двух типах образований – именах существительных, и прилагательных, обозначающих различные общественно-политические течения и направления, а также связанных с ними лиц, ср.: antidemokratický, antikapitalistický, antikoloniálny, antimaterialistický, antimilitarizmus, antiklerikalizmus, antifeminizmus, antiklerikál, antifeminista, antifašista, antimilitarista и др. Позднее, с развитием ряда областей науки, первое значение компонента anti- все больше начинает проявляться в терминообразовании. Показателем все более возрастающей продуктивности этого типа в производстве новых интернациональных терминов может служить, например, область медицинской терминологии, ср.: antibakteriálny, antibiotický, antibiotikum, antidifterický, antineuragický, antipygín, antiseptický, antiseptikum, antitoxický, antitoxín, antitetanový, antikoagulačný, antiluetický, antiluetikum и др. Высокая продуктивность морфемы anti- в первом значении на современном этапе ограничена в словацком языке преимущественно этими двумя лексическими сферами – терминологической и общественно-политической, основной фонд которых складывается из лексики интернационального характера. В этом, вероятно, коренится одна из причин незначительной в количественном отношении представленности в данной семантической группе сочетаний anti- с исконными основами: ГС с anti₁- (в значении "направленный против чего-либо") составляют в среднем около 29 % от общего числа зафиксированных нами гибридов с

anti-. Однако основная причина относительно низкой сочетаемости компонента anti₁- со словацкими именами заключается, на наш взгляд, в том, что традиционно производство слов с данным значением (и прежде всего имен прилагательных) связано в словацком языке с высоко продуктивным исконным словообразовательным типом с префиксом proti-, практически совпадающим в своем доминантном значении с anti₁-, ср., например, многочисленные примеры имен прилагательных, образованных по данной модели: protichrípkový 'противогриппозный', protil'udový 'антинародный', protináboženský 'антирелигиозный', protinárodný 'антинациональный', protipokrokovú 'реакционный', protiprávny 'противозаконный', protislovánsky 'антиславянский', protištátny 'антигосударственный' и др. Вследствие синонимии исконной и интернациональной морфем дальнейшее освоение компонента anti₁- словацкой словообразовательной системой пошло не по пути развития гибридной модели "anti₁- + словацкая основа", а через развитие иноязычных конструкций с anti₁- и синонимичных образований с исконным префиксом proti-. Иными словами, стали возникать регулярные синонимические пары образований с совпадающим вторым компонентом – иноязычной (интернациональной) атрибутивной основой. В этом отношении показательны прежде всего примеры синонимических пар из области общественно-политической лексики, в меньшей степени они характерны для научно-технической терминологии. Приведем лишь некоторые из таких соотносительных параллельных образований, зафиксированных словарями словацкого языка, хотя фактическое употребление аналогичных синонимов в речи, наверняка, значительно превышает данный перечень: antialkoholický – protialkoholický, antidemokratický – protidemokratický, antidifterický – protidifterický, antifašistický – protifašistický, antihistorický, – protihistorický, antiimperialistický – protiiimperialistický, antikomunistický – protikomunistický, antimarxistický – protimarxistický, antimaterialistický – protimaterialistický, antisociálny – protisociálny, antitetanový – protitetanový и многие другие. Характерно, что в ряде случаев конкуренция морфем anti₁ и proti- может приводить как бы к двойному дублированию синонимической пары. Так, прилагательному anti-

sociálny с двумя несловацкими основами соответствует гибридное прилагательное *antispoločenský*, возникшее путем замены иноязычного второго компонента словацким (по типу полукалькирования). При этом каждому из них, в свою очередь, соответствует синоним с префиксом *proti-*, в результате чего возникает двойная цепочка из четырех производных с тем же значением "антиобщественный": *antisociálny – protisociálny, antispoločenský – protispoločenský*. В то же время следует иметь в виду, что конкурентоспособность словацкого префикса *proti-* с ИНК *anti-* ограничивается производством исключительно имен прилагательных и практически не распространяется на класс субстантивов (или субстантивированных прилагательных) с тем же значением. Связано это с тем, что в составе имен существительных префикс *proti-* несет несколько иную семантическую нагрузку, близкую к семантической функции ИНК *anti-* или *kontra-*, о чем будет сказано ниже. Таким образом, в производстве субстантивных и атрибутивных конструкций с общим доминантным значением "направленный против чего-либо" в словацком языке наблюдается следующее распределение в сочетаемости и, соответственно, степени словообразовательной активности и продуктивности интернациональной морфемы *anti-*: в рамках категории субстантивов (независимо от характера конкретизирующего дополнительного значения вновь образованного существительного) продуктивность *anti-* ограничена сочетаемостью с иноязычными (преимущественно интернациональными) основами. Потребность в производстве новых слов с данным значением, составляющих, как уже отмечалось, в основном круг общественно-политической и специальной лексики, практически полностью обеспечивается интернациональной моделью "*anti-* + ИНК". Зафиксированные нами в словацкой прессе лишь три примера гибридных субстантивов с *anti-* пока не позволяют говорить о реализованных возможностях гибридизации в рамках данного типа, ср.: *antipráca* 'антиработа' (ср.: *Je to dôkazom anti-práce komunistickéj strany, t. j. antimilitaristickej propagandy za predmníchovskej republiky*) (Slov. 1981). "Это служит доказательством "антиработы" компартии, т. е. антимилитаристской пропаганды в период домюнхенской республики",

antipracujúci 'направленный против трудящихся', *antikarvašovci* 'выступающие против Карваша'. В рамках же категории прилагательных конкурирующие морфемы *anti-* и *proti-* как бы делят между собой "сферы влияния": *anti-* сочетается прежде всего с атрибутивными интернациональными основами, а *proti-* продолжает сохранять высокую продуктивность главным образом в сочетаниях с исконными атрибутами. В то же время, как было показано, словообразовательная активность словацкого префикса, проявляющаяся также и в способности относительно свободно образовывать синонимические пары к соответствующим иноязычным коррелятам с *anti-* (типа *antisociálny – protispoločenský* и др.), способствует постепенному расширению его сочетаемости, т. е. выходу за пределы сочетаний только с иноязычными основами, что, с одной стороны, благоприятствует развитию и росту продуктивности "обратной" гибридной модели "*proti-* + ИНК (прилагательное с иноязычной основой)", а с другой, – в определенной мере тормозит освоение гибридной модели "*anti-* + словацкий компонент (прилагательное со словацкой основой)".

Следующие две группы образований разграничиваются нами в соответствии с различием двух значений *anti-* и *anti-*, которые, как уже отмечалось, нередко рассматриваются недифференцированно, в рамках единого общего значения "противоположности (антипода) или отрицания". На целесообразность предлагаемого разграничения, на наш взгляд, указывают сами примеры именных образований, ср. в словацком: *antigén* 'антиген', *antipól* 'противоположный полюс', *antikatóda* 'антикатод', *antičastica* 'античастица', и т. п., с одной стороны, и *antigomán* 'антироман', *antitalent* 'антиталант', *antidivadelný* 'антитеатральный', *antiestetizmus* 'антиэстетизм' и т. п., – с другой. В конструкциях первого типа значение компонента *anti-* не несет в себе элемента "отрицания", его функция может быть определена как "противоположность – противопоставление" объекта, названного производным словом, объекту, названному мотивирующим словом, по одному из признаков (или совокупности признаков, параметров, свойств и др.). Показательны в этом отношении характеристики значений в словарях словацкого языка к некоторым гибридам-терми-

нам: antičastica – "zrkadlový obraz elementárnej častice, s ktorou má rovnakú hmotnosť i životnosť, ale líši sa od nej opačným nábojom a opačnou orientáciou magnetického momentu vzhľadom na spin" (SCS), antihmota – "hypotetická hmota, zložená z antiátomov" (SCS), antilátka – "látka pozostávajúca z antičastíc" (SCS) и др.

В конструциях другого типа компонент anti₃- сообщает вновь образованному слову значение "противоположности – антипода". При этом существенным отличительным признаком таких новообразований является наличие в их семантике "момента" "отрицания и/или противоречия" по отношению к тому, что принято вкладывать в понятие, названное мотивирующим словом, ср. пары слов hrdina – antihrdina 'герой – антигерой', umenie – antiumenie 'искусство – антиискусство' и др. Нередко значение "противоположности – антипода" содержит в себе дополнительную негативно-оценочную окраску, ср. ГС: antikráša 'антикрасота', antihodnota 'антиценность', antivedecký 'антинаучный', antivynález 'антиоткрытие' и др. В подобных случаях значение компонента anti₃- может совпадать с семантической функцией других словообразовательных элементов, в результате чего возникают синонимические пары (или ряды) слов, например, с anti₃- и отрицательной частицей ne- (antihygienický – nehygienický), с anti₃- и первыми частями сложений со значением "мнимый, ложный" (antiumenie – pseudoumenie, antivedecký – pseudovedecký – kvázivedecký) и др. Таким образом, основным разграничительным признаком двух лексико-семантических групп слов с anti₂- и anti₃- может служить, вероятно, наличие или отсутствие в общем для обоих типов значений противоположности именно этого "момента отрицания". Если такой "момент" снят, то данное слово будет отнесено к лексико-семантической группе имен с компонентом anti₂-, и наоборот, его наличие свидетельствует о связи нового слова с семантической группой наименований с компонентом anti₃-. Иными словами, речь идет о функционировании в современном словацком языке двух обособленных структурно-семантических типов (или подтипов в рамках одного типа), различающихся характером выражаемого ими значения противоположности.

Каковы же особенности функционирования данных типов и каковы перспективы развития гибридных моделей в рамках каждого из них на современном этапе? На наш взгляд, постепенное размежевание слов с общим значением "противоположности чего-либо" с последующим оформлением их в разные структурно-семантические типы (или подтипы) явилось следствием своеобразного "разделения" функции компонента anti- в различных коммуникативных сферах: с одной стороны, в составе терминов, относящихся главным образом к областям точных наук, и в пределах общеупотребительной лексики, – с другой. Абсолютное большинство именных конструкций (имен существительных и производных от них относительных прилагательных) с компонентом anti₂- относится к специальным терминологическим сферам (физической, химической, медицинской, геологической и др.), ср. интернационализмы: antiatóm, antifóna, antifebrín, antiklinála, antitéza и др.; гибриды: antičastica, antičasticový, antihmota, antilátka, antimonovodík и др. При этом несловацкие (интернациональные) термины составляют в этой группе в среднем 17,8 % от общего числа интернационализмов с anti- (ср. относительно 78,8 % интернационализмов с anti₁-), а гибридные образования – 29,6 % от общего числа зафиксированных гибридов с anti- (т. е. столько же, сколько они насчитывают и в первом типе конструкций с anti₁-). Среди гибридных образований данного типа можно отметить единичные примеры, не относящиеся к специальным терминам, но образованные по аналогии с терминами, ср.: antimesiac 'антилуна', antipriestor 'антипространство', antisvety 'антимиры'. Чаще всего такие новообразования можно встретить в научно-популярных публицистических текстах, а также в научно-фантастической литературе, ср.: Bolo by možno zistiť, či jestvujú antisvety (Tech. pov. 1963). 'Можно было бы обнаружить, существуют ли антимиры'. Об отнесенности подобных образований ко второму, а не третьему типу свидетельствует, на наш взгляд, преобладание в их семантике не "момента отрицания", а оттенка противопоставления по совокупности признаков, свойств, что является характерным именно для терминологических наименований. Однако такие примеры, в силу их малочисленности, – скорее частный случай реализации

данного структурно-семантического типа за пределами терминологии. Минимально, в сравнении с предыдущим типом конструкций (с $anti_1$ -), в рамках данного типа представлена конкуренция $anti_2$ - с другими морфемами, в частности со словацким префиксом $proti$ -. Возможность параллельного функционирования соотносительных пар типа терминов-синонимов $antipól$ – $protipól$ 'противоположный полюс' или $antilátka$ – $protilátka$ 'антитело, антиматерия' говорит скорее о закреплённости таких парных эквивалентов только за конкретными словарными единицами, не отражающей системных связей таких сочетаний.

И наконец, третье значение компонента $anti_3$ -, в отличие от первых двух реализуется прежде всего в сфере общелитературного языка. Характерно и количественное соотношение иноязычных (интернациональных) и гибридных имен в рамках данного типа: первые составляют лишь 3,5 % от общего числа иноязычных образований с $anti$ -, в то время как гибриды – более 40 % от общего числа ГС с компонентом $anti$ -. Как уже отмечалось, формирование данного структурно-семантического типа в именном словообразовании в значительной мере связано с расширением сочетаемости компонента $anti_2$ - в значении "противоположности чего-либо" (хотя отдельные образования со значением "отрицания, антипода" известны словацкому языку с давних времен, ср. *Antikrist* и др.). Рост нетерминологических образований с $anti_3$ -, отмечаемый словацкими исследователями уже с начала 60-х годов, связан, как показывает языковой материал, прежде всего с явлением гибридизации. Устойчивость и регулярность гибридной модели с компонентом $anti_3$ -, ее активное использование в производстве слов со значением "антипода, отрицания или противоречия" проявились в росте главным образом не узуальных, а стилистически маркированных окказионализмов и слов одноразового употребления, что обусловлено в значительной мере наличием субъективного негативно-оценочного оттенка, присущего данному значению, ср.: *antihodnota* 'антиценность', *antikrása* 'антикрасота', *antimilenec* 'антилюбовник', *antiosobnost* 'антиличность', *antiumenie* 'антиискусство', *antišportovec* 'антиспортсмен', *antivnález* 'антиоткрытие', *antidrak* 'антидракон' и др. Не слу-

чайно поэтому ГС, образованные по данной модели встречаются преимущественно в художественно-публицистических текстах, в языке художественной критики и др., где они становятся ярким выразительным средством, ср.: "Musel zaplatiť desať násobok ceny spotrebenej elektriny a navyše ešte pokutu vo výške našich korún. "Antivynález" sa neuskutočnil" (NS. 1982). 'Ему пришлось заплатить в десятикратном размере за израсходованную электроэнергию и еще штраф тысячу наших крон. "Антиоткрытие" не состоялось'. "Antihodnota a antiestetizmus podobných filmov vyvolali odpor celej komisie divákov" (Film a divadlo, 1981). 'Антиценность и антиэстетизм подобных фильмов вызвали неприятие всей зрительской комиссии'. "Predstaviteľia skupiny antiumeleckých smerov v poézie..." (NS. 1982). 'Представители группы антихудожественных направлений в поэзии...' "Je zaujímavé, ako sú niektorí prekladatelia rodení antividadelne a niektorí zasa nie" (Sl. div. 1985). 'Интересно, как некоторые переводчики бывают от природы антитеатральны, а другие наоборот'. "Bol to zájazd svojím spôsobom antividadelný" (KŽ, 1964). 'Эти гастроли были по-своему антитеатральны'. "Skôb sa nám vidí, že toto obdobie možno výšiznejšie charakterizovať ako kult antiosobnosti" (KŽ. 1964). 'Скорее, как нам представляется, данный период более точно можно охарактеризовать как культ антиличности'.

Как видно из приведенных примеров, словообразовательная активность компонента $anti$ - в значении "противоположности как антипода, отрицания или противоречия" проявляется прежде всего в сочетаниях с субстантивами довольно широкого лексического диапазона (это и абстрактные существительные, и наименования лиц, и др.). Примеров сочетаний $anti_3$ - с атрибутивными основами в рамках данной семантической группы значительно меньше. Это, как правило, гибридные прилагательные, функционирующие в языке наряду с соотносительными гибридными субстантивами, ср.: *antiumenie* – *antiumecký*, *antividadlo* – *antividadelný*. Конкуренция компонента $anti_3$ - с другими словообразовательными элементами с аналогичным значением практически отсутствует: приводившиеся выше случаи соотносительных сочетаний с $anti_3$ - и с компонентами *pe*-, *pseudo*-, *kvázi*- совпадают в своей семантике лишь частично и могут рассматриваться как синонимы только с учетом их конкретного контекстуального окружения, т. к. $anti_3$ - является в сравнении с ними семантически

более емкой морфемой, значение которой не покрывается значением более "конкретных" компонентов *pe-, pseudo-, kvázi-*. То же относится и к словацкому префиксу *proti-*: единственная зафиксированная нами пара субстантивных образований (*anti-hodnota - proti-hodnota*) не может рассматриваться как синонимическое соответствие в силу узко специального значения второго слова, определяемого словарями словацкого языка как "стоимость товара, получаемого при обмене" (см., например, Словацко-русский словарь. Москва - Братислава, 1976), а не как "антиценность". Таким образом, структурно-семантический тип (или подтип) с компонентом *anti₃-* является, по сути дела, основным словообразовательным средством для производства имен (прежде всего субстантивов) с данным значением. При этом большая словообразовательная активность гибридной модели в рамках данного типа в сравнении с интернациональными словами, содержащими компонент *anti₃-*, связана, вероятно, с тем, что употребительность интернационализмов с *anti-* (не только в третьем, но и в двух первых значениях) исторически в большей степени тяготеет к сфере специальной терминологии, хотя потенциальные возможности сочетаемости морфемы *anti₃-* с иноязычными и исконными основами как в словообразовательном, так и в лексико-семантическом отношении практически равные.

Таким образом, на основании проведенного сравнительного анализа сочетаемости ИНК *anti-* с иноязычными (интернациональными) и исконными (или освоенными словацким языком) именными основами можно заключить, что наиболее активно процесс производства ГС идет в рамках третьего структурно-словообразовательного типа (или подтипа) субстантивных образований с *anti-* и реализуется прежде всего в сфере общеупотребительной лексики (главным образом в сфере окказионального словопроизводства и слов одноразового употребления), где гибридная модель "*anti₃-* + словацкий компонент" проявляет относительно высокую продуктивность. Относящиеся к этому типу ГС используются в качестве яркого средства выразительности в публицистическом, научно-популярном и художественном стилях. В двух других рассмотренных типах - субстантивных и атрибутивных конструкциях с *anti-* в первом ("направленный против чего-либо или противодействующий чему-либо") и во втором значении ("противо-

положности - противопоставления по ряду признаков, параметров или свойств") гибридные конструкции отличаются сравнительно ограниченной продуктивностью. В первом случае продуктивность компонента *anti₁-* проявляется лишь в сочетаниях с иноязычными субстантивными и атрибутивными основами. Ограничения в сочетаемости *anti₁-* с исконными прилагательными, составляющими большую часть образований этой семантической группы, обусловлены конкуренцией *anti₁-* со словацким компонентом *proti-*, проявляющим высокую продуктивность в аналогичных по значению атрибутивных префиксальных дериватах с исконными основами. Во втором типе образований (прежде всего субстантивной модели "anti₂- + ИНК", так и гибридной - "anti₂- + словацкий компонент (СЛК)" связаны в основном с преимущественным их функционированием в пределах системы терминообразования. Количественные соотношения презентации гибридных и негибридных (иноязычных) конструкций по трем типам в соответствии с разграничением трех значений компонента *anti-* отражены в следующей сводной таблице (процентные отношения для каждой семантической группы приводятся отдельно для гибридов от общего объема ГС с *anti-* и негибридов (интернационализмов) - от общего числа зафиксированных словарями словацкого языка иноязычных конструкций с *anti-*):

		"anti- + ИНК"		"anti- + СЛК"	
	Примеры	% - от общего числа интернационализмов с anti-	Примеры	% - от общего числа ГС с anti-	
<i>anti₁-</i>	antibakteriálny antifašista	78,7	antipráca antispoločenský	29,6	
<i>anti₂-</i>	antiatóm antichlór	17,8	antičasticový antihmota	29,6	
<i>anti₃-</i>	antiromán antitalent	3,5	antidivadlo antikrása antiumelecký	40,8	

В группу препозитивных ИНК с общим значением "противоположности" наряду с компонентом *anti-* входит также компонент *kontra-*, сочетаемость которого в словацком языке ограничена кругом субстантивных основ. В составе производных существительных общее категориальное значение *kontra-*, присущее данной семантической группе ИНК, конкретизируется как значение "противонаправленный, встречный или ответный по отношению к предмету, явлению, действию, названному мотивирующим именем", ср. сочетания с иноязычными существительными: *kontragevolúcia*, *kontrašpionáž*, *kontraahent* и др. Характерной особенностью функционирования данного ИНК в современном словацком языке, в отличие от многих других интернациональных препозитивных морфем и словоэлементов, является его крайне низкая (практически нулевая) представленность в сочетаниях с несловацкими основами. Число таких сочетаний (исключая, пожалуй, специальные интернациональные термины, относящиеся к музыкальной терминологии, где *kontra-* выступает в несколько ином, узко специализированном значении, ср.: *kontraalt*, *kontrabas*, *kontrafagot*, *kontrapunkt*, *kontrabasista* и др.) уступает числу гибридных образований с *kontra-*, состав которых, однако, также насчитывает лишь несколько единиц, ср.: *kontramatica* 'контргайка', *kontranávrh* 'контрпредложение', *kontrapohyb* 'контрдвижение', *kontragozvedka* 'контрразведка', *kontraútok* 'контрнаступление'. В словацком языке модель образований с *kontra-* не выходит за рамки периферийного словообразовательного средства. Этот факт объясняется тем, что в современном словацком языке общественная потребность в номинации новых понятий и производстве слов со значением "противопоставленный, встречный, ответный" практически полностью удовлетворяется посредством исконно словацкого словообразовательного типа с префиксом *proti-*, продуктивность которого, например, значительно выше продуктивности соответствующего ему в русском языке типа с компонентом *противо-*. Достаточно сравнить словацко-русские соотносительные пары типа: *protiargument* – контраргумент, *protidôvod* – контраргумент, *protikľ'uka* (тех.) – контркривошип, *protiofenziva* (воен.) – контрнаступление, *protiopatrenie* – контрмера, *protirefor-*

mácia – контрреформация, *protiúder* – контрудар, *protiprúd* (спец.) – контрток и многие другие. В ряде случаев ГС с компонентом *kontra-* функционируют параллельно со словацкими эквивалентами, ср.: *kontramatica* – *protimatica*, *kontranávrh* – *protinávrh*, *kontraútok* – *protiútok* и др. Однако высокая продуктивность и стабильность словацкой словообразовательной модели ограничивают конкурентоспособность гибридной модели с аналогичным значением. Словообразовательная активность словацкой модели с *proti-* поддерживается также и тем, что валентностные свойства префикса *proti-*, как видно из приведенных выше примеров, не ограничиваются сочетаемостью лишь с исконными субстантивами, но и распространяются на иноязычные именные основы. Устойчивость этой модели отражают и более широкие, в сравнении с конструкциями с ИНК *kontra-*, деривационные возможности субстантивов, образованных с помощью словацкой префиксальной морфемы, ср. пары: *protismer* – *protismerný*, *protišpionáž* – *protišpionážny*, *protiútok* – *protiútočiť* и др.

Таким образом, процесс освоения словацкой словообразовательной системой препозитивных ИНК с общим значением "противоположности, отрицания или противодействия" посредством гибридизации обуславливается, с одной стороны, влиянием чисто словообразовательных факторов (ограничений), а с другой, воздействием факторов коммуникативного характера, влияющих на степень распространения ГС в той или иной языковой сфере. Основным словообразовательным ограничителем, как было показано, здесь служит наличие и характер соотношенности интернациональной словообразовательной модели и соответствующего препозитивного ИНК с аналогичной словацкой моделью и повторяющимся первым словацким компонентом. Максимальное структурно-семантическое сходство конструкций, образованных по моделям различного происхождения, наблюдается прежде всего в рамках двух типов образований: в атрибутивных конструкциях с компонентами *anti-* и *proti-* в значении "направленный против чего-либо, противодействующий чему-либо" и в субстантивных образованиях с морфемами *kontra-* и *proti-* в значении "противонаправленный, встречный, ответный". В первом

случае конкуренция двух словообразовательных средств различного происхождения проявляется в распределении сочетаемости $anti_1-$ и $proti-$ в зависимости от характера последующей основы: $anti_1-$ + ИНК и $proti-$ + СЛК (коммуникативный фактор – большая употребительность интернационализмов в специальной и общественно-политической языковых сферах – предопределяет и большую степень продуктивности сочетаний $anti_1-$ с иноязычными основами), а во втором случае конкурентоспособность префикса $proti-$ в силу его высокой продуктивности привела, по сути дела, к стагнации модели с ИНК *kontra-*. В результате в обоих типах образований гибридные формы с ИНК в позиции не получили широкого развития и проявляют относительно ограниченную словообразовательную активность. В тех же случаях, где соотносительность иноязычной модели со словацкой реализована минимально (см. рассмотренный выше тип сочетаний с $anti_2-$ в значении "противопоставления по ряду признаков") или вообще отсутствует (ср. образования с $anti_3-$ в значении "антипода, отрицания или противоречия"), возможности развития гибридных моделей закономерно увеличиваются. Степень их продуктивности и регулярности в таких случаях определяется главным образом функционально-коммуникативными факторами. Так, если продуктивность сочетаний с компонентом $anti_2-$ ограничена сферой узко специальной терминологии, то основной областью реализации гибридной модели с $anti_3-$ становятся прежде всего публицистика, научно-популярный стиль, испытывающие на себе, с одной стороны, значительное влияние терминологии, но в то же время и нуждающиеся в новых самостоятельных выразительных средствах, – другой. Трудно прогнозировать, станут ли подобные ГС, учитывая их преимущественно невузальный характер, частью литературной нормы современного словацкого языка. Однако сам факт их появления и использования в речи в качестве средств, актуализирующих контекст, свидетельствует о довольно широких латентных возможностях для стабилизации и дальнейшего развития сочетаемости компонента $anti_3-$ с новыми основами.

II. ИНК с общим значением "интенсивности" ($arci-$ / $archi-$, *extra-*, *hyper-*, *super-*, *ultra-*).

Интернациональные морфемы данной семантической группы заимствовались словацким языком в разное время. Выделившись на определенном этапе из ранее неразложи-

мых иноязычных слов, они затем стали выполнять роль префиксов, заняв определенное место в системе именной префиксации заимствующего языка. Следующий этап их более глубокого освоения, хронологически совпадающий с активизацией общей тенденции к языковой интернационализации, связан с дальнейшим развитием сочетаемости возможностей этих морфем в современных условиях и активизацией у них новых (дополнительных) значений, что повлекло за собой приобретение ими и новых морфолого-грамматических свойств, присущих уже не столько префиксальным, сколько знаменательным компонентам слова. Характерно, например, что в новейших словарях современного словацкого языка морфемы *arci-*, *hyper-*, *hyper-*, *super-*, *ultra-* (а также рассмотренная выше морфема *anti-*) характеризуются как первые части сложных слов, ср. данные в VSRS, SCS и др. Следует, правда, учитывать, что развитие нового (второго) значения у того или иного ИНК необязательно приводит к стабилизации данной морфемы как нового регулярного и продуктивного словообразовательного средства, и наоборот, ослабление основного (первичного) значения еще не свидетельствует о падении словообразовательной активности этого компонента. Эти процессы можно проследить на примере функционирования каждой из названных морфем в отдельности.

Начальный этап освоения ИНК $arci-$ (*archi-*) словацким языком (как, впрочем, и другими славянскими языками) был связан с его первичным значением "главный, старший" в составе слов, обозначающих церковные или светские титулы, и производных от них, ср.: *arcibiskup* 'архиепископ' – *arcibiskupský*, *arcibiskupstvo*; *arcidiakon* 'архидьякон', *arcidiecéza* 'архиепископство' – *arcidiecézny*; *arciknieža* 'эрцгерцог' – *arcikniežací*, *arcikniežatstvo*; *archimandrit* 'архимандрит' – *archimandritský*; *archijerej* 'архиепиеи' – *arcipastier* 'архипастырь' – *arcipastierský*, *arcipastierstvo*; *arcivojvoda* 'эрцгерцог' – *arcivojvodkuňa*, *arcivojvodský*, *arcivojvodstvo* и др. В данном значении морфема $arci-$ (*archi-*) соотносится с идентичным словоэлементом словацкого происхождения *vel'*, на что указывают параллельные соответствия типа *arcikňaz* – *vel'kňaz* и др. Все приведенные примеры в настоящее время относятся к сфере книжной или устаревшей

лексики. Как показывает языковой материал, данный компонент с такой семантической функцией в слове на современном этапе практически утратил словообразовательную активность. В данном значении он выступает в узко ограниченном круге специальных терминов интернационального характера: *archityp*, *arhifonéma*, *archilekséma* и т. п., где эта морфема выступает лишь в одном фонетическом варианте *archi-*. Постепенно в словацком языке начинает возрастать число образований, где *arci-* выступает уже во втором значении – "интенсивности, или высшей степени чего-либо". К наиболее ранним из таких образований следует отнести гибридные и иноязычные слова, зафиксированные словарями словацкого языка и снабженные соответствующими пометами, типа: *arcigeakcionár* 'архиреакционер' и *arcigeakšnú* 'архиреакционный' – с пометой "экспрессивное", *arcilotor* 'архиплут' – с пометой "разговорное", *arcidielo* 'выдающееся произведение' с пометой "редкое" и др. Характерно, что все подобные примеры образований с данным компонентом во втором значении (*arci₂*) относятся прежде всего к разговорной лексике и отличаются ярко выраженной экспрессивной окраской, содержащей в себе, как правило, оттенок негативной или уничижительно-иронической оценки, ср.: *arcibugič* 'архибунтарь', *arcidatebák* 'архилентяй', *arcidiabol* 'архидьявол', *arcikasír* 'архиеретик', *arcilúpežník* 'отъявленный разбойник, грабитель', *arciprešibanec* 'редкий проныра, ловкач, хитрец', *arcizločinec* 'отпетый преступник', *arcizlodej* 'архивор', *arcivlastenec* 'архипатриот', *arcizvrhлік* 'отъявленный распутник, развратник' и др. Из 15-ти зафиксированных нами ГС с *arci₂*, пожалуй, только два примера можно отнести к "нейтральным" словам, т. е. без подчеркнута негативной оценки: *arcikvet* 'архицветок' и *arcidielo* 'выдающееся произведение'. Остальные же гибриды, как видно из примеров, в большинстве случаев являются производными от существительных, уже несущих в своей семантике "отрицательную характеристику". Посредством компонента *arci₂* эта "отрицательность" еще более усиливается, и всему слову сообщается высокая степень экспрессивности. Этот факт закономерно определяет и употребительность подобных образований в тех функциональных стилях и сферах, где возникает потреб-

ность в экспрессивных выразительных средствах. Показательны в этом отношении примеры их употребления в текстах художественной (в частности, переводной) литературы, приведенные в статье Л. Двонча: *Vteckári, svätuškári, arcidatebáci...* 'Карманники, святоши, архилентяи...' 'I mne sa ešte vysmievaš, ty arciprešibanec. 'И ты еще надо мной смеешься, ты, отъявленный проныра'. *Douglas, ktorého blížiaci sa osud vedel z podriadených arcizločincov – nejako prezradil svojho šéfa.* 'Дуглас, о чьей приближающейся участи он знал от подчиненных отпетых преступников, каким-то образом предал своего шефа'. *Tak vy sa ovažujete, vy arcizvrhлік, vy lupič, urážať ešte i sudcu?* 'Так вы, отпетый развратник, вы, бандит, еще осмеливаетесь оскорблять судью?'

Употребление этих и других ГС с компонентом *arci₂* прежде всего в художественных текстах в качестве яркого экспрессивного средства выразительности можно отнести к одной из отличительных особенностей его функционирования в сравнении с другими ИНК со значением "высшей степени чего-либо". Другое его отличие от синонимичных морфем *hyper-*, *super-*, *ultra-*, *extra-* заключается в сохраняющейся закреплённости за этим компонентом книжно-архаической окрашенности, обусловленной, вероятно, исторически более прочными связями *arci-* / *archi-* в первом значении с кругом имен, относящихся сегодня к книжной лексике. Такой книжно-архаический оттенок, сохраняющийся и в образованиях, где *arci-* выступает во втором значении, придает гибридной конструкции в целом как бы дополнительную экспрессивность, основанную на "эффекте контраста" в сочетании со стилистически нейтральным именем, и усиливает в то же время негативно-иронический оттенок в семантике нового слова. Однако, именно архаическая окрашенность морфемы *arci₂* и преобладание в ее значении "негативного" оценочного момента ограничивает ее сочетаемостные возможности в лексико-семантическом плане, что препятствует стабилизации самой гибридной модели с *arci₂* в качестве универсального средства для производства слов со значением "высшей степени проявления чего-либо". На это указывают и результаты анкетирования носителей словацкого языка*. Анкетированным, в

* Анкета-вопросник предлагалась специалистам-филологам, носителям словацкого языка.

частности предлагалось образовать сочетания с морфемами *arci-*, *hyper-*, *super-*, *ultra-*, *extra-* и соответствующими словацкими именами существительными и прилагательными, вычлененными из состава зафиксированных нами ГС с этими препозитивными компонентами. Восемь из тринадцати анкетированных признали возможным лишь одно сочетание с *arci-* (*arcilotoŕ*), только в одном ответе было отмечено сочетание *arcidatebák*, и один анкетированный признал допустимым сочетание *arci₂-* со вторым компонентом *nedosiahnuteľný* 'недостижимый', отмеченным нами в сочетании с морфемой *hyper-*. В некоторых ответах анкеты приводятся также и парные сочетания двух ИНК с одним и тем же вторым компонентом, например, *superlotoŕ* и *arci-lotoŕ* с указанием на предпочтительность первого ГС, т. е. второе признано устаревшим. Все это свидетельствует об относительно невысоких репродуктивных свойствах морфемы *arci-* в данном значении не только в составе иноязычных слов (такие сочетания практически не встречаются), но и в производстве гибридных имен, что обусловлено, как уже отмечалось, во-первых, книжно-архаической окрашенностью *arci₂-* (с учетом добавочного негативно-оценочного оттенка), и во-вторых, – преимущественной сочетаемостью данной морфемы с существительными, обозначающими лиц и содержащими в своей семантике также "отрицательную" оценку.

Следующие препозитивные ИНК (*hyper-*, *super-*, *ultra-*, *extra-*), входящие в состав рассматриваемой семантической группы морфем с общим значением "интенсивности, или высшей степени чего-либо", претерпели на пути освоения славянскими языками сходные этапы развития своего основного (первичного) значения и лексико-семантической функции в слове – от наречно-предложной в качестве префиксальных морфем до функции, близкой к функции атрибутов в составе сложений. Более наглядно эти процессы отражает следующая сводная таблица значений данных ИНК:

см. табл. на странице 139

	hyper-	super-	ultra-	extra-
ЛЗ-1	от греч. <i>hyper-</i> "сверх-, над-" например: <i>hyperzvukový</i> 'гиперзвуковой'	от лат. <i>super</i> "сверху, над" (расположенный над чем-либо) – примеров в словц. нет	от лат. <i>ultra-</i> "над, за" (находящийся за пределами чего-либо) – например: <i>ultrazvuk</i> 'ультразвук' <i>ultrafialová</i> 'ультрафиолетовый'	от лат. <i>extra-</i> "вне, сверх" примеров в словц. нет
ЛЗ-2	"слишком, чрезмерно, сверх", например: <i>hyperkriticizmus</i> 'гиперкритицизм', <i>hypersensibilita</i> 'сверхчувствительность'	"над, чрезмерно", например: <i>superinfekcia</i> 'сверхинфекция'	"крайне, чрезвычайно", например: <i>ultraformalizmus</i> 'ультраформализм', <i>ultramoderný</i> 'ультрасовременный'	"особо, особый", например: <i>extratrieda</i> 'экстракласс'
ЛЗ-3	"крайне, чрезвычайно", например: <i>hypermoderný</i> 'ультрасовременный', <i>hypernedosiahnuteľný</i> 'крайне недостижимый'	"самый, выдающийся, совпадает со значением суперлатива, ср.: <i>supermoderný</i> - <i>najmodrnejší</i> 'самый модный'		

Как видно из таблицы, на уровне второго и третьего значений данные ИНК проявляют синонимию, выражая признак "интенсивности". Это подтверждается и данными словарей словацкого языка, а также результатами проведенного нами анкетирования. Так, например, в качестве синонимических в анкете-вопроснике были названы такие пары слов: *superkvalita-extrakvalita* (в значении 'высшее, лучшее качество'), *superstroj - extrastroj* (в значении 'сверхточный станок'), *hypermoderný - extramoderný - supermoderný* (в значении 'сверхсовременный') и др. В то же время более детальное исследование сочетаемости данных ИНК показывает, что подобная взаимозаменяемость препозитивных морфем проявляется и возможна не во всех случаях, а лишь на пересечении совпадающей части выражаемого каждой из них значения "интенсивности". Иными словами в рамках этого значения у каждой из названных морфем выделяются своего рода секторы "совпадения" и "расхождения", общие для них и различающиеся, специфические семантические признаки, которые в конечном итоге, с учетом также их валентных и функционально-коммуникативных свойств, и предопределяют степень словообразовательной активности того или иного ИНК, его способность образовывать открытые ряды слов с определенным типом значения. Секторы семантического "расхождения" по сути дела и составляют ядро основного, доминантного значения, свойственного для данной морфемы. Совпадающая же часть в определенных условиях оказывается для некоторых из них как бы побочным, неосновным компонентом значения. Не менее важным фактором, обуславливающим конкурентоспособность и продуктивность той или иной морфемы являются ее функционально-коммуникативные связи с определенной языковой сферой.

Как показано в таблице, общее значение "интенсивности, или высшей степени чего-либо" в образованиях с компонентом *ultra-* реализуется либо как значение "крайне, чрезвычайно", либо как значение "сверх-, очень". От слов с *ultra-* в данном значении необходимо отличать конструкции, образованные путем семантической конденсации составных терминов с первой частью – относительным при-

лагательным *ultrafialový* (ср.: *ultražiarenie* 'ультраизлучение' от *ultrafialové žiarenie*), где морфема *ultra-*, замещающая в составе ГС прилагательное, выступает в иной лексико-семантической функции – классификатора, или предметно-относительного атрибута. Обособленную группу образований составляют и немногочисленные интернациональные термины с компонентом *ultra-*, совпадающим по значению с морфемой *mikro-* (ср.: *ultraorganizmus - mikroorganizmus* и др.).

В качестве словообразовательного средства, выражающего значение "высшей степени чего-либо", морфема *ultra-* закрепились в словацком языке прежде всего благодаря функционированию в составе общественно-политических терминов, в которых она соответствует семантике слов "крайне, чрезвычайно", ср. иноязычные и гибридные слова типа: *ultrareakčný* 'ультрареакционный', *ultraevolučný* 'ультрареволюционный', *ultrašovinizmus* 'крайний шовинизм', *ultraľavica* 'крайне левая политическая партия', *ultraľavý, ultraľavicový, ultraľavičiar sky* 'относящийся к крайне левым политическим партиям, группировкам', *ultraľavica* 'крайне правая партия', *ultraľavičiar* 'сторонник ультралевой партии', *ultraľavicový* 'относящийся к крайне правой партии' и др. Конкуренция морфемы *ultra-* в данной семантической функции с другими ИНК практически отсутствует, а ее продуктивность ограничена сочетаемостью с кругом имен, относящихся к области общественно-политической лексики. В значении "сверх-, очень" *ultra-* соотносится с аналогичным значением компонента *super-*, ср. гибридные существительные и прилагательные типа: *ultrakrátky* 'сверхкороткий', *ultraľahký* 'сверхлегкий', *ultratvrдый* 'сверхтвердый', *ultraurýchl'ivač / ultrazrýchl'ovač* 'сверхусилитель', *ultrapešiak* 'сверхфигура, или метафигура' в шахматах, которая может передвигаться по полю во всех направлениях, как пешка и др. Однако при наличии семантического тождества *ultra-* и *super-* говорить о конкуренции этих компонентов в плане их возможной взаимозаменяемости нельзя. К синонимическим конструкциям в полном смысле слова, на наш взгляд, можно отнести лишь одну пару образований – *ultramoderný - supermoderný* в значении 'ультрамодерный' или 'ультрасовременный'. Во всех остальных

случаях имеющихся соответствий необходимо видеть функциональные различия параллельных образований, их представленность в различных коммуникативных сферах. Достаточно сравнить, например, контекстуальное окружение двух соотносительных пар *ultrakrátku* – *superkrátku* и *ultral'ahký* – *superl'ahký*: *ultrakrátke vlny* 'ультракороткие волны' и словосочетание *superkrátka dĺžka* (в контексте: *Pásik, kvietok, živé farby, veľké dekolty, široké roztancované sukničky a krátke, až superkrátke dĺžky* – *to sú základné prvky súčasnej letnej módy* (Ž. 1988). 'Поясок, цветочек, живые цвета, глубокое декольте, широкие бальные юбки и короткая, даже суперкороткая длина платьев, – все это основные элементы современной летней моды'); *ultral'ahká zliatina* 'сверхлегкий сплав' и *ultral'ahké lietadlo* 'сверхлегкий самолет'. На примере таких сочетаний с *ultra-* и *super-* в значении "сверх-, очень" наглядно прослеживается распределение их по сферам функционирования, проходящее по границе терминология / общеупотребительная лексика. Таким образом, и в значении "крайне, чрезвычайно" и в общем значении "высшей степени чего-либо", характерным для всех ИНК данной группы сочетаемость и продуктивность *ultra-* ограничена определенными функционально-коммуникативными факторами. В первом случае – рамками узкого круга лексики общественно-политического характера, а во втором – преимущественным употреблением данного компонента в составе специальных (составных) терминов. В то же время нельзя полностью исключить возможность расширения сочетаемости *ultra-* в значении "интенсивности". Об этом свидетельствуют, в частности, отдельные примеры окказиональных сочетаний разговорного характера, ср. например, *ultrablbec* 'ультраглупец' из школьного сленга⁷.

Сходная ситуация наблюдается и в функционировании в словацком языке на современном этапе ИНК *huret-* в значении "высшей степени чего-либо", с той разницей, что удельный вес иноязычных (интернациональных) слов-терминов здесь значительно превышает число гибридных образований в сравнении с рассмотренными конструкциями с морфемой *ultra-*, проявляющейся в целом равную регулярность как в составе интернационализмов, так и в соче-

таниях с исконными основами. Стабилизация компонента *huret-* на словацкой почве в качестве самостоятельного словообразовательного средства с устойчивым значением также связана с его активным функционированием в терминологии, и прежде всего медицинской, где *huret-* выражает не просто "высшую степень чего-либо", но в первую очередь указывает на "превышение чего-либо по отношению к норме", образуя парные антонимические сочетания с компонентом *huro-*, ср. термины: *hypertónia*, *hypertfunkcia*, *hypertglykémia*, *hypertémia* и многие др. Крайне редко встречаются соотносительные параллельные пары слов с *huret-* и с другими ИНК данной группы, где они могли бы выступать в аналогичной семантической функции (ср.: *hyperinfekcia* – *superinfekcia*). Устойчивость этого конкретизированного значения *huret-*, выражающего "превышение нормы" и закрепившегося за данным компонентом в качестве доминирующего, в определенной степени влияет и на семантику других, неспециальных слов, в которых значение "высшей степени" сопровождается оттенком "чрезмерности", ср.: *hypernežnosť* 'чрезмерная нежность', *hypermoderný* 'слишком модный' (граничащий с плохим вкусом) и т. п. Этот семантический оттенок отличает слова с *huret-* от аналогичных образований с другими синонимичными ИНК, ср. ряд слов: *hypermoderný* – *ultramoderný* – *supermoderný*.

Элемент "нежелательной чрезмерности" в значении *huret-* может быть "снят" в некоторых образованиях, тяготеющих к терминам, где *huret-* обозначает "абсолютную, крайнюю степень чего-либо" (ср. *hyperrealizmus*, *hyperkriticismus* и др.), а также в тех случаях, когда посредством данного компонента характеризуются чисто "количественные" параметры объекта: *hyperjadro* 'сверхбольшое ядро', *hypernásobný* 'значительно, многократно превышающий что-либо' и др. Примеры гибридных образований, где бы морфема *huret-* выражала "высшую степень чего-либо", так сказать, "в чистом виде", без дополнительного оценочного оттенка крайне редки, ср. некоторые из них: *hypernedosiahnutel'ný* 'крайне, абсолютно недостижимый', *hyperzahraňníčnú* 'сверхиностранный' (ср. с синонимичным *superzahraňníčnú*) и др. Таким образом, низкая продуктивность гибридной модели с *huret-*, в отличие от модели с *ultra-*, обуслов-

лена не столько функционально-коммуникативными ограничениями, сколько привходящим значением "превышения нормы" или "чрезмерности" проявления признака, что ограничивает конкурентоспособность данного компонента, например, с морфемой *super-*, для которой доминантным в рамках общего значения "высшей степени чего-либо" является значение "сверх-, очень, самый".

Если попытаться расположить все ИНК, характеризующиеся общим значением "высшей степени чего-либо" в порядке возрастания признака интенсивности, то компонент *hyper-*, вероятно, следует поставить во главе такого иерархического ряда, именно в силу указанного семантического оттенка "чрезмерности" в его значении. Второе место в этом ряду займет компонент *ultra-*, выражающий высшую степень прежде всего как крайнюю, предельную степень интенсивности. Морфемы *super-*, *extra-*, *agci-*, характеризующие в своем значении собственно "высшую (или очень высокую) степень чего-либо" могут рассматриваться как более однородные, стоящие в иерархической последовательности на третьем месте по степени "интенсивности" проявления признака. Однако характерно то, что именно последние три ИНК в их реальном функционировании в словацком языке практически не конкурируют друг с другом. При общем совпадении выражаемой ими степени "интенсивности" абсолютное преимущество среди них имеет компонент *super-*. Специфические лексико-семантические свойства морфемы *agci-* и особенности ее функционирования в современном словацком языке, ограничивающие ее продуктивность, были рассмотрены выше. Что же касается словоэлемента *extra-*, который, кстати, характеризуется в большинстве грамматик и словарей словацкого языка как самостоятельная лексическая единица – неизменяемое имя прилагательное в значении "высший, особый, выдающийся", то несмотря на случаи его изолированного употребления в качестве атрибута к определяемому слову, реальная представленность его в таких сочетаниях крайне низка. Интересно, что в ответах анкеты-вопросника, где анкетиремым было предложено самостоятельно составить слова с ИНК данной семантической группы и соответствующим набором вторых компонентов, конструкции с

extra- приводились в качестве синонимов к ГС с другими синонимичными ИНК, ср.: *hypernedosiahnutel'ny* – *extranedosiahnutel'ny* 'крайне недостижимый', *superstroj* – *extrastroj* 'сверхточный или лучший станок', *ultradabák* – *extradabák* 'крайний лентай', *superkvalita* – *extrakvalita* 'высшее качество'. Однако подобные примеры "спонтанных" образований отражают, на наш взгляд, лишь потенциальные сочетаемостные и функциональные свойства компонента *extra-* в производстве слов данного лексического ряда, не подтверждающиеся фактами его реального функционирования в письменной речи. Нами было обнаружено лишь два примера ГС с этим компонентом (с вариантами как слитного, так и отдельного написания с определяемым существительным): *extravýrobok* 'экстраизделие', *extratrieda* / *extra trieda* 'экстракласс'. Последнее сочетание отмечено словарями словацкого языка только в варианте отдельного написания.

Таким образом, и компонент *agci-* и *extra-*, стоящие на той же ступени "интенсивности", что и *super-*, оказались за пределами средств, активно участвующих в производстве новых слов со значением "высшей меры, степени". В свою очередь, синонимичные морфемы, характеризующиеся большей степенью интенсивности (*hyper-*, *ultra-*), как уже отмечалось, при возможной в редких случаях взаимозаменяемости с компонентом *super-*, также ограничены в своем функционировании рядом указанных выше факторов. Совершенно иными репродуктивными свойствами в ряду рассмотренных ИНК обладает компонент *super-*, сочетания с которым, в том числе и гибридные, составляют в количественном отношении самый многочисленный класс новообразований данного типа (нами отмечено 53 ГС с *super-*)⁸. Думается, что такая "сверхпродуктивность" этого словообразовательного элемента в словацком языке объясняется и обеспечивается сегодня не столько фактором "моды" (хотя именно этот довод нередко выдвигается исследователями в качестве аргумента против засилья в языке иноязычных элементов), но прежде всего внутренними лексико-семантическими свойствами, присущими этому компоненту и позволяющими ему участвовать в производстве слов, относящихся к самым разным языковым сферам, от

терминологии до разговорной речи. Бесспорно, подавляющее большинство образований с *super-*, в том числе и гибридных, составляют слова окказионального и индивидуально-авторского характера. И в этом смысле вопрос о соотношении таких образований с нормой пока остается открытым. Однако именно способность данной морфемы к массовому производству "неузуальных" слов, отличающая ее от всех других ИНК с аналогичным значением, отражает объективный факт принятия определенных типов конструкций с *super-* языковым коллективом, а значит и значительную вероятность их вхождения в литературную норму.

В зависимости от степени стабилизации и регулярности компонента *super-* в различных типах образований его значение может быть более "прозрачным" или наоборот, более "завуалированным" (в последнем случае значение вновь образованного слова проясняется лишь в контексте). Анализ употребления ГС с *super-* в соответствующем контекстуальном окружении позволяет выявить спектр семантических оттенков, выражаемых этим компонентом в рамках общего значения "интенсивности" или "высшей степени чего-либо", которые можно свести в следующие основные типы значений:

1. *super-* в значении "сверх-, самый, очень" – в составе прилагательных (прежде всего качественных, где это значение соотносится со значением суперлатива). Данный тип атрибутивных образований характеризуется наибольшей стабильностью лексико-словообразовательного значения, ср. например: *supercitlivý* 'сверхчувствительный', *superčistý* 'сверх-, самый чистый', *superdôležitý* 'сверхважный', *superhlboký* 'сверх-, самый глубокий', *superhustý* 'сверхгустой', *superkrátka* 'сверхкраткий', *superľahký* 'сверхлегкий', *superpovú* 'самый новый, новейший', *supertýchly* 'сверхбыстрый', *supersladký* 'очень сладкий', *superspol'ahlivý* 'сверх-, самый надежный', *supertajný* 'сверхсекретный', *super tenký* 'сверхтонкий, тончайший', *supertvrký* 'сверхпрочный', *superzahaňpišný* 'супериностранный', *superzložitý* 'сверхсложный, сложнейший' и др.

Выступая в составе прилагательных, являющихся частью двусловного устойчивого терминологического

наименования, компонент *super-* / *supra-* может обозначать не просто "высшее", но и принципиально новое качество объекта или понятий, ср.: *superobrovský slalom* (спорт.) 'слалом-гигант', *superstudený kúpel'* (спец. техн.) 'ванна со сверхнизкими температурами' (ср. в контексте: *Ponorenie potraviny do takéhoto superstudeného kúpel'a znamená veľmi rýchle zmrazenie*⁹). 'Погружение продуктов питания в такую ванну со сверхнизкими температурами обеспечивает очень быстрое их замораживание'.), *supravodivé magnety* (спец.) 'сверхпроводимые магниты', *supratekuté materiály* (спец.) 'сверхтекучие материалы', *superťažký vodík* (спец.) 'сверхтяжелый водород' и др.

2. *super-* в значении "необычный" (превышающий по каким-то качественным или количественным параметрам обычную меру признака) – в составе имен существительных окказионального характера, ср.: *superkroj* 'необычный фасон', *supermačka* 'необыкновенная кошка', *superdrak* 'сверхдракон' и др. Приведем некоторые контекстуальные примеры с ГС данного типа, отмеченные нами в словацкой периодической печати последних лет: *Superkrižovku ľúšti celá година (Ž.)*. 'Суперкроссворд разгадывает вся семья'. (Название постоянной рубрики журнала; имеется в виду кроссворд, значительно превышающий по объему обычные кроссворды). *Mocný ako lev, hybný ako gazela, inteligentný a divý ako vlk a roztomilý ako baránok – taký bude "superpes" ako si ho predstavuje juhoafrický lekár dr. Marais. (Sv. v., 1984)*. 'Сильный как лев, грациозный как газель, умный и дикий "суперпес", как его представляет себе южноафриканский врач д-р Маре'. *Posledná snímka zobrazuje superpostel', do ktorej sa pokúša usadiť tridsaťšest' osôb. Postel' má dĺžku šesť metrov a šírku štyri metre. Na jej výrobe pracovalo 25 stolárov z Lille vo Francúzsku (Pr. 1987)*. 'На последнем снимке изображена суперкровать, на которой пытаются уместиться 36 человек. Кровать имеет длину 6 метров и ширину 4 метра. Над ее изготовлением трудились 25 столяров из французского города Лилль'.

Как видно из приведенных примеров, именно контекст позволяет выявить конкретное значение компонента *super-* в составе ГС, обнаружить, какие признаки предмета

или объекта – качественные или количественные – он выражает.

3. *super-* в значении "лучший, выдающийся" (в высшей степени проявляющий свои качества в классе подобных объектов) – в составе существительных (как относительно устойчивых, так и чисто окказиональных), ср.: *superbomba* 'атомная бомба повышенной силы действия', *supernáradie* 'инструмент наивысшего качества', *superplávec* 'лучший из пловцов', *superočítač* 'самый современный вычислительный прибор', *Superpohár* 'Суперкубок' (название одного из самых крупных соревнований по футболу), *superstroj* 'выдающийся по своим параметрам прибор', *supervel'moc* 'сверхдержава', *superzbraň* 'сверхмощное или новейшее оружие', *superlod* 'судно, превосходящее другие суда по ряду параметров', *supertrieda* 'суперкласс', *superštudent* 'лучший, выдающийся студент', *superhviezda* 'суперзвезда' (в астрономии или по отношению к выдающемуся актеру) и др. Вот некоторые из примеров контекстуального употребления ГС данного типа: *Vrak lode Titanik leží v morském hrobe* "в хибке dvoch míľ v severnom Atlantike. Zvyšky luxusnej superlode za vyše sedem desiat'ročí zakrylo bahno a usadeniny z morského dna (Pr. 1987). 'Останки корабля Титаник покоятся в морской "могиле" на глубине двух миль в северной части Атлантического океана. Остатки великолепного суперсудна более чем за семь десятилетий успели покрыться илом и отложениями со дна океана'. *Nová politika ešte ráz demonštruje obrovskú supervel'moc amerických milionárov* (NS. 1982). 'Новая политика еще раз свидетельствует о существовании гигантской сверхдержавы американских миллионеров'. *To bola naozaj supertrieda futbalového šampionátu* (Sv. soc. 1982). 'Это был поистине суперкласс футбольного чемпионата'. *Táto kniha rozpráva o záhadnej smrti superhviezdy Marylin Monroe* (Ž. 1982). 'Эта книга рассказывает о загадочной смерти суперзвезды Мэрилин Монро'. *Na výstave sú predstavené nové modely poľnohospodárskych supernáradí* (Ž. 1980). 'На выставке представлены новые модели сельскохозяйственной супертехники'.

К данному типу ГС примыкают и некоторые термины, в составе которых компонент *super-* совмещает в себе два значения – "сверх-" и "в высшей степени проявляющий

свои качества", ср.: *superzosilňovač* 'сверхусилитель', *supravodivosť* 'сверхпроводимость', *supravodič* 'сверхпроводник' и др.

Примеры субстантивных и атрибутивных ГС с *super-* во всех названных типах значений свидетельствуют о практически неограниченной сочетаемости этого компонента с самым широким кругом словацких имен. В отличие, например, от русского языка, где словообразовательная активность морфемы *super-* в значении "высшей степени чего-либо" в значительной мере "нейтрализуется" высокопродуктивным исконным словообразовательным элементом *serx-* (ср.: суперблок, супербоевик, супермагистраль, суперсложный, супербуржуазный, супергазопровод и сверхоружие, сверхсложность, сверхзона, сверхкосмонавт, сверхпродуктивный, сверхученый и др.¹⁰), в словацком языке практически все словообразовательные средства исконного происхождения либо уступают компоненту *super-* по продуктивности в производстве слов с данным значением, либо не покрывают полностью это значение "высшей степени чего-либо", являясь менее емкими по своей лексико-семантической функции в слове. Так, например, продуктивность словацкой префиксальной морфемы *pad-* в значении "сверх-" ограничена производством существительных, обозначающих превосходство объекта, предмета, названного мотивирующим словом, исключительно по количественным параметрам, ср.: *padplán* 'сверхплан', *padprodukcia* 'сверхплановая продукция', *padvýroba* 'перепроизводство'. Сочетаемость префикса *prí-* с атрибутивными основами ограничена его более узким значением "чрезмерный, избыточный" (*prível'ký* 'слишком большой'). Субстантивный тип с префиксом *pre-* также не может конкурировать с *super-* в силу своей низкой продуктивности (*presila* 'перевес, превосходство в силе'). Другие языковые средства, посредством которых в словацком языке может выражаться значение "высшей степени чего-либо" (например, соотносимые с *super-* слова *vel'mi-*, *vel'* 'очень', *miroriadne* 'чрезвычайно' и др., входящие в состав словосочетаний с определяемым именем) уступают однословным конструкциям с *super-* как менее экономичные. Иными словами, развитие значения морфемы *super-* и расширение ее сочетаемостных возможностей привело к выделению данного словообразо-

вательного элемента из ряда аналогичных (как исконных, так и интернациональных), к сокращению, так сказать, кода морфем с аналогичным значением. В некоторых случаях, как было показано выше, это связано с лексико-семантическими различиями аналогичных ИНК (arcі₂-, hyper₂-), в других – с разграничениями в распределении по функциональным языковым сферам (например, преимущественное употребление морфемы ultra₂- в терминологической лексике). Все эти факторы способствовали оформлению, стабилизации и росту продуктивности гибридных моделей именно с компонентом super-, оказавшимся наиболее универсальным средством, выражающим значение "высшей степени чего-либо". Следует, правда, еще раз подчеркнуть, что в большинстве случаев функционирование и реализация данной гибридной модели в значительной степени обеспечивается не общественной потребностью в номинации новых явлений, объектов, понятий и др., а задачей актуализировать контекст, в котором употребляются ГС с super-. Не случайно, в отдельных примерах использование морфемы super- в составе слова продиктовано исключительно целью придать ему более экспрессивный характер, ср., например, окказиональное superminiátúr-пу 'сверхминиатюрный', где значение мотивирующего прилагательного, выражающего "высшую степень качества" (малого размера) усиливается посредством своего рода тавтологии за счет компонента super-; или аналогичное по экспрессивной окрашенности словосочетание с однокоренными определяющим и определяемым словами supertajné tajomstvo 'сверхсекретная тайна'. Интересный пример многократного усиления значения интенсивности представляет собой окказиональное образование super – hyper – nadarcidielo, ср.: Robíme nový film! Super – hyper – nadarcidielo! (Ž. 1982) 'Мы снимаем новый фильм! Супер – гипер – сверхархипроизведение!'

Подводя итог рассмотрению функционально-семантических свойств препозитивных ИНК с общим значением "интенсивности", можно продемонстрировать их основные сходства и расхождения, расположив эти компоненты на условной "оси координат": на горизонтальной оси (от минуса к плюсу) по наличию или отсутствию в их семан-

тике "негативного" оттенка и на вертикальной – по степени интенсивности:

превышение степени основного качества		
"крайне", "чрезмерно"	"сверх, очень"	
– ultra-, hyper-	ultra-, hyper-, super-	+
высшая степень признака		
"самый" (худший)	"самый" (выдающийся)	
arcі-	super- (hyper-, ultra-, extra-)	

Делению по вертикали в целом соответствует и распределение ИНК по функциональным языковым сферам: значение "превышения степени основного признака (или нормы)", как правило, реализуется в области терминологии (наибольшую продуктивность здесь проявляют компоненты hyper- и ultra-, по числу терминологических гибридных образований им уступает компонент super-), а значение "высшей степени чего-либо", "очень", "самый" в большей мере проявляется в лексике общеупотребительного характера. В свою очередь, регулярность ИНК в составе гибридных терминов убывает в следующем порядке: hyper-, ultra-, super-, arcі-, extra- (последние две морфемы вообще не участвуют в производстве терминов). Эта зависимость (исключая компонент extra- с практически нулевой продуктивностью) отражается и на активности данных ИНК в нетерминологических сферах: чем выше продуктивность компонента в производстве терминов, тем она меньше в нетерминологической сфере (так, термины с hyper-, включая иноязычные, составляют абсолютное большинство от общего числа образований с hyper-, а с компонентом super- – всего 16 % от общего числа ГС с super-).

Таким образом, основным словообразовательным средством интернационального характера, служащим для производства новых слов с общим значением "интенсивности" в неспециальных языковых сферах (в художественно-публицистическом стиле, в разговорной речи и др.) в современном словацком языке следует признать super-,

продуктивность которого проявляется прежде всего в тех ГС, где он выступает в своем доминантном значении "сверх-, очень" (в составе прилагательных) и "самый, выдающийся" (в составе существительных). Столь активный рост продуктивности данного компонента в образованиях, относящихся к самым различным пластам лексики, можно объяснить, вероятно, и тем, что в хронологическом плане его восприятие словообразовательной системой словацкого языка – явление более позднее в сравнении с другими рассмотренными ИНК, освоение которых относится к более раннему периоду и было связано со строго определенным, ограниченным кругом лексики (hyper- и ultra- – с терминологией, arci- / archi- – с номинацией церковных и светских титулов, носящих сегодня книжно-устаревший характер). При освоении же морфемы super-, вычленившейся из состава неспециальных иноязычных слов типа англ. superman, superstar, подобных ограничений лексико-коммуникативного плана не было. Определяющими здесь оказались внутренние лексико-семантические и собственно структурные возможности данного словообразовательного элемента, а также комплекс внеязыковых факторов, которые стимулировали на определенном историческом этапе активное производство и воспроизводство слов по определенным интернациональным моделям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно см. об этом в статье: Смирнов Л. Н. Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. – М., 1988. С. 19–37.
2. Mejstřík V. Tzv. hybridní složeniny a jejich stylová platnost // Naše řeč Praha. 1965. Čís. I. S. 4.
3. См.: Смирнов Л. Н., Стрекалова З. Н. К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литературных языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987. С. 192–198.
4. Buttler D. Innowacie leksykalne we współczesnej polszczyźnie i sąsiednich językach słowiańskich // Poradnik językowy. 1984. Z. 2. S. 59.
5. См.: Slovník slovenského jazyka. 1–6. Bratislava, 1959–1968; Vel'ký slovensko-ruský slovník. I. diel. Bratislava, 1979.
6. Dvonč L. K hybridným slovám v spisovnej slovenčine // Československý terminologický časopis. Bratislava. 1964. Čís. 3. S. 161–162, 164.

7. Malíková M. O. Grécko-latinské kvantitatívne morfémy v zložených slovách (na materiále slovenčiny a ruštiny) // Slavica Slovaca. Bratislava. 1983. Čís. I. S. 43.

8. Высокая продуктивность гибридных слов с элементом super- в словацком языке новейшего времени уже отмечалась исследователями, см.: Смирнов Л. Н., Стрекалова З. Н. Указ. соч. С. 194–195, а также : Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 33.

9. Пример взят из статьи Л. Двонча.

10. Новое в русской лексике. Словарные материалы -82, -83. – М., 1986.

ИСТОЧНИКИ

KŽ	– Kultúrny život. Bratislava.
NS	– Nové slovo. Bratislava.
Pr.	– Pravda. Bratislava.
Sl. div.	– Slovenské divadlo. Bratislava.
Slov.	– Slovensko. Bratislava.
SCS	– M. Ivanová-Šalingová, Z. Maníková. Slovník cudzích slov. Bratislava. 1979.
Sv. soc.	– Svet socializmu. Bratislava.
Sv. vedy	– Svet vedy. Bratislava.
Tech. nov.	– Technické noviny. Bratislava.
VSRS	– Vel'ký slovensko-ruský slovník. I. diel. Bratislava. 1979.
Ž	– Život. Bratislava.

НАЧИНАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ
В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

При сопоставлении языков в основном различают сравнительно-историческое, сравнительно-сопоставительное (синхронно-сопоставительное) и типологическое изучение языков. Различие между традиционным сравнительно-историческим методом и сравнительно-сопоставительным или конфронтационным методом состоит прежде всего в разграничении диахронного подхода к изучению языков и синхронного, а также в том, что первый из них служит для сравнения родственных языков, в то время как второй распространяется и на неродственные языки. Сравнительно-сопоставительное изучение языков подготавливает материал для типологической оценки, его результаты, особенно когда оно охватывает большое число разных языков, находят применение в типологических обобщениях.

Предпосылкой сравнительно-сопоставительного изучения языков является систематическое исследование и описание разных уровней каждого из сравниваемых языков. Систематическое описание отдельных языков закономерно соотносится и связывается с описанием других языков и становится межязыковым. Эти явления рассматривает Й. Филипец, который одновременно подчеркивает актуальность конфронтационного изучения языков в связи с развитием общества¹.

В рамках сопоставительного языкознания в настоящее время выделяется несколько направлений. В. Барнет различает: 1) сравнительно-историческое языкознание; 2) ареальную лингвистику; 3) лингвистическую типологию; 4) лингвистику перевода и 5) сравнительно-сопоставительную (конфронтационную) лингвистику². Все эти разновидности сопоставительного языкознания приведенный автор правомерно соотносит с методом сравнения, связанным с понятием "tertium comparationis" и "эквивалентность"³.

Обращаясь к сравнительно-сопоставительной лексикологии, мы приходим к выводу, что принципы, признанные в

сравнительно-сопоставительном языкознании в целом, действительны и в области лексикологии. Й. Филипец выделяет общие положения для конфронтационной лексикологии, это: 1) параллельность описания сравниваемых языков; 2) общий метаязык как основа сравнения (*tertium comparationis*); 3) теория эквивалентности; 4) модели отдельных субсистем и их типология и 5) пропорциональные характеристики противостоящих комплексов в лексическом составе⁴.

Далее мы остановимся на теоретическом осмыслении вышеуказанных второго и третьего положений и попытаемся показать их конкретную реализацию при сопоставлении определенных лексических групп и единиц.

Основное положение при сравнительно-сопоставительном изучении языков представляет собой известный факт, что сегментирование окружающей нас действительности и выражение этих явлений языковыми средствами в отдельных языках не одинаково. В некоторых случаях одни языковые категории выражаются другими, например, грамматические лексическими, в других – перекрываются разные планы языка. Существуют и такие случаи, когда некоторые явления в одном языке выступают как системные, а в другом как функциональные; таким образом может происходить взаимное перекрещивание системных и функциональных явлений.

"Tertium comparationis" как логико-семантическая категория плана содержания является в метаязыке выражением сущности сравнения определенных языков в плане выражения. Благодаря установлению "tertium comparationis" появляется возможность раскрытия его реализации в сопоставляемых языках. Этому понятию уделял внимание также Я. Горецкий, который указывал на его соотношение с понятием глубинной структуры⁵.

Для наглядности приведем пример. В качестве *tertium comparationis* возьмем "значение начала действия", т. е. "инхоативность и ингрессивность действия"; сопоставляемыми языками будут русский и словацкий.

Инхоативность и ингрессивность глагольного действия представляют собою способы действия, которые включаются в семантическое поле темпоральности действия⁶. При

определении характеризованных способов действия мы присоединяемся к мнению И. С. Авиловой, которая считает способы действия характеризованными уже по тому признаку, что они имеют формально выраженную модификацию значения действия, обозначенного простым глаголом⁷.

СД (способ действия), обозначающий начало действия, начинательный СД дифференцируется в зависимости от того, идет ли речь о начале длительного действия, резком начале действия или начале интенсивного действия. Обычно выделяются инхоативность и ингрессивность действия⁸. А. Н. Тихонов различает инхоативный СД в глаголах типа *закричать, запеть, возненавидеть* и ингрессивный СД в глаголах типа *побежать, полететь*⁹. "Грамматика современного русского литературного языка"¹⁰, которая устанавливает способы действия в зависимости от протекания действия во времени, достижения результата, интенсивности, кратности и меры, расчленяет эти группировки на формально выраженные при помощи префиксации и суффиксации и на формально не выраженные. В составе первой группы приводится и начинательный СД, который далее не расчленяется. Глаголы начинательного СД образуются от непереходных глаголов при помощи приставки *за-* (*заиграть, запеть, забегать*), *по-* (*пойти, подуть*), *воз-* (*возненавидеть, возрадоваться*), *вз-* (*вскричать, вскипеть*). "Русская грамматика" выделяет начинательный СД в рамках фазисных способов действия, выраженных инхоативными глаголами (*загреметь; заахаться*) и ингрессивными (*полететь*)¹¹.

Мы подразделяем начинательный СД на а) инхоативный (с выделением интенсивно-инхоативной и инхоативно-эволютивной разновидностей) и б) ингрессивный¹².

Инхоативный СД характеризуется в русском языке главным образом приставкой *за-* в соединении с разнонаправленными непереходными глаголами движения, например: *забегать, залетать, заходить*, и с другими глаголами, обозначающими движение, например: *задвигаться, запрыгать, заплясать*.

Кроме глаголов движения приведенного типа, приставка *за-* образует инхоативный СД в соединении с глаголами, обозначающими звуки, например: *завопить, завывать, заговорить, запеть; залаять, загоготать, зачирикать; заап-*

лодировать, загреметь, захлопать; далее – зрительное восприятие, например: *забелеть, зазеленеть, засверкать, засиять*; психические состояния, например: *забеспокоиться, загрузить* и физиологические состояния, например: *заболеть, задремать, захворать*.

Интенсивно-инхоативный СД характеризуется приставкой *вз-* в глаголах типа *взречь, взвыть, взволноваться*.

Инхоативно-эволютивный СД характеризуется приставкой *раз-/рас-* в глаголах типа *разбежаться, разлететься, разойтись и разговориться, расплакаться, разреветься, расхотаться*.

Ингрессивный СД четко характеризуется приставкой *по-* в соединении с однонаправленными глаголами движения, например: *побежать, поехать, пойти, полететь, поплыть и повезти, повести, погнать, понести*.

В словацком языке инхоативность и ингрессивность выражается не приставкой, а лексическими средствами, например: *začat' bežat', pustit' sa bežat', pustit' sa do behu, dat' sa do behu; začat' sa hýbat' al. pohybovat', začat' skákat', začat' tancovat', pustit' sa do tanca* и т. п.

Интенсивно-инхоативный СД характеризуется также приставкой *vz-*, например: *vzblknut', vzkypiet', vzmôct' sa, vzmužit' sa, vzňat' sa, vznietit' sa, vzplanút', vzrušit' sa* и *z-/s-* (этимологически относящиеся к *vz-*), например: *zblčat', zblknut', zdvihnúť, zježit' sa; schumelit' sa, schytit' sa, spenit' sa, splašit' sa* и т. п.

Инхоативно-эволютивный СД выражается приставкой *roz-*, например: *rozbehnút' sa, rozletiet' sa, rozíst' sa, rozhovorit' sa, rozplakat' sa, rozosmiat' sa, rozgevat' sa*.

Анализ инхоативного и ингрессивного СД (и их разновидностей) в русском и словацком языках указывает на определенные особенности в каждом из этих языков, а их сопоставление – на сходство и различия между ними.

Полное сходство наблюдается в области инхоативно-эволютивного СД (русс. *раз-/рас-* и словац. *roz-* в этом значении вполне совпадают). Совпадение обнаруживается также в области интенсивно-инхоативного СД (значения русск. *вз-* и словац. *vz-* и *z-/s-* также совпадают, хотя употребляемость приставки *вз-* в русском языке более широкая).

Значительные расхождения между русским и словацким языками существуют в способах выражения инхоативного и ингрессивного СД. В русском языке первый из них выражается приставкой *за-*, второй – приставкой *по-*, в то время как в словацком языке оба способа выражаются лексическими средствами.

Подобные наблюдения обнаруживаются при сравнительно-сопоставительном изучении данной проблематики.

Результаты реализации заданного *tertium comparationis* взаимно сопоставимы. Они имеют конкретное проявление при определении эквивалентов отдельных глагольных лексем, входящих в состав изучаемых СД. Это важно для двуязычной лексикографии, а также для практики межъязыкового перевода.

Определение эквивалентов лексем одного языка в другом языке мы называем методом эквивалентации. При подборе эквивалентов единиц лексического состава одного языка в другом языке следует учитывать, что явления и предметы объективной действительности как денотаты могут иметь в разных языках сходные и различающиеся наименования. Группировка семантических компонентов, т. е. сем, в рамках семем и их реализация при помощи отдельных лексем не зависит от отношения к внеязыковой действительности и может быть в разных языках неодинаковой: "... в разных языках организация содержательной и формальной стороны не одинакова"¹³.

При исследовании значения слова как основной единицы лексической системы языка и при сопоставительном изучении лексических единиц мы присоединяемся к мнению А. А. Уфимцевой, что "самой общей и в определенном смысле универсальной чертой словесного значения как категории конкретного языка является его идиоматичность и неповторимая индивидуальность" и также, что "значения слов возникают, закрепляются и функционируют лишь в конкретных микросистемах и рядах слов, будучи оформлены соответственно звуковым и грамматическим строем данного языка"¹⁴.

Метод эквивалентации при изучении лексики двух языков применяется главным образом в двуязычной лексикографии, целью которой является установить полно-

ценную замену отдельных лексических единиц в разных сочетаниях и устойчивых словосочетаний, лексикализованных и фразеологических единиц одного языка в другом языке. Это значит, что эквивалентом лексемы исходного языка является соответствующая лексема целевого языка, которая средствами выражения этого языка передает семантическое содержание – семеме как совокупность сем, образующих компоненты плана содержания исходного языка¹⁵. При эквивалентации следует принимать во внимание то, что конкретные значения реализуются в разных контекстах, которые в свою очередь являются исходными точками и для определения эквивалента.

На основе лексикографической практики мы выделяем типы симметрической, симметрическо-асимметрической и асимметрической эквивалентности¹⁶.

В качестве примеров приведем словацкие эквиваленты русских инхоативных и ингрессивных глаголов. При этом обнаруживаются все виды эквивалентности:

1. Симметрическая эквивалентность проявляется в рамках инхоативно-эволютивного СД. При этом выделяются две группы:

а) Первую группу составляют глаголы, образованные соединением приставки *раз-/рас-* с однонаправленными глаголами движения и частицей *-ся*:

разбежаться ... rozbehnúť sa: он разбежался и прыгнул *rozbehol sa a skočil*;

разлететься ... rozletieť sa: сани разлетелись с горы *sánky sa rozleteli dolu kopcom*;

разойтись ... rozbehnúť sa; *набрать rýchlost'*

Например: Сама (лошадь) разбежалась ... уж как разбежится, так никакими средствами ее не остановишь (Чехов). *Sám sa (kôň) rozbehol ... A keď sa rozbehne, nijako ho nezastavíš.*

б) Вторую группу образуют глаголы с приставкой *раз-/рас-* и частицей *-ся*, обозначающие главным образом звуки и эмоциональные состояния, например:

разбушеваться ... 1. (o prírodných živloch) rozbúrit' sa, *rozzúrit'* sa, *rozbesniet'* sa: ветер разбушевался *vietor sa rozbesnel*; море разбушевало *more sa rozzúril*; 2. *pren. hovor. rozzúrit'* sa, *rozbesniet'* sa: пьяный разбушевался *opitý sa rozzúril*;

разговориться ... dat' sa al. pustit' sa do rozhovoru al. do reči, začat' sa rozprávat' al. zhovárat': они разговорились (между собой) dali sa do reči, začali sa zhovárat'; 2. rozhovorit' sa, stat' sa zhovorčivým;

расплакаться ... rozplakat' sa, pustit' sa do (usedavého) plaču; рассмеяться ... rozosmiať sa, dat' sa al. pustit' sa do smiechu; Например: От радости мать расцеловала дочь и расплакалась (Кожеников). Matka od radosti vybozkávala dcéru a rozplakala sa.

II. Симметрическо-асимметрическая эквивалентность обнаруживается в рамках интенсивно-инхоативного СД, характеризованного приставкой *вз-* в русском языке. Приведем словацкие эквиваленты:

взречь ... 1. zarevat' aj pren.; 2. (o vetre) zavyt', zaskučat'; взвить ... 1. zavut'; 2. hovor. zabadákat', začat' bedákat'; взволноваться ... 1. (o vode, mori) zvlnit' sa, rozbúrit' sa; 2. pren. vzrušit' sa, znepokojit' sa;

вскипеть ... 1. zovriet', začat' vriet': вода вскипела voda zovrela; самовар вскипел v samovate zovrela voda; 2. pren. vzkuriet', vubuchnúť: вскипеть гневом vzkuriet' hnevom;

взгрустнуть ... zažalít', príst' l'úto: ни с того ни с чего взгрустнет odrazu mu príde l'úto;

взгрезить ... zahrmiet', začat' silno hrmieť.

Например: В ночь погода зашумела. Взволновалась река (Пушкин). ... Rozbúrila sa rieka. Тут звук, более страшный, чем при падении отцовского дома, взгрезил над головой, обрушился на Никиту (Леонов). Odrazu zvuk, strašnejší ako pri rúcaní sa otcovského domu, zhrmel Nikitovi nad hlavou a zosypal sa naňho.

III. Асимметрическая эквивалентность занимает значительное место в рамках инхоативного СД и во всей полноте представлена в рамках ингрессивного СД.

1. К глаголам, обозначающим инхоативный СД в русском языке, принадлежат разнообразные глаголы, образующие группы, о которых мы уже говорили выше. Здесь мы приведем их словацкие эквиваленты и примеры употребления.

а) Приставка *за-* в соединении с одно- и разнонаправленными глаголами движения:

забегать ... začat' behat' al. pobehovat': все забегали при приближении поезда Všetci začali pobehovat', keď sa vlak približoval;

заездить ... začat' chodit'; začat' premávat': трамваи заездили električky začali chodit' al. premávat';

залетать ... začat' lietat', pustit' sa letiet': голубь залетал holub sa pustil letiet';

заползть ... začat' liezt', začat' sa plazit': ребенок заползал dieťa začalo lozit'

заходить ... začat' chodit': он заходил по комнате začal chodit' po izbe.

Например: Как вдруг кто-то над головами у нас и заходил (Тургенев). Keď odrazu ktosi začal aj chodit' nad našimi hlavami. Нетопыри залетали сильнее вниз и вверх, взад и вперед (Гоголь). Netopiere začali prudšie lietat' hore a dolu, dozadu a dopredu.

б) Приставка *за-* в соединении с глаголами, обозначающими движение (кроме одно- и разноправленных):

задвигаться ... začat' sa hýbat', začat' sa pohybovat'; pohnúť sa; толпа задвигалась zástup sa pohol;

заплясать ... pustit' sa do tanca, začat' tancovat', roztancovat' sa; все заплясали všetci sa pustili do tanca;

запрыгать ... začat' skákat': запрыгать от радости začat' skákat' od radosti;

заскакать ... začat' skákat': лошадь заскакала kôň začal skákat'; заскакать от радости začat' skákat' od radosti;

зашагать ... vukročiť, dat' sa al. začat' kráčať: зашагать быстрее vukročiť rýchlejšie, začat' kráčať rýchlejšie; я зашагал во всю мочь vukročil som al. začal som kráčať, čo mi sily stačili.

Например: Зашагала Дуняшка через бугор от солнышка, ползущего из-за кургана (Шолохов). Duňatka sa dala kráčať al. vukročila hore pahorkami, chrbrtom k slnku vychádzajúcemu sproza korca. Конь под атаманом заплясал, ... (Шолохов). Kôň pod atamanom začal tancovat'...

в) Приставка *за-* в соединении с глаголами, обозначающими звуки:

заговорить ... začat' hovorit', začat' rozprávat'; ребенок скоро заговорит dieťa čoskoro začne rozprávat'; все разом заговорили všetci začali naraz hovorit';

завопить ... začat' vreštat', začat' jačať;

заахать ... začat' vzdychat', začat' achkat' al. jojkat';

закашлять ... začat' kašlat'; zakašlat';

захохотать ... začat' sa rehotat', hlasne sa rozosmiať;

завыть ... začat' zavýjat', začat' skučať: на дворе завyla собака vonku začal zavýjat' pes;

заворчать ... začat' vrčať; собака заворчала pes začal vrčať;

залаять ... začat' brechat', začat' štekat', začat' havkat', pustit' sa do brechotu: собаки залаяли psy začali brechat';
забушевать ... (o prírodných živloch) začat' burácat', začat' hučať: ветер забушевал vietor začal burácat';
заплодировать ... začat' tliekať: весь зал заплодировал celý sál začal tliekať;

забарабанить ... začat' bubnovat': он забарабанил пальцами по столу začal bubnovat' prstami po stole.

Например: Сам Павел Петрович почувствовал, что сострил неудачно, и заговорил о хозяйстве... (Тургенев). Aj Pavel Petrovič si uvedomil, že to nebol práve najlepší žart a začal rozprávať o hospodárstve... – Вася, скажи, – заговорила Надя... (А. Толстой). Vasia, povedz mi, – začala Naďa... В октябре кончились прекрасные слова, заговорила винтовка (А. Толстой). V októbri nastal koniec krásnym slovám a prišli k slovu pušky. И вдруг ветер поднялся, и завyli собаки, заревели коровы, закричали дети (Солнцев). Odrazu sa vzbúrili vietor a začali zavýjať psy, bučať kravu a plakať deti. То гам, то тут затюкали топоры, запели пилы, застучали молотки (Антонов). Hneď tam, hneď tu začali t'ukať sekery, sprievať píly, búchať kladivá.

г) Приставка за- в соединении с глаголами, обозначающими психическое или физиологическое состояние:

загоревать ... začat' žialit', začat' smútiť;

забеспокоиться ... začat' sa znepokojoval', začat' mat' obavy: я уже забеспокоился об этом už som začal mat' o to obavy;

занервничать ... začat' byť nervózny; znervózniť;

затосковать ... začat' smútiť al. žialit', rozžialit' sa, rozsmútiť sa;

заболеть ... 1. začat' bolieť, rozbolieť: у меня заболела голова začala ma bolieť hlava; не читай в темноте, глаза заболят nečítaj v tme, budú t'a bolieť oči; 2. ochorieť, onezdravieť: мальчик заболел chlapец ochorel; а также определенную деятельность:

загореться ... 1. začat' horieť, zapáliť sa, chytiť sa: дом загорелся dom sa zapálil al. chytil; 2. pren. zahorieť, vzbĺknúť, vzplanúť: загореться любовью zahorieť al. vzplanúť láskou; загореть злобой vzbĺknúť hnevom.

Например: Кыйшик забеспокоился: нет ли дерзости в таких словах? (Бородин). Kujšik sa znepokojil: ba či nie sú bezoživé také reči? Серафима сначала задремала, потом крепко заснула (Бобор). Serafína najprv začala driemat' a potom tuho

zaspala. Только сейчас заинтересовался, глядя на эти картины (Симонов). Len teraz sa začal o to zaujímať, keď pozeral na tie obrazy.

2. Ингрессивный СД, характеризованный в русском языке приставкой по- в соединении с однонаправленными глаголами движения, не имеет в словацком языке глагольной эквивалентности. Здесь наблюдаются резкие расхождения между русским и словацким языками. В словацком языке нет глаголов с приставкой ро- типа *robežať, *poletiť, *poniesť, *poviezť. Существуют только формы будущего времени типа obežím, pôjdem, poletím, ponesiem, povediem и повелительного наклонения типа obež, polet'. Словацкие формы типа poletím, ponesiem (чешские poletím, ponesu) являются формами будущего времени несовершенного вида, в то время как русские формы полечу, понесу – приставочные глаголы совершенного вида, обозначающие ингрессивный СД¹⁷. Это существенное отличие объясняется исторически утратой лексико-семантического значения приставки ро- в словацком (и чешском) языках¹⁸.

Укажем следующие словарные эквиваленты (большей частью из "Большого русско-словацкого словаря"¹⁹): побежать ... 1. pustit' sa al. dat' sa do behu al. bežať; rozbehnúť sa: дети побежали навстречу матери deti sa rozbehli oproti matke; мальчик побежал к реке chlapец sa pustil bežať k rieke; 2. dat' sa na útek неприятель в панике побежал nepriateľ, sa dal panicky na útek; другие значения переносные или ограниченные; приведем еще 8-ое: začat' tiecť, začat' sa liať: стог побежали ручьи z hôr začali tiecť potôčiky; слезы побежали по ее лицу slzy jej začali tiecť po tvári и 9-ое (о времени): začat' letieť, začat' ubiehať al. plynúť: жизнь побежала обычной колеей život začal plynúť al. ísť vo svojich kol'ajách; пойти ... pustit' sa al. dat' sa ísť, robrat' sa: пойти пешком pustit' sa peso; он попрощался и пошел домой rozlúčil sa a robral sa al. išiel domov; он пошел полем pustil sa al. dal sa poľom; пойти по пути технического прогресса dat' sa al. pustit' sa cestou technického pokroku; полететь ... 1. pustit' sa al. dat' sa letieť; vzlietnuť: птица взмахнула крыльями и полетела vták zamával krídlami a dal sa letieť al. vzlietol; ворона полетела в лес vrana sa pustila letieť do lesa al. odletela do lesa; 2. začat' lietat': камни полетели со всех сторон kamene začali lietat' zo všetkých strán; ...

7. разг. (о времени) začat' letiet', bežat', utekat': полетели дни за днями dni začali letiet' al. ubiehat' jeden za druhým; теперь время полетит быстро teraz čas pobeží al. poletí rýchlo; понести... dat' sa niest' niečo, íst' s niečím; zaniest': мать понесла ребенка домой matka išla s dieťaťom na rukách domov, matka zaniela dieťa domov; больного на носилках понесли в палату s chorým na nosidlách zamierili do izby, chorého na nosidlách niesli do izby.

Приведенные словацкие эквиваленты показывают, что русские глаголы с приставкой *po-* в ингрессивном значении не переводимы словацкими глаголами с приставкой *po-*. Проиллюстрируем это еще на примерах из литературы: Сын учителя побежал к отцу в школу, ... (Симонов). Učiteľ'ov syn sa dal bežat' k otcovi do školy, ... Утром он предоставил лошадку, и капитан поехал в село (Симонов). Ráno priviedol koníka a kapitán sa pustil al. išiel do dediny. – Ксения сорвалась с места и побежала к двери (Симонов). Xénia vyskočila z miesta a dala sa bežat' al. rozbehla sa k dverám.

В заключение заметим, что путем анализа мы стремились показать, как в двух (или нескольких) языках, в нашем случае в русском и словацком, эквивалентные или не эквивалентные явления обнаруживаются с помощью приемов сравнительно-сопоставительного (конфронтационного) метода. При этом обнаруживаются совпадения или несовпадения содержательной стороны определенных явлений как реализации заданного *tertium comparationis* в плане выражения. В результате сравнительно-сопоставительного исследования выявляется возможность определять соответствующие эквиваленты лексем исходного языка в целевом языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Filipec J. Problematika konfrontace v lexikální zásobě // Slovo a slovesnost, 46, 1985. S. 202.
2. Batnet V. K problému ekvivalence při srovnávání // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby II. Praha, 1983 a. S. 10.
3. Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Ред. А. Г. Широкова и Вл. Грабье. М., 1983. С. 10.
4. Filipec J. Problematika konfrontace... S. 206.

5. Horecký J. Ku konfrontačnému výskumu slovej zásoby // Československá rusistika, 19, 1974. S. 56.

6. Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. Bratislava, 1980. S. 78.

7. Авилова И. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976. С. 270.

8. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947. С. 519.

9. Тихонов А. Н. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке // Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои. Самарканд, 1959. С. 43.

10. Грамматика современного русского литературного языка. Ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970. С. 346–347.

11. Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. Русская грамматика. Praha, 1979. С. 246.

12. Sekaninová E. Vyjadrenie inchoatívности a ingresivnosti deja v ruštine a slovenčine // Československá rusistika 26, 1981. S. 2.

13. Horecký J., Blanár V., Sekaninová E. Obsah a forma ako organizujúce princípy slovej zásoby. // Obsah a forma v slovej zásobe. Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 16.

14. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986. С. 15.

15. Sekaninová E. Výzham lexikálnej jednotky z konfrontačného aspektu. // Slovo a slovník. Red. J. Ružička, I. Poldauf. Bratislava, 1973. S. 114.

16. Sekaninová E., Kučerová E. Stavba hesla vo Veľkom slovensko-ruskom slovníku. // Veľký slovensko-ruský slovník II. Bratislava, 1982. S. 9–20. Sekaninová E., Kučerová E. Slovensko-ruský slovník ako konfrontácia slovenskej a ruskej lexiky. // Obsah a forma v slovej zásobe. Red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 213–226.

17. Sekaninová E. Konfrontácia slovies typu poletím, poniesiem v češtine, slovenčine a ruštine // Slovo a slovesnost 39, 1978. S. 314–316.

18. Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960. S. 55. Machek V. K otázce tzv. prázdných předpon: imperativy a futura s *po-* и *Stovanū*. // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. 4. Slavica Pragensia IV. Praha, 1962. S. 441.

19. Dorotjaková V., Filkusová M., Kučerová E., Malíková M. O., Sekaninová E. Veľký rusko-slovenský slovník. Diel I–V. Bratislava, 1960–1970.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
КАТЕГОРИИ ВИДА С ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ
(на примере некоторых
лексико-семантических групп глаголов
в словацком и русском языках)

Категория вида (КВ), присущая всем славянским языкам, является сложной и неоднозначной, до сих пор в аспектологии не выработан единый подход при ее изучении и толковании. Исключительность КВ обусловлена прежде всего ее тесной связью с "лексико-семантическим своеобразием словесного материала, ... со своей лексикологической базой"¹.

Одной из важных и малоизученных проблем современной аспектологии является анализ связи лексической глагольной семантики и функционирования глаголов совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Задача данной работы – проследить, в чем конкретно проявляется эта особенность КВ (связь с лексикой) на примере некоторых лексико-семантических групп глаголов. При этом основное внимание уделяется функционированию в различных контекстах глаголов "достижения".

Не анализируя подробно теоретические вопросы, связанные с особенностями КВ, отметим лишь, что в своих исследованиях мы исходим из того, что КВ является грамматической, классификационной категорией, выступающей как ядро функционально-семантического поля аспектуальности. Видовая оппозиция по характеру является привативной (на парадигматическом уровне).

Итак, главная особенность КВ – ее тесная связь "со своей лексикологической базой". Многие аспекты этой связи уже изучены в аспектологии: 1) учитывалось влияние лексического значения на возможность / невозможность образования видовой пары (в трудах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, М. А. Шелякина, Н. С. Авиловой и др.); 2) отмечалось, что от характера лексико-семантической аспектуальности зависит образование глаголов со значе-

нием способов осуществления действия (в частности, в трудах М. А. Шелякина, Ю. Д. Апресяна и др.); 3) изучался вопрос о влиянии лексического значения на семантику видового противопоставления (в работах Ю. С. Маслова, М. Я. Гловинской, Н. С. Авиловой, Л. Н. Смирнова, Э. Селаниновой и др.).

Немного меньше работ в современной аспектологии посвящено изучению интересующей нас проблемы зависимости функционального диапазона СВ и НСВ от лексики. В советском языкознании впервые этот вопрос подробно рассмотрел Ю. С. Маслов² в своей работе 1948 г., однако в дальнейших своих исследованиях изложенные в ней идеи он почти не развивал. Отдельные замечания о характере этой взаимосвязи имеются в трудах О. П. Рассудовой³, М. А. Шелякина⁴. Существуют наблюдения над функционированием отдельных лексико-семантических групп глаголов с точки зрения видовой проблематики. Например, статьи Ю. Д. Апресяна о стативных глаголах⁵, о так называемых перформативах⁶, о глаголах моментального действия⁷.

Естественно, что для изучения всего спектра вопросов, связанных с влиянием лексики на КВ, необходима определенная лексико-семантическая аспектуально значимая классификация глаголов. В современном языкознании их существует довольно много.

Особенно популярна классификация З. Вендлера⁸. Он выделяет 4 класса глаголов в английском языке: глаголы "исполнения" (Accomplishments), глаголы "деятельности" (Activities), глаголы "достижения" (Achievements), глаголы "состояния" (States) – на основе двух главных критериев (отражающих характер функционирования глаголов в контексте). Первый критерий: возможна ли продолженная форма глагола (для русского языка – возможно ли употребление глаголов НСВ в конкретно-процессном значении)? Второй критерий: сочетается ли глагол с инклюзивными обстоятельствами (типа "за два часа"), т. е. указывающими на отрезок времени, "включающий" момент завершения действия или достижения результата?

Глаголы "исполнения" обозначают негомогенные ситуации, которые могут считаться совершившимися лишь по достижении своего предела (напр., *писать, делать*).

Глаголы "деятельности" обозначают гомогенные ситуации, которые не предполагают никакого предела. Длительность действия не обуславливает его прекращения (напр., *толкать, бежать*). Глаголы "достижения" описывают мгновенные события (напр., *находить, побеждать*). Они не могут употребляться в продолженной форме (в русском языке НСВ всегда обозначает неактуальное событие при его однократности). В продолженной форме (в русском – при актуальном употреблении НСВ) эти глаголы описывают многократные события. По утверждению З. Вендлера "достижение" только тогда может иметь временную протяженность, когда она имеет место неоднократно. Глаголы "состояния" не имеют продолженной формы и не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами (напр., *знать, обладать*).

За основу нашей классификации мы взяли классификацию З. Вендлера, дополняя ее наблюдениями Ю. С. Маслова, используя также материал книги "Семантические типы предикатов"⁹, классификацию Фр. Данеша¹⁰, Н. С. Авиловой¹¹. Исходными являются понятия "статика" и "динамика", т. е. действие может мыслиться как динамическое или как статическое. К области статики относятся актуальные состояния и неактуальные качества, свойства, т. е. отношения. Все глаголы, обозначающие динамические действия, подразделяются на предельные и непредельные. Под предельностью понимается "достижение внутреннего качественного предела, т. е. такой границы или "критической точки", по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться"¹². К предельным глаголам относятся глаголы "исполнения" (напр., *písať – писать, stavať – строить, vstávať – вставать, obedovať – обедать*) и "достижения" (напр., *nachádzať – находить, strácať – терять, prichádzať – приходиться*). К непредельным глаголам относятся глаголы "деятельности" (напр., *pracovať – работать, kráčať – шагать*) и некоторые другие группы, например, "глаголы непрерывного эффекта" (термин Ю. С. Маслова), (напр., *благодарить/поблагодарить, слышать/услышать*).

В нашей работе мы остановимся в основном на взаимосвязи функционального диапазона НСВ и лексического

значения глагола. Это связано, с тем, что функциональный диапазон глаголов НСВ намного разнообразнее. Именно поэтому выделить единый семантический признак-инвариант невозможно, не случайно НСВ часто характеризуют как беспризнаковый член оппозиции. Но на синтагматическом уровне форма НСВ аспектуально содержательна. При описании мы опираемся на систему функций, традиционно выделяемых в аспектологической литературе (с небольшими различиями в терминологии): процессная, общефактическая, неограниченно-кратная. Перед нами, однако, стоит вопрос: проявляется ли здесь зависимость от лексики? (обычно эти функции НСВ выделяются независимо от лексического значения глагола). Ниже мы приводим некоторые наши наблюдения над функционированием глаголов разных лексико-семантических групп.

Предельные глаголы (глаголы "исполнения")

Эти глаголы обладают наибольшим функциональным диапазоном. Данные глаголы могут употребляться в процессной функции. При этом контекст лишь актуализирует данное значение (но оно не связано исключительно с контекстом, как утверждают некоторые исследователи, например, А. М. Ломов¹³). Ср.: *Formuje sa široká "koalícia rozumu", čo sa prejavilo na rokovaní Valného zhromaždenia OSN... (Pr.)* "Формируется широкая "коалиция разума", что проявилось на заседании Генеральной ассамблеи ООН..."

При употреблении предельных каузативных глаголов наступление предела связано и с изменением объекта. Ср.: *Polia sa premenili na sivé strniská, v záhradkách oberali ľudia poslednú úrodu a sklonení kopali na zemiačnickách. (Štr.)* "Поля сменились серым жнивьем, в садах люди собирали последний урожай и, склонившись, копали на картофельных полях". Здесь действие, обозначенное глаголом *oberať* "собирать" прекратиться тогда, когда люди соберут весь оставшийся урожай, и собирать будет уже нечего.

Универсальность процессности как понятийной категории обусловлена тем, что отражает одну из фундаментальных ситуаций объективной действительности – ситуа-

цию непосредственного наблюдения. Поэтому основной тип процессности – наблюдение процесса, протекающего в момент речи, в актуальном настоящем: *Čo robí teraz moja drahá mať?* 'Что делает сейчас моя дорогая мама?' Здесь на актуальность действия указывает форма вопроса и слово *teraz* 'сейчас', т. е. именно тогда, когда я спрашиваю.

Вообще актуализации процессности способствуют те глаголы, которые выражают "конкретные действия, доступные непосредственному восприятию, заключающие в себе элементы движения, изменения, развития, требующие определенных усилий для их осуществления, связанные с преодолением тех или иных препятствий, с сосредоточением внимания на самом процессе их осуществления"¹⁴. Все вышеуказанные признаки свойственны большинству предельных глаголов, особенно обозначающих действие, направленное на объект *obegat'* – *собирать*). Ср.: также пример с глаголом *zarípat'* si 'застегивать': *Pomaly, rozvážne si zarípal vestu.* (Bal.) 'Медленно, рассудительно он застегивал жилет'. Здесь лексические средства указывают лишь на характер протекания процесса, на его замедленный темп (ср. словц. *pomaly*, *rozvážne* и русск. *медленно*, *рассудительно*).

В определенном контексте глаголы НСВ могут употребляться в общефактической функции (при этом передается информация о конкретном, единичном, целостном факте, подробности протекания действия не сообщаются). Таким глаголам НСВ в русском и в словацком языках соответствуют глаголы СВ в конкретно-фактической функции (в словацком языке более регулярно), которые выражают признак целостности в любом контексте. Ср.: *Čítal (prečítal) si Máčov Máj?* 'Ты читал "Май" Махи?' *Kto ti šil ten kabát? – Ušil ti ho rekne.* 'Кто шил тебе это пальто? Сшил тебе его прекрасно'.

Предельные глаголы НСВ при определенной поддержке контекста могут употребляться и в неограниченно-кратной функции. При этом они могут обозначать повторение завершенных, непроцессуальных действий. Причем в словацком языке НСВ употребляется наряду с СВ. Ср.: *Priemne vuriem dve kávy denne.* 'Я выпиваю ежедневно в среднем два кофе'. *V takej situácii obučajne obervenie a mlčí...*

(Dzv.) 'В такой ситуации он обычно краснеет и молчит...' Они могут обозначать и повторение процессных действий. Лексический показатель *obučajne* 'обычно' и аналогичные средства являются необходимыми и достаточными условиями для того, чтобы процессная ситуация превратилась в неограниченно-кратную. Ср. *Pomaly, rozvážne si zarípal vestu* и *Obučajne si zarípal vestu pomaly a rozvážne.* 'Обычно он застегивал жилет медленно и рассудительно'.

Непредельные динамические глаголы

Динамические глаголы, обозначающие деятельность, легко развивают процессное значение (в т. ч. актуально-длительное), что тесно связано с особенностями их семантики. Но эти глаголы никогда, в отличие от предельных, не могут без поддержки контекста выражать кратность.

Особенно легко в процессной функции выступают глаголы, обозначающие целенаправленное действие, зависящее "от воли лица", напр.: *-Zlatko, vidíš predsa, že pracujem!* (Pušk.) 'Золотко, ты же видишь, что я работаю!' В данном примере эта зависимость "от воли лица" выражена и контекстом (употребление в реплике от 1-го лица в актуальном настоящем). Вот другой показательный пример: *Smeje sa na tom tržnica, zaprataná l'ud'mi, košmi, vozmi ... a smeje sa najmä vtedy, ak dotučný človek kričí: Rata, l'udia, čert ide!* (Bal.) 'Смеется над этим рынок, забитый людьми, корзинами, возами ... и смеется особенно тогда, когда кто-нибудь кричит: "Спасите, люди, черт бежит!" В данном примере дважды употребляется динамический непредельный глагол *smiat'* sa 'смеяться'. Однако, если в первой части это чисто процессная ситуация: *smeje sa na tom tržnica* 'над этим смеется рынок', то во второй части она осложняется появлением в контексте показателей повторяемости, узуальности: *najmä vtedy, ak...* 'особенно тогда, когда' ... Однако, следует заметить, что значение процесса здесь настолько тесно связано с лексическим значением глагола, что не нейтрализуется и при наличии этих показателей.

Как было отмечено выше, неограниченно-кратное значение сами эти глаголы, без поддержки контекста, вы-

ражать не могут. Если сравнить пример: *Ráno o šiestej som pracoval v záhrade.* 'Утром в шесть часов я работал в саду' с аналогичным примером употребления предельного глагола: *Ráno vstával o šiestej.* 'Утром он вставал в шесть часов', то становится очевидным, что динамические глаголы: слвц. *pracovať* и русск. *работать* в отличие от предельных глаголов *vstávať* 'вставать' самостоятельно не развивают кратного значения. Нужны обязательно контекстные средства: "по утрам, всегда, обычно и т. п.", но и при этом оттенок процессности сохраняется.

Динамические глаголы деятельности могут употребляться и в общефактическом нерезультативном значении (о разных типах общефактического значения см. статью Е. В. Падучевой¹⁵, где она различает их в зависимости от лексического значения глагола: для предельных глаголов – общефактическое результативное, для непредельных – нерезультативное), напр.: *Žije na vzduchu, fyzicky pracuje, dobre a zdravo žije...* (Bal.) 'Он живет на воздухе, физически работает, хорошо и здорово живет'. В данных ситуациях просто сообщается факт в прошлом или настоящем без какого-либо оттенка завершенности результата предыдущей деятельности.

Группа статальных глаголов

Семантика стативов по сравнению с другими группами глаголов отличается своей неоднородностью.

Состояния, не имеющие конкретной временной протяженности, т. е. "неактуальные состояния" или "качества, свойства, привычки, умения, род занятий", не могут проследиваться как процессы (ср. слвц. *vedieť*, *dúfať*, *veriť*, *ráčť sa* и русск. *знать*, *надеяться*, *верить*, *нравиться*). Нельзя сказать: * *Teraz pozná matematiku.* 'Он сейчас знает математику'. Эти собственно статальные неактуальные глаголы не могут употребляться и в неограниченно-кратном значении: * *Často vlastní majetok.* 'Он часто владеет имуществом'. Для этих глаголов в основном характерно обозначение длительных или постоянных отношений и состояний: ... *rast (šupín) je takisto periodický a závisí od viacerých faktorov...* '... рост (чешуи) также периодичен и зависит от многих факторов...'

Но вслед за А. В. Бондарко мы признаем существование "статальной процессности" как таковой. "Процессную

функцию представляют лишь те состояния, которые имеют конкретную временную протяженность"¹⁶, т. е. "актуальные состояния" по нашей классификации, напр.: *Žena profesora Grona stála v dverách, vedúcich z chodby, a na neho sa usmievala.* (Pušk.) 'Жена профессора Грона стояла в дверях, ведущих из коридора, и улыбалась'. *A teba čo trápi, otec?* 'А тебя что мучает, отец?' Длительность стативной ситуации не приводит к каким-либо изменениям в ситуации; чем слабее выражена конкретная временная протяженность состояния, тем менее явной становится процессность, поэтому статальные ситуации занимают периферийное положение в сфере процессности.

Следует подчеркнуть, что любые стативы обозначающие и актуальные, и неактуальные состояния ни при каких условиях не могут иметь актуально-длительного (конкретно-процессного) значения.

Группа глаголов "достижения" (глаголов моментального действия)

Особенности семантики. Как отмечалось выше, глаголы "достижения" в форме СВ всегда соотносятся с мгновенными событиями (ср. слвц. *zvíťaziť*, *nájsť*, *spoznať*, *prejsť* atd. и русск. *победить*, *найти*, *узнать*, *пересолить* и т. п.). Но в этой форме и "многие другие глаголы обозначают факт точечного перехода к новому качеству: ср. *podľaďovať/подглядеть*, *vidieť/увидеть* и т. п."¹⁷ Поэтому наиболее показательной является семантика НСВ данных глаголов. Формы НСВ не имеют процессного значения (* Он долго побеждал и, наконец, победил), как правило, они обозначают многократные события. Глагол НСВ из группы "исполнений" может иметь значение "постепенного накопления результата", а "событие", "происшествие", "достижение" не является результатом какого-либо процесса, наступает, происходит мгновенно, т. е. не может процессуализироваться..."¹⁸ Отсюда и особая предельность этих глаголов. Форма НСВ выражает не накопление результата и стремление к достижению предела, а его многократное достижение, повторение.

Группа глаголов "достижения" неоднородна. Имеются

определенные различия в их семантике, видообразовании. Подробно на этом в нашей работе мы не останавливаемся. Более единообразны их функциональные особенности, которые являются самым надежным критерием выделения данной группы. Именно поэтому все исследователи (Ю. С. Маслов, З. Вендлер, Ю. Д. Апресян) при описании особенностей семантики этих глаголов одновременно обращают внимание на их функционирование (неспособность поддаваться процессуализации).

Особенности функционирования глаголов НСВ данной группы. Если в контексте нет подчеркнутой актуализации того или иного события, то глаголы "достижения" всегда имеют значение кратности. При этом они могут выражать его и без поддержки контекста (в словацком языке при наличии специальных показателей кратности чаще употребляется СВ), напр.: ... dávala mu čokoládu a on pre ňu pachaŕza! krásne kamienky... (Dzv.) 'Она давала ему шоколад, а он находил для нее красивые камешки...' Už niekoľko rokov naše družstvo víťazi nad Moskovčanmi. (Pr.) 'Уже несколько лет наша команда побеждает москвичей'.

Особенно легко развивают значение кратности без поддержки контекста глаголы НСВ "ненамеренного, случайного действия" (одна из подгрупп "достижений"), т. к. в форме СВ здесь подчеркивается моментальность действия, и такие глаголы не могут процессуализироваться, напр.: Človek sa v graži ocitá zobi-voči druhým ľuďom a svetu... 'На практике человек оказывается лицом к лицу с другими людьми и с миром...' Однако, при обозначении кратности случайного действия в словацком, в отличие от русского языка, чаще употребляется СВ, ср.: A peŕaz akoby som sa ocitol mimo súvislosti... (Dzv.) 'И не раз я оказывался как бы вне связи...'

В "чистом виде", т. е. без поддержки контекста эти глаголы в форме настоящего времени чаще всего употребляются в значении "настоящего исторического" или в качестве индикаторов ближайшего будущего (см. об этом также в З. Вендлера), напр.: Nachádzam poklad. 'Я нахожу сокровища'. Но существуют определенные различия в функцио-

нировании глаголов "достижения" в значении "настоящего исторического" в русском и в словацком языках. В русском языке возможен только НСВ, всегда имеющий перфектное значение. В словацком языке стилистически нейтральным является употребление СВ, а НСВ может иметь оттенок процессности, его употребление стилистически маркировано, ср.: Bol nervozný. Príde/Prichádza domov, a tam je všetko hore nohami. 'Он был взволнован. Приходит домой, а там все вверх ногами'. Prichádza noc, vo sne stovky mladých mužov... kráčajú... k Lesnému divadlu. (Bal.) 'Спускается ночь, во сне сотни молодых мужчин... шагают... к Лесному театру'.

Но глаголы "достижения" не могут иметь многих других значений, свойственных НСВ, в силу особенностей своей семантики. Они не развивают потенциальное значение, напр.: * Мальчик хорошо приходит на обед. 'Chlapec dobre prichádza na obed'. "Потенциальное значение характерно для глаголов, обозначающих относительно сложные физические или интеллектуальные виды деятельности, овладение которыми требует тренировки или обучения, а выполнение – времени. Ясно, что моментальные глаголы не таковы"¹⁹. Процессное значение у этих глаголов тоже практически отсутствует, напр.: Он долго обнаруживал пропавшую вещь. 'Dlho objavoval (nachádzal) stratенú vec.'

Но глаголы "достижения" все же могут обозначать действие в процессе его протекания. Это особого рода процессность, когда выражается поочередность достижения результата. Чаще всего процессная функция обусловлена множественностью объекта, напр.: zuby mu vypadávajú (SSJ) 'у него выпадают зубы', objavujú sa mu hlboké vrásky 'у него появляются глубокие морщины'.

Между русским и словацким языками наблюдаются различия и при употреблении глаголов "достижения" в форме НСВ в прошедшем времени. В русском языке они могут иметь дополнительный оттенок общефактического значения, а именно "аннулированности действия", напр.: Твой товарищ приходил в пять часов. Глагол приходил означает, что в пять часов товарищ пришел и приблизительно в это же время ушел, т. е. в данный момент его здесь нет. В словацком языке такое употребление невоз-

можно. Русским глаголам движения с приставкой при- (а они чаще всего употребляются в этом значении, напр.: *приходил, приезжал* и т. п.) соответствует в словацком языке *bol* (глагол быть – *byť* в прошедшем времени), т. е. данный пример переводится следующим образом: *O piatej tu bol tvoj priateľ*. (*O piatej t'a hl'adal tvoj priateľ*.) В данном значении в русском языке могут употребляться и другие глаголы "достижения", не только глаголы движения с приставкой при-. В словацком языке им будут соответствовать или глагол в форме СВ при поддержке контекста, или различные описательные конструкции (СВ употребляется чаще), напр.: *Našiel som včera tu knihu, kde je teraz?* 'Я находил эту книгу вчера, где она?' *Pamätam, že dal mi ten lístok*. 'Я помню, что она давал мне этот билет'. Если же употребить глагол СВ без поддержки контекста, то все высказывание приобретает значение перфективности.

Итак, функциональный диапазон глаголов "достижения" невелик (влияние семантики). Наиболее типичными являются кратное значение, или узальное, настоящее историческое, общефактическое (в частности, общефактическое двунаправленное, но только для русского языка).

В русском языке основное значение глаголов "достижения" – кратность – выражается глаголами НСВ. В словацком же это значение часто передается и глаголами СВ в сочетании с лексическими показателями кратности (ср. также в "настоящем историческом" в русском – только НСВ, а в словацком стилистически нейтральным является употребление СВ).

Глаголы "достижения" развивают особого рода процессность в определенных условиях контекста. Однако, в словацком языке некоторые подгруппы глаголов (в частности, глаголы движения с приставкой *prí-*) могут употребляться в процессном значении и без специальной поддержки контекста.

Отличительная особенность русского языка – наличие общефактического двунаправленного значения ("аннулированного действия"). В словацком языке это значение передается чаще всего глаголом СВ в сочетании с определенным контекстом.

Подведем итоги. Функциональный диапазон различен у глаголов разных лексико-семантических групп. Наиболее обширен он у предельных глаголов НСВ, наименее – у глаголов "достижения". Для одних групп значение кратности является основным (глаголы "достижения"), глаголы НСВ других групп (предельные глаголы "исполнения") могут выражать это значение в определенных условиях контекста, а третьи не развивают его ни при каких условиях (собственно стальные глаголы и непредельные динамические глаголы "деятельности"). Некоторые глаголы могут обозначать конкретный процесс (актуально-длительное употребление) (глаголы "исполнения" и "деятельности", т. е. динамические предельные и непредельные), другие же (глаголы "достижения", глаголы со значением "род занятий, профессия" типа *учительствовать, плотничать* и т. п.) – не могут.

Даже краткий анализ показывает, что действительно существует зависимость функционирования глаголов от их лексической семантики. Выявленные нами закономерности подтверждают оправданность и необходимость именно такого, конкретного подхода к изучению КВ, т. е. в ее тесной связи с лексикой, в том числе и при сопоставительных исследованиях различных славянских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. С. 125.
2. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. – Л., 1984.
3. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. – М., 1968.
4. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллинн, 1983.
5. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания, 1986, № 2.
6. Апресян Ю. Д. О перформативах // Изв. АН СССР. СЛЯ, 1986, № 3.
7. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы // Русистика сегодня. – М., 1988.
8. Vendler Z. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca, N. Y.; Cornell University Press, 1967.
9. Семантические типы предикатов. – М., 1982.
10. Daneš F. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů // Slovo a slovesnost, 1971, № 3.

11. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М., 1976. С. 14–20.

12. Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. С. 337.

13. Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом // Вопросы языкознания, 1975, № 6.

14. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983. С. 148.

15. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР, СЛЯ, 1986, № 5.

16. Бондарко А. В. Указ. соч. С. 140.

17. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы... С. 59.

18. Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 62.

19. Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 65.

ИСТОЧНИКИ

Bal.	— Ballek L. Agáty. Bratislava, 1981. Lesné divadlo. Bratislava, 1987.
Dzv.	— Dzvonič E. Prvý žiaľ. Bratislava, 1987.
Pr.	— Pravda. Bratislava, 1986–1987.
Pušk.	— Puškáš J. Sny, deti, milenky. Bratislava, 1985.
SSJ	— Slovník slovenského jazyka. Red. Š. Peciar. Bratislava, 1959–1968. 6 zv.
Štr.	— Štrelinger P. Kto proti osudu. Bratislava, 1976.

Р. Х. ТУГУШЕВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В последнее время усилился интерес к изучению коннотативной лексики, что объясняется, вероятно, возросшим вниманием к функциональной стороне языка. Именно в коннотативном аспекте находит наиболее полное отражение онтологическая сущность языка, так как "познание объекта и раскрытие его функциональных особенностей, на основе чего возникает оценка, связаны также с эмотивным отношением к этому объекту"¹.

Экспрессивная лексика преимущественно исследуется в пределах одного какого-нибудь языка. Однако для выявления общих лексико-семантических закономерностей и специфических особенностей функционирования экспрессивов большое значение имеют исследования сравнительно-сопоставительного плана². Уже самые поверхностные наблюдения показывают, что коннотативная лексика значительно специфичнее денотативной даже в таких близкородственных языках, к каким относятся, например, чешский и словацкий языки.

Экспрессия в языке находит чаще всего комплексное выражение. Одним из составляющих языкового проявления эффекта экспрессивности выступают элементы звукового строя языка.

Звуковая система современного чешского и словацкого языков характеризуется большим фонологическим сходством. В обоих языках смыслоразличительную роль играет противопоставление звуков не только по их твердости и мягкости, но и по долготе и краткости. Смыслоносная функция этих противопоставлений непосредственно связана также с выражением экспрессии, которая тоже представляет собой прежде всего определенный смысл эмоционально-оценочного свойства, т. е. содержит информацию "о том эмоциональном состоянии субъекта речи, которое он переживает в момент говорения"³.

Чешская и словацкая фонетика располагают довольно значительным фондом одинаковых долгих гласных (á, ó, ú, é, í) и мягких согласных звуков (d', t', ñ, č, š, ž). Из общих гласных звуков в образовании экспрессивов как в чешском, так и в словацком языках особенно широко используется звук ú, выступающий в чешском как дифтонг ou; ср. чеш., стил. нейтр. kluk 'мальчик' – экспр. klouče 'мальчуган'; слвц. шутил. hutorit' 'говорить на восточно-словацком диалекте' – экспр. hutorit' 'болтать, молоть языком'. К наиболее выразительным в экспрессивном отношении согласным относятся шипящие звуки č, š, ž, которые присущи звуковым системам обоих сравниваемых языков: чеш. šupě 'грязнуля, замарашка', š/m/átrat' 'искать в темноте'; слвц. žomgat' 'бурчать, ворчать', žgrišo 'жадюга'. Помимо указанных выше мягких согласных большим зарядом экспрессии, по признанию как этимологов⁴, так и лексикологов⁵, обладает звук ch, который также является общим элементом для фонетической системы как чешского, так и словацкого языка: чеш. tlach 'болтовня', слвц. rchat' sa 'обжираться'.

Наряду со сходством фонетические системы чешского и словацкого языков имеют ряд существенных отличий. В словацком языке, например, больше долгих гласных звуков. Кроме отмеченных выше одинаковых с чешским языком долгих гласных в словацком языке есть дифтонги ia, ie, iu, ô, а также долгие слогаобразующие í и í, которые отсутствуют в чешском и которые широко используются при образовании экспрессивных наименований в словацком: слвц. dgiarat' 'вырвать из рук', vtieskat' 'кричать, верещать', pôska 'ночка', hfba 'куча', stlct' 'избить'. Словацкая фонетика содержит также больше мягких согласных, по сравнению с чешским звуковым строем, в котором отсутствуют такие звуки как l', dz и dž. Особенно важное значение для экспрессивной лексики имеет звук l', обладающий высокой фреквентностью: слвц. bl'uskat' 'стрелять глазами', chmul'o, trul'o 'дурак, болван', pliaga 'сброд, шваль'. Экспрессивам со словацкой аффрикатой dž в чешском, как правило, соответствуют экспрессивы подчас с не менее выразительными звуками, которые, однако, не чужды и словацкому языку: слвц. džgor 'обжора' (чеш. hltoun); džugat' 'пихать, толкать' (чеш. št'ouchat). В словацком языке фонети-

ческим средством выражения коннотации служит также звук g, который в современном чешском языке встречается только в звукоподражаниях и в словах иностранного происхождения. По свидетельству А. Габовштяка, на месте более древнего g в словах общеславянского происхождения во всех диалектах современного словацкого языка, а также в словацком литературном языке стабильно утвердился звук h^b, что соответствует ситуации и в современном чешском языке. Вместе с тем звук g в словацком имеет более широкое распространение, по сравнению с чешским. Это объясняется разным происхождением этого звука в словацком языке, а также его активной экспрессивной функцией: слвц. miagat' 'давить, мять' (чеш. tlačit, mačkat), starigaň 'старик' (чеш. staroch, dědek), d'ugat' 'пихать, толкать' (чеш. dtkat). Экспрессивный характер звука g особенно отчетливо выявляется при сопоставлении со звуком h. В чешском и словацком языках это сопоставление можно наблюдать в пределах одного и того же слова, развитие которого в системах этих языков сложилось таким образом, что его денотативный смысл сохранил один язык, т. е. чешский, а коннотативный – другой, т. е. словацкий, ср., например, чеш. ст. нейтр. drhat 'дрожать, трястись (от холода)' и слвц. экспр. drgat' 'трясти' (в безличном употреблении – при езде по плохой дороге).

В чешском языке в свою очередь большую эмоционально-экспрессивную нагрузку несет звук ř, отсутствующий в словацком: чеш. řádit 'безумствовать', střapač 'лохмач'. Из трех значений чешского глагола rvát, например, экспрессию выражает лишь одно – 'насильно отнимать, вырывать', в то время как у глагола řvát из четырех значений, составляющих его смысловую структуру, экспрессивны три: 'орать', 'громко причитать' и 'быть броской, яркой (о вещи)'.

Экспрессивная лексика в значительной степени отражает особенности исторического развития каждого из двух близкородственных языков в отдельности, связанные со становлением их литературной формы. Сопоставление по внешней форме слов денотативной и коннотативной лексики в двух близкородственных языках показывает, что в одном из них стилистически нейтральная и экспрессивная лексика могут быть более противопоставлены друг другу в

фонетическом отношении, чем в другом языке и что экспрессию выражают не произвольные звуки и звуковые сочетания, а преимущественно такие, которые не встречаются в стилистически нейтральных наименованиях. Для чешского языка, как отмечает И. Немец, характерны прежде всего экспрессивы, формально маркированные звуковым сочетанием "мягкий согласный + гласный заднего ряда", т. е. слова, например, с сочетаниями *čo, šo, d'o, ňo* или *ču, šu, d'u, ňu* и т. д., которым в стилистически нейтральной лексике противостоят сочетания, подвергшиеся перегласовкам 'o/e или 'u/i: чеш. *d'ouba* 'мямля, копуша'; *ňuma, ňouma* 'дурак, лопух', *čimět* 'глазеть'⁷. Словацкий язык не знает подобных перегласовок, вследствие чего в его лексике содержится больше экспрессивов с указанными выше звуковыми сочетаниями за счет слов, которым в чешском языке соответствуют стилистически нейтральные наименования, ср. чеш. стил. нейтр. *čechgat* 'начесывать, вздыбливать' – слвц. экспр. *čichgat* 'лохматить, ерошить'; чеш. стил. нейтр. *čekan, čakan* 'кованая палка; палка вообще' – слвц. экспр. *čigaňa* 'толстая кривая палка'.

В отдельных проявлениях чешская и словацкая экспрессивная лексика обнаруживает почти полное совпадение фонетических средств оформления экспрессии, например, чеш. *troup*, слвц. *trúp* – 'дурак, бестолочь', чеш. *škvrně*, слвц. *škviňa* – 'малыш, карапуз'. При этом в еще большей степени, чем отдельные гласные и согласные звуки формальными выразителями экспрессии выступают разнообразные сочетания согласных, которые, однако, характеризуются большим своеобразием в каждом из двух сравниваемых близкородственных языков. Эта специфика складывается из противопоставления отдельных звуков, их всевозможных замен, перестановок, наращений, основанных на индивидуальных для каждого языка ассоциациях звуков или звуковых сочетаний с определенным смыслом. Нередко такие экспрессивы в чешском и словацком языках не совсем совпадают и по значению, и словацкий язык часто при этом имеет больше фонетических вариантов на одно и то же значение, чем чешский; ср., например, чеш. *kobrtat* 'спотыкаться' и слвц. *korfcat* /sa/, *korfckat* /sa/, *korfil'at* – все в значении 'кувыркаться, перекачываться'.

Из сопоставления экспрессивной лексики в чешском и словацком языках видно, что в словацком языке шире представлен разряд экспрессивов, основанных на звукоподражании. Это подтверждает сопоставительный анализ, например, одной и той же звуковой группы, а именно сочетания *f* со слогаобразующим *g* в начале слова перед следующим согласным, т. е. звукоподражательной группы *fg-* в начале слова перед согласным. По показаниям самых больших толковых словарей современного чешского и словацкого языков общее число экспрессивов на *fg-* составляет 33 слова.

Из них:

- 1) 4 экспрессива почти полностью совпадают по форме и по семантике в чешском и словацком языках: чеш. и слвц. *fgk* 'шутка, острота; болтовня'; *fgmol* 'переполох, тревога; суматоха'; чеш. *fgňák*, слвц. *fgniak* 'носище'; чеш. *fgňous/y*, слвц. *fgňúz/y* 'усища';
- 2) 3 экспрессива близки по форме, но отличаются по семантике: чеш. *fgčet* 'пролетать, проноситься, исчезать со звуком "фр"', слвц. *fgčat* 1. 'мчаться, нестись'; 2. 'пролетать, проноситься'; чеш. *fgnkat* 'пролетать, проноситься', слвц. *fgnkat* 1. 'плакать, хныкать'; 2. 'пролетать, проноситься'; чеш. *fgknout* 1. 'ударить в духовые инструменты'; 2. 'быстро убежать'; слвц. *fgknút* 1. 'всыпать, влить, добавить что-н. во что-н.'; 2. 'убежать';
- 3) 5 экспрессивов засвидетельствовано только в чешском языке: *fgfnit se* 1. 'злиться'; 2. 'копаться, ковыряться с чем-н. или в чем-н.'; *fgkat* 'играть на духовом инструменте'; *fgnčet* 'лететь со свистом'; *fgnět* 'сопеть, пыхтеть'; *fgnknout* 1. 'пролететь, пронестись'; 2. 'быстро убежать, умчаться';
- 4) 31 экспрессив засвидетельствован только в словацком языке; из них только 8 относится к диалектным, областным или редким словам: *fgskoš* 'дурак', *fgča* 'молодая красивая женщина', *fgfgat* 'ворчать', *fgfgavý* 'ворчливый', *fgfl'at* и *fgňat* 'мчаться, проноситься', *fgfniak* 'сопляк', *fgfnút* 'пробурчать'.

Остальные 23 экспрессивных наименования довольно широко известны носителям современного словацкого языка. В эту группу входят:

- а) 11 глаголов: *fgskat* 'выпрыскивать частями', *fgspút* 1. 'вы-

стрелить (слюной сквозь зубы); 2. 'ударить'; 3. 'вливать, всыпать'; frčkovat' 'заигрывать с кем-н.', frflat' 1. 'ворчать'; 2. 'булькать'; frgotat' 1. 'ворчать'; 2. 'болтать попусту языком'; 3. 'булькать'; frndit' sa 'щеголять', frndžat' и frngat' 'лететь со свистом', frngnúť 1. 'быстро вскочить'; 2. 'быстро ударить'; frfskat' 'плескать чем-н., брызгать; кропить', frsknúť 'выплеснуться';

в) 11 существительных: frčkát 'франт, щеголь', frfla 'ворчунья', frfloš 'ворчун', frflanina 'болтовня', frfot 'ворчание, брызжание', frkáp 'мальчишка, юнец', frkot 'фырканье, брызганье, плесканье', frnda и frndul'a 'щеголиха', frsk 'всплеск', frskot 1. 'выплеск (росы)'; 2. 'потрескивание (свечи)';

с) 1 прилагательное: frflavý 'ворчливый'.

Сравнение внешней формы чешских и словацких экспрессивов показывает, что звуковая или фонетическая выраженность экспрессии более ярко, отчетливо и активно проявляется в словацком языке, чем в чешском. Это обеспечивается преобладающим числом отдельных звуков, предрасположенных к выражению экспрессии, а также их более широкой сочетаемостной свободой.

Выраженность экспрессии на словообразовательном уровне тесно связана с грамматическим строем языка.

Средством выражения отношения человека к называемому явлению в структурном плане выступают чаще всего разнообразные суффиксы.

В целях выражения эмоционально-оценочного отношения к реалиям материальной действительности широко используются как специфические коннотативные суффиксы, так и суффиксы, общие с денотативной системой. В последнем случае проявляется конвертируемость суффиксов, т. е. способность при образовании экспрессивов переходить из одной части речи в другую. Близкородственные языки отличаются неодинаковой конвертируемостью одних и тех же суффиксов, используемых для выражения экспрессии. В словацком языке, например, шире используется суффикс -k-, который является одним из продуктивнейших аффиксов номинативной системы и за которым в субстантивной лексике коннотативного плана как в чешском, так и в словацком языках устойчиво закреплено

уменьшительно-ласкательное значение, ср. в чеш. chvilе-chvilka, в слвц. chvíl'a-chví'ka. Однако в отличие от чешского языка, где посредством суффикса -k- образуются преимущественно экспрессивы-существительные, в словацком языке тот же суффикс -k- выступает часто средством образования экспрессивных глаголов на -kat', например, слвц. hrzkat' 'погрызывать' (чеш. hrzят), hnevkat' sa 'сердиться' (чеш. hněvat se), klopkat' 'постукивать' (чеш. potichu, jemně klepat). Глаголы на -kat' часто употребляются в словацком языке в общении с детьми. Они обозначают действие, совершаемое не в полную силу, и обладают ласкательным эмоционально-экспрессивным оттенком. Употребление этих глаголов характеризуется эмоциональным чувством теплоты, сердечности, благожелательности к тому, на кого обращено выражаемое ими действие и часто выполняет контактоустанавливающую функцию. В чешском языке, в отличие от словацкого глаголы на -kat не обладают такой регулярностью и частотой употребления, хотя в отдельных случаях и здесь при образовании глагольных экспрессивов используются суффиксы других частей речи, ср., например, слвц. bol'kat' 'болеть' – чеш. bolinkat. Кроме глаголов в словацком языке при помощи суффикса -k- оформляются также экспрессивы-наречия, которые не характерны для чешского языка, например, слвц. tíško 'тихонечко' – чеш. tiše, potichu, tichounce. В отдельных случаях суффикс -k- привносит экспрессию и в словацкие прилагательные, например, слвц. mlký 'миленький'.

Наряду с суффиксом -k- конвертируемость характерна и для других суффиксов словацкого языка. В номинативной лексике не только чешского и словацкого языков, но и всех других славянских языков функционирует хоть в настоящее время и небольшая по составу, но довольно разнообразная в семантическом отношении группа слов на -izeň/-izeň/-izň/-izn: чеш. и слвц. žizeň, trýzeň; чеш. přízeň/слвц. priazeň и др. Словацкому языку известны также слова на -izeň с кратким i, такие, например, как otcovizeň 'родительское наследство', bielizeň 'постельное белье' и др., которые отсутствуют в номинативной лексике чешского языка. Оба языка, однако, имеют по два одинаковых экспрессивных существительных с суффиксом -izeň, который

в чешском языке выступает как *-izna*, а в словацком как *-izňa* наряду с *-izeň*, ср.: чеш. *babizna* 'грубая, злая женщина, баба', слвц. *babizňa*; чеш. *barabizna* 'старый обветшалый дом', слвц. *barabizňa* и *barabizeň* 1. 'старый обветшалый дом'; 2. 'баракло, тряпье'. Суффикс *-izeň* и его варианты в данных экспрессивных субстантивах выражают отрицательные эмоции и усиливают пейоративность значения, выражаемого основами. Однако в словацком языке, в отличие от чешского, этот же суффикс *-izeň*, но в более сжатой форме, т. е. как *-izn* используется также при образовании экспрессивных прилагательных, причем не только от именных основ, но и от основ-числительных, например, слвц. *vysočizný* 'высоченный' (чеш. *vysokánský*), *hgubizný* 'здоровенный' (чеш. *ohromně silný*), *toličizný* 'большущий' (чеш. *tolikánský*). Таким образом, чешскому увеличительному суффиксу прилагательных *-ánský* в словацком языке соответствует два синонимичных экспрессивных суффикса *-ánský* и *-izný*, которые могут выражать как положительный, так и отрицательный эмоционально-оценочный оттенок.

Более свободным обращением морфем в коннотативной системе, вероятно, можно объяснить и само происхождение некоторых словообразовательных экспрессивных элементов. Одушевленные существительные мужского рода с суффиксом *-as* в чешском языке, образованные от прилагательных, например, чеш. *chud'as* 'бедняга', *klid'as* 'флегма', *krut'as* 'садист' и др. со стилистической точки зрения трактуются по-разному. Составители большого толкового словаря современного чешского языка относят их к стилистически нейтральным словам, другие исследователи считают их экспрессивами⁸, а некоторые отмечают даже их особенно сильную эмоциональную негативную окрашенность⁹. Возможно, это связано с тем, что первоначально морфема *-as* связывалась с признаком неполноты качества, выражение которой можно видеть в чешской частице *asi* 'приблизительно, примерно', но так как половинчатость, срединность, т. е. неполнота качества отличается неустойчивостью, она трансформировалась в интенсивность.

Своеобразие в коннотативную лексику словацкого языка вносят также экспрессивные наименования отвле-

ченных понятий, отсутствующие в чешском языке. Средством выражения отвлеченного понятия, окрашенного экспрессией, в словацком языке выступает суффикс *-ava* у существительных, образованных от безаффиксных субстантивов, обозначающих отвлеченные понятия, например, слвц. *dial'ava* 'даль' (чеш. *dálava*), *húšťava* 'чащоба, густота' (чеш. *houština*), *pál'ava* 'жар, зной' (чеш. *úpal, žár, vedro*), *šířava* 'широчища' (чеш. *šíř, šířka*), *tónava* 'тенечек' (чеш. *stín*), *tíšava* 'тишина' (чеш. *tíšina*), *výšava* 'высотница' (чеш. *výšina, výška*). Словацкие экспрессивы на *-ava* подчеркивают интенсивность признака отвлеченного понятия, заложеного в основе. Им присущ также возвышенно-поэтический экспрессивный оттенок, что способствует их активному употреблению в словацкой художественной речи. При помощи суффикса *-ava* в словацком языке формируются также экспрессивы, основанные на вторичной номинации или на звукоподражании, например, слвц. *húl'ava* 'грозовая туча' (чеш. *černý mrak, mrákava*), *kúňava* 'облако, столб (дыма, пыли, снега)' (чеш. *mrásko, mrákava*), *dudňava* 'гроза' (чеш. *bouřka*). Приведенные словацкие экспрессивы, по видимому, представляют собой иносказательные выражения эвфемистического характера, отразившие суеверный страх людей перед явлениями природы. Таким образом, в отличие от чешского языка, где суффиксы отвлеченных понятий *-ava*, *-ina*, *-ost* не имеют соответствующего коррелята в коннотативной системе, в словацком языке экспрессивную функцию выполняет один из этих суффиксов *-ava*, который в то же время обслуживает главным образом денотативную систему словацкого языка наряду с суффиксами *-ina*, *-ost*.

Сравнение экспрессивной лексики двух языков показывает, что для выражения коннотации безразлична не только частеречная характеристика слова в номинативной системе, но и его родовая принадлежность. Это подтверждает сопоставление наиболее выразительной группы экспрессивов, а именно коннотативных наименований лица по характерному признаку. Самым ярким отличием экспрессивных субстантивов, характеризующих лицо по какому-либо признаку, в чешском и словацком языках заключается в том, что такие экспрессивы, как чеш. *dotěta* 'настыр-

ный человек', *nimta* 'мямля, копуша', *ochlasta* 'пропойца' и др., т. е. экспрессивы на -а со значением лица в чешском языке являются словами общего рода, т. е. мужского и женского одновременно, в то время как в словацком языке они относятся к существительным женского рода. По вопросу о происхождении этих экспрессивов у чехословацких лингвистов нет определенного единства. Одни придерживаются мнения, что эти слова образованы от прилагательных¹⁰, другие считают, что они возникли в результате конверсии, под которой подразумевается "простой перевод исходного слова из одной категории в другую, из категории глаголов в существительные при помощи грамматической морфемы -а, в результате чего сразу образуется и женский род, т. е. по модели "kdo babrá je babra"¹¹. Следует заметить, что ни одно из этих предположений не покрывает всего состава этой многочисленной, но довольно компактной по форме и по семантике экспрессивной группы слово в чешском языке, так как не при каждом слове на -а есть соответствующее прилагательное (например, при слове *odnesa* 'вор') и не каждый глагол, от которого могло быть образовано существительное на -а, имеет в своей парадигме спряжения в настоящем времени тематическую морфему -а (например, синонимы *mluvka* и *žvářka* 'болтун, пустомеля'). Кроме того, важно учитывать и тот факт, что эту модель слов на -а составляют почти исключительно одни экспрессивы, а в коннотативной системе, как известно превалируют всевозможные ассоциации. По своей форме экспрессивы на -а в чешском языке соотносятся с одушевленными существительными мужского и женского рода типа *sluha* и *žena*. То обстоятельство, что данные экспрессивы на -а являются словами общего рода, позволяет видеть в них также древнюю группу слов, восходящую к периоду дифференциации имен не по родовому признаку, а по основам. В таком случае к самым древним экспрессивам на -а можно было бы отнести общее для современного чешского и словацкого языков экспрессивное наименование *babra* 'копуша, размазня' (от г-основ; ср. чеш. и словц. *dcega* 'дочь', словц. *svokga* 'свекровь'), которое первоначально обозначало человека, похожего на бабу (*baba*), т. е. на старуху, которую то и отличает, что она все делает медлен-

но. Когда же стал осознаваться род, наиболее выразительный грамматический показатель его, т. е. окончание -а в коннотативной системе наполнился экспрессивным содержанием и стал выражать презрительное отношение прежде всего к лицу мужского рода. Таким образом, одушевленные существительные на -а, обращенные к лицам мужского рода, получили дополнительную негативную окраску в форме окончания -а, по сравнению с теми же экспрессивами, обращенными к лицам женского рода. Окончание женского рода -а усиливает отрицательную экспрессию в случаях обращения к лицу мужского рода. Об этом свидетельствует также характерное для чешских бранных выражений использование в их составе дополнительного числительного женского рода *jedna* как усилителя отрицательных эмоций по отношению к лицу мужского рода, например, *datebák jedna!* 'озорник (такой)'. Эмоциональное отношение к лицам женского рода в чешском языке не имеет специального коннотативного грамматического или словообразовательного средства выражения.

В словацком языке, в противоположность чешскому, экспрессивной окраской наделено окончание существительных не женского рода, а среднего, т. е. эмоциональное отношение к лицу, правда, только мужского рода в словацком языке может быть выражено окончанием -о, например, словц. *smejo* 'хохотун, весельчак' (чеш. *smíšek*), *trul'o* 'балбес' (чеш. *hlupák, trulant*), *jašo* 'чокнутый, помешанный' (чеш. *zbrkloun, ztřeštěnec, větroplach*) и др. Это связано с тем, что в денотативной системе современного словацкого языка окончание -о имеют не только существительные среднего рода типа *mesto*, как в чешском языке, но и небольшая группа одушевленных существительных мужского рода, выражающих родственные отношения, которая отсутствует в чешском, например, *dedo, struko, ťjo* и др. Большая частотность употребления этих слов в бытовой сфере, а также их общая соотнесенность с домашней семейной средой, где часто имеют место подтрунивание, подшучивание, легкая ирония, ласковая насмешка над некоторыми особенностями внешнего вида, характера, наклонностями и т. д. близких и друзей, вероятно, способствовали тому, что окончание -о указанных одушевленных существительных мужско-

го рода распространилось на обозначение людей по их характерному признаку и стало дополнительно впоследствии выражать иронию, издевку или уничижительность по отношению к людям отличающимся каким-либо признаком. К указанным экспрессивам на -о в словацком языке примыкает близкая по семантике группа экспрессивных существительных мужского рода на -ко, у которых ласкательный суффикс -к- несколько смягчает негативную оценку лица, по сравнению со словами на -о, например, слвц. bojko, straško 'трус' (чеш. bázlivec), mumko 'дурак' (чеш. hlupák), vřavko 'болтун' (чеш. mluvka, žvanil) и т. д. Подобно исходным номинативным одушевленным существительным мужского рода типа dedo экспрессивы на -о и -ко в словацком языке также относятся к словам мужского рода (хотя по форме они среднего) и не имеют при себе женской параллели.

В форме экспрессивов проявляются особенности номинативной системы каждого из сравниваемых языков во всем объеме, включая и подсистему имен собственных. В чешском языке широко распространены фамилии, образованные от действительных причастий прошедшего времени на -l, например, Nezval, Pospišil, Navrátil (первоначально крепостной крестьянин, который сбежал, но потом вернулся)¹² и т. д. Данная словообразовательная модель в коннотативной системе находит отражение в группе чешских одушевленных экспрессивов мужского рода на -al и -il, например, babral 'мямля, копуша', tlačal 'брехун', prážil 'враль'. Эти чешские коннотативные наименования образуются преимущественно от экспрессивных глагольных основ и обладают сильным зарядом отрицательных эмоций. Некоторые из них выступают синонимами к рассмотренным выше экспрессивам общего рода на -a: чеш. křouha - křouhal 'нытик'.

В словацком языке, для которого не характерны ни фамилии на -l, ни соответствующие им по форме экспрессивы, связь с системой собственных и нарицательных имен со значением лица, возможно, отражают одушевленные экспрессивы мужского рода на -ja, которые в свою очередь совершенно не типичны для чешского языка. Импульсом для возникновения таких словацких экспрессивов, как

например, habaj 'хапуга', taraj 'болтун', vřuchaj 'брюхач' могло послужить имя собственное Jugaj или нарицательное существительное мужского рода šuhaj 'парень', которые относятся к наиболее употребительным и специфическим словам словацкой народной речи, где, по наблюдениям Я. Горецкого, более всего и распространены экспрессивы на -aj¹³.

Большинство суффиксов, используемых для образования экспрессивов, соотносится с той же частью речи, что и в номинативной системе.

Наибольшую часть экспрессивной лексики составляют существительные, среди которых по своему объему выделяются прежде всего существительные, обозначающие лицо по какому-либо характерному признаку, качеству или свойству. Для выражения эмоционального отношения к лицу, выделяющемуся какой-либо особенностью, в чешском и словацком языках могут использоваться суффиксы, за которыми закреплено значение лица в их номинативных системах. Номенклатурно эта группа содержит наибольшее число общих для обоих языков элементов, например, такие суффиксы со значением лица как -áč, -ák, -an, -es и некоторые другие, которые в отдельных случаях встречаются почти в полностью идентичных экспрессивных образованиях, ср.: чеш. и слвц. hrbáč 'горбач', nadutec 'гордец, спесивец', trhan 'оборванец', tulák 'бродяга', чеш. nepodařenec, слвц. nepodarenec 'горемыка, бедолага' и др. Однако особенности производимости экспрессивов при помощи этих суффиксов от разных основ, продуктивность моделей и самих суффиксов, специфика словообразовательной связи с номинативной системой, воздействие вторичной номинации и ряд других факторов способствует тому, что и при наличии идентичных суффиксов от одного и того же слова в близкородственных языках образуются разные экспрессивы. От существительного nos, например, в чешском языке возможны экспрессивы nosáč и nosatec 'человек с большим носом, носач', в словацком - с тем же значением и с тем же пренебрежительным оттенком функционируют nosáč, nosál', nosáň; от существительного hlava - чеш. hlaváč 1. 'человек с большой головой'; 2. 'начальство, шишка', слвц. hlaváč 1. 'начальство, шишка'; 2. 'упрямец' + hlavaj

и hlavaň 'упрямец'; от прилагательного hluchý: чеш. hluchý člověk нейтр. (нет экспрессива), слвц. hlucháň 'глухня'; от глагола: чеш. hltat/ слвц. hltat' – чеш. hltavec и hltoun 'обжора', hltáč 'пожиратель (газет)' – слвц. hltavec, hltoň, hltoš и редкое слово hlták – все в значении 'обжора', hltáňa 'женщина-обжора'.

Отдельные суффиксы из разряда общих с денотативной системой, а потому и наиболее близких по форме и по семантике в двух языках, обладают вместе с тем и специфическими особенностями непосредственно уже в системе коннотаций. Экспрессивы с суффиксом -ač, например, в словацком языке, в отличие от чешского обозначают не только носителя какого-либо признака или качества вместе с каким-либо, чаще пренебрежительно-фамильярным эмоциональным оттенком, например, fúzač 'усатый человек', но могут выражать и собирательное понятие, например, слвц. hnil'ač 'лентяи, дармоеды' (чеш. lepoši), spárač 'сброд, шайка' (чеш. havět'), pl'uhač 'шваль, нечисть' (чеш. nefádstvo), všivač 'голь, беднота' (чеш. všiváci, chamrad'). Собирательные словацкие экспрессивы на -ač образуются от основ с пейоративным значением и сохраняют присущую этим основам в высшей степени негативную эмоционально-оценочную характеристику.

Рассмотрение некоторых экспрессивов с точки зрения их структуры в чешском и словацком языках позволяет отметить, что в коннотативной системе словацкого языка шире, чем в чешском задействованы средства денотативной словообразовательной и морфологической системы языка, в то время как чешский язык активнее проявляет внутреннюю смысловую насыщенность, которая отчетливее проступает в процессах, близких к явлениям вторичной номинации.

На лексическом уровне чешские и словацкие экспрессивы обнаруживают значительное сходство, что объясняется прежде всего близостью исторических условий развития этих языков.

Немалая часть близких по форме и по семантике экспрессивных наименований приходится здесь на слова иностранного происхождения. В процессе исторического развития как чешского, так и словацкого языков доволь-

но сильное воздействие на них оказали латинский и немецкий языки, вследствие чего многие чешские и словацкие экспрессивы восходят к словам именно латинского или немецкого происхождения. Лексическое сходство большинства экспрессивов латинского и немецкого происхождения в чешском и словацком языках объясняется тем, что оба эти иностранных языка у предков современных чехов и словаков функционировали в прошлом почти в идентичных сферах языкового проявления. Латинский язык как у чехов, так и словаков долго господствовал в сфере культа (откуда берут начало такие, например, экспрессивы, как чеш. lamentovat/ слвц. lamentovať 'плакаться, убиваться' или чеш. и слвц. vagabund 'бродяга, вор'), активно употреблялся в административно-правовой терминологии (чеш. lejštro/ слвц. lajster 'канцелярский документ, бумага'), а также проникал в сферу обозначения нравственных понятий (чеш. bestie/ слвц. beštia 'изверг'). Существует, однако, мнение о более широком распространении латыни в средневековой Словакии, где в отдельных сферах языкового проявления и в частности, в области судебного и административного делопроизводства, она использовалась не только в письменной, но и в устной форме речи¹⁴. Это мнение в целом подтверждается также наличием несколько более обширного круга словацких экспрессивов латинского происхождения, по сравнению с чешскими. К таким словам относится, например, словацкий экспрессив kántrit' 'губить, уничтожать' (чеш. hubit, pičit), образованный от существительного kántru, обозначающего в церковной католической терминологии постные дни в начале каждого времени года, или словацкий экспрессивный глагол molestovat' 'мучить, досаждать' (чеш. otavovat) и некоторые иные латинизмы-экспрессивы, отсутствующие в чешском языке. Некоторые сходные в лексическом отношении экспрессивные наименования латинского происхождения отличаются в чешском и словацком языках тем, что, по свидетельству лексикографических источников, в чешский язык эти формы проникли через посредство немецкого языка, в то время как словацкий язык заимствовал их непосредственно из латыни, например, чеш. vehíkl/ слвц. vehikel' 'старая машина, тарантас';

чеш. *trmf*/слвц. *trmf* 'неопровержимый довод, козырь'¹⁵.

В процессе своего исторического развития чешский и словацкий языки испытали значительное воздействие также немецкого языка, что наложило свой отпечаток и на экспрессивную лексику этих языков, где тоже преобладают сходные наименования в соответствии со сферами распространения немецкого языка, к которым относятся прежде всего ремесло и торговля, ср.: чеш. и слвц. *machle* 'обман, мошенничество'; чеш. и слвц. *kšeft* 'нечестная сделка'; чеш. *šlak* / слвц. *šlak* 'удар, кондрашка' из устойчивого выражения: чеш. *aby tě šlak trefil* / слвц. *aby t'a šlak trafil* 'чтоб ты сох, чтоб тебя кондрашка хватила'.

Как известно, Словакия с X века вплоть до 1918 года не была самостоятельным государством, а входила в состав сначала Венгерского государства, а с середины XIX в. Австро-Венгерской монархии. Жизнь на протяжении десяти веков в мадьярском контексте не прошла бесследно для словацкого языка. Мадьярский элемент нашел отражение и в системе экспрессивных средств словацкого языка. На словообразовательном уровне это влияние проявилось в пейоративных словах с мадьярским суффиксом *-oš*, например, *hraboš* 'хапуга', *kradoš* 'вор', *sopl'oš* 'сопляк'. Кроме того, экспрессивная лексика словацкого языка содержит и некоторые лексические заимствования из венгерского, например, *mulatovať* 'шумно разговаривать', *šinter* 'непоседа, озорник', *világoš* 'драка' (от исторической битвы при Вилагоше в 1849 г.) и др., отсутствующие в чешском языке. Отдельные же словацкие экспрессивы образовались в результате более тесного взаимодействия словацкого и венгерского языков на лексико-семантическом уровне. Слово *cifra* в значении 'орнамент, украшение в рисунке, costume, танце, мелодии', например, из венгерского языка проникло как в чешский, так и в словацкий языки, однако в системе чешского языка оно выступает несколько изолированно, обособленно, в то время как в словацком языке это слово составляет основу целого ряда словацких экспрессивных наименований: *cifráň*, *cifráš*, *cifričkář* 'франт, щеголь', *cifrena*, *cifru'a*, *cifruša* 'франтиха, щеголиха', *Cifra*, *Cifrena*, *Cifruša* 'кличка рябой коровы'.

Лексический уровень экспрессивной лексики чешского и словацкого языков обнаруживает прежде всего неордина-

ковую их роль во взаимодействии друг с другом, а именно значительное преобладание воздействия чешского языка на словацкий.

Чешский язык сыграл значительную роль в судьбе словацкого языка. На протяжении почти трех веков, с XV по XVIII вв. он выступал в функции литературного языка словаков, которые тогда еще не имели своего нормированного письменного языка¹⁶. Кроме того и непосредственно в период образования словацкого литературного языка в середине XIX в. чешский язык в значительной степени способствовал формированию его литературной лексики, в частности словацкой научной терминологии¹⁷. Однако все это имеет отношение прежде всего к номинативной лексике словацкого языка, и лексические заимствования из чешского языка принадлежат главным образом к области номинативной лексики. Экспрессивная же лексика это особый тип слов. Доля экспрессивной лексики в литературном языке, как известно, весьма ограничена. В памятниках письменности экспрессивная лексика представлена чрезвычайно ущербно. Ограниченность проникновения чешских экспрессивов в словацкий язык письменным путем в прошлом усугублялась престижностью чешского языка для словаков в период отсутствия их собственной письменной языковой формы. Однако каждое слово в языке имеет свою историю и проходит разные этапы оценки, особенно в процессе развития литературной страты языка¹⁸. Экспрессивы же проникают из одного языка в другой главным образом устным путем, в процессе непосредственных живых контактов между носителями этих языков на протяжении длительного периода времени. О существовании таких контактов между чехами и словаками известно давно¹⁹, а вот выделение экспрессивов чешского происхождения в словацком языке относится совсем к недавнему времени и связано главным образом с разработкой теории функциональной стратификации словацкого национального языка, предпринятой словацкими учеными Я. Горечким²⁰, Я. Качалой²¹, Й. Мистриком²² и др.

Общеизвестно, что экспрессивная лексика является принадлежностью главным образом коммуникативной сферы языка, основу которой составляет такая форма его

существования, как обиходно-бытовое общение. Данная функциональная разновидность языка может у двух близкородственных языков обладать различным статусом. В функции обиходно-разговорного просторечия в чешском языке, например, выступает древнейший наддиалектный идиом *obesná čeština*, который имеет широкое распространение (им владеет практически каждый носитель чешского языка еще до поступления в школу) и весь пронизан специфическими особенностями в сравнении с литературным чешским языком на всех уровнях языковой системы²³. В словацком языке феномена, подобного чешскому просторечию *obesná čeština*, нет. В сфере повседневного непринужденного общения в словацком языке в настоящее время вместо диалекта все прочнее утверждается так называемый стандартный язык в его устной форме²⁴. В основе этого стандарта лежит словацкий литературный язык, содержащий, однако, определенные отклонения от нормы, происходящие из неофициальной формы его использования (т. е. в сфере неофициального общения) и которые сродни диалекту. Кроме того впервые в "Кратком словаре словацкого литературного языка"²⁵ в словацком языке была выделена новая, так называемая субстандартная страта, которая подобно диалектам и сленгу относится к нелитературным функциональным разновидностям словацкого национального языка, однако, в отличие от диалектов имеет общенародное распространение, а в отличие от сленгов не связана с какой-либо одной социально-производственной сферой употребления словацкого языка. Словацкий субстандарт, подобно чешской *obesné češtině*, составляет неотъемлемую часть словацкого национального языка, так как включает всем известные и часто употребляемые слова, которые служат цели оживления и поляризации литературного языка. Словацкий субстандарт, так же как и чешское просторечие, содержит наименования, которые стоят в оппозиции к литературной норме и которые по своему происхождению, словообразовательной структуре, высокой степени выражаемой ими экспрессии, главным образом, негативного характера, или по каким-либо другим параметрам оказались на периферии словацкого языка. Наряду с германизмами, латинизмами, мадьярами в

словацкий субстандарт входят и богемизмы, среди которых преобладают экспрессивы, например, слвц. *bibec* 'дурак', *kecat'* 'болтать', *makat'* 'усердствовать в работе', *spústa* 'масса, много' и др.

Выражение экспрессии на лексико-семантическом уровне связано с явлением вторичной номинации на основе тропа, имеющего характер метафорического переноса. Для коннотативной системы чешского и словацкого языков характерны типы метафорических переносов, способствующих возникновению экспрессии, которые распространены и в других языках, например, перенос названия с животных, птиц, рыб на людей, обладающих качеством, приущим или приписываемым этим существам: чеш. *beránek* / слвц. *bačánok* 'кроткий человек, ягненок'; чеш. *tokat jako tetřev* / слвц. *tokat' ako tetřov* 'быть по уши влюбленным' и т. д. Наряду, однако со сходством подобных экспрессивов по форме и по семантике в близкородственных языках наблюдаются и различия, заключающиеся в неодинаковом лексическом выражении одного и того же типа метафорического переноса с экспрессивным эффектом. Слово *сер* или *серу*, например, функционирует как в чешском, так и в словацком языке. Однако в чешском языке оно обозначает не только сельскохозяйственное орудие для обмолота – 'цеп, цепи' и средневековое оружие периода гуситских войн, но во фразеологически связанном употреблении соотносится с муштровкой, дрессировкой (*vzít někoho do seri* 'взять кого-либо в оборот, в ежовые рукавицы'). Данный чешский фразеологизм восходит к прямому номинативному употреблению этого оборота, который первоначально обозначал конкретный акт пленения, нанесения увечья или даже умерщвления противника при помощи цепов в ходе битвы в период гуситских войн, в которых прежде всего и самое непосредственное участие принимали именно чехи. Вследствие этого далее в чешском языке образовался экспрессивный глагол *serovat* в значении 'строго учить, воспитывать; муштровать'. В словацком языке это значение выражается глаголом *křesat'*, который известен и чешскому языку (наряду с другими славянскими языками), однако там он обозначает только 'тесать, обтесывать' и 'высекать огонь' (чеш. *křesat*), в то время как

в словацком языке кроме всего этого за данным глаголом закреплено и экспрессивное значение 'строго воспитывать' (т. е. то же направление, что и в русском экспрессиве *неотесанный*). Таким образом, характерный для коннотативной системы семантический "шаг" – перенос названия физического действия в этическую, нравственную сферу – получил в близкородственных языках различное выражение. Коннотативная лексика как чешского, так и словацкого языков располагает, безусловно, индивидуальными, специфическими, характерными только для одного какого-нибудь из этих двух языков экспрессивами, возникшими на основе вторичной номинации. Глагол *fágat'*, например, в словацком языке кроме номинативного значения 'работать в шахте', известного и в чешском языке, имеет и экспрессивное значение 'спешить, торопиться; убираться по добру-поздорову' (чеш. *relážit*). В словацком языке, например, названия музыкальных инструментов, таких как *basa* 'контрабас' или *harfa* 'арфа' часто употребляются по отношению к полным женщинам. Однако в целом представляется, что коннотация на основе тропа более характерна для чешского языка. В чешском языке значительно больше подобных экспрессивов, по сравнению со словацким. Слово *babines* полностью тождественно в чешском и словацком языках по своему денотативному значению 'переднее помещение в храме, где обычно перед службой собирались нищие женщины', однако переносное экспрессивно окрашенное осмысление этого слова как 'место скопления, сборища женщин вообще' развилось только в чешском языке. Существительное *svok* в значении 'гвоздь' чешский и словацкий языки вместе заимствовали из немецкого языка, но *svok* в экспрессивном значении 'дурак, бестолочь' в настоящее время выступает в живом активном употреблении только в чешском языке (слвц. *šibnutý, traťený, mešom udretý človek*). Некоторые другие примеры: чеш. *sed'ak* 'ливень' (слвц. *lejak, leja, lejavec, lejavica*); чеш. *merčit* 1. 'чувять, предчувствовать' 2. 'таращиться' (слвц. 1. *vetrit'*; 2. *zízat', kukat'*); чеш. *mazaný* 'ловкий, шустрый, пронирыливый' (слвц. *vubitý, prebitý*) и др.

В отдельных случаях возникновению сходного экспрессива в двух близкородственных языках препятствуют не-

идентичные социальные условия актуализации экспрессии у исходного денотатива. Слово *houplě* в чешском и *huľa* в словацком языках, например, обозначают длинный тулуп или просто покрывало из грубой овчины. Это слово соотносится с реалией, которая служит неотъемлемой принадлежностью пастухов, особенно в горах, т. е. для словаков она, может быть, даже более жизненно важна и необходима, чем для чехов. Вместе с тем, вопреки ожидаемому, именно в словацком засвидетельствован более ограниченный словообразовательный ряд от этого слова, по сравнению с чешским языком. Среди дериватов от слова *houplě* в чешском языке, которых нет в словацком, функционирует также экспрессив *huňáč* 'косматый, волосатый человек или зверь', а также другие связанные с этим значением наименования. Словацкий язык также обнаруживает проникновение производных от *huľa* в сферу отрицательных эмоций, ср., например, *hunisko* 1. 'плохой тулуп' и 2. 'тряпка для чистки обуви'²⁶, но только до известного предела, т. е. допускается возможность негативного обозначения только неодушевленных предметов. Слово *huňáč* как негативное обозначение человека не получило развития на словацкой почве, возможно, в силу ассоциаций со словом *Hun* 'гунн', которое в чешском языке обозначало представителя одного из древних кочевых азиатских племен, а в словацком – предка мадьяр, представителей господствующего класса.

Экспрессивы близкородственных языков довольно часто различаются стилистически. В ряду соответствий экспрессивов по разнообразным стилистическим признакам в близкородственных языках непременно встречаются соответствия, когда слова отличаются только выраженностью или невыраженностью экспрессии, т. е. когда одно и то же слово с одним и тем же значением в одном языке выступает как экспрессив, а в другом как стилистически нейтральное наименование. Смысловая структура прилагательного *mizetný*, образованного от латинского слова *misericordia* 'нищета', помимо одного общего для чешского и словацкого языков экспрессивного значения 'ничтожно малый, незначительный' включает еще одно значение, которое в словацком языке интерпретируется как экспрессивное – 'подлый, ничтожный', а в чешском как стилистически ней-

тральное – 'не соответствующий нравственному стандарту, плохой'. Появлению у прилагательного *mizerný* последних значений способствовало широкое употребление в чешском и словацком языках одной общей расхожей конструкции чеш. *zradit' / слов. zradit' za mizerný groš* 'продать, предать за жалкие гроши', которая основана на библейском сюжете о продаже Христа Иудой за 30 серебрянников. Устойчивость данного выражения, широта его распространения могли способствовать развитию признака количественного понятия в признак нравственного понятия, к которому могло быть и разное человеческое отношение. Словацкий язык в данном случае отразил субъективное, более конкретное отношение к признаку нравственного понятия, приобретенному прилагательным *mizerný*, в соответствии с чисто человеческой оценкой самого факта предательства, в то время как чешский язык закрепил более объективированное, абстрагированное отношение, в соответствии с традициями трактовки библейских сюжетов как нравоучительных фактов.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Коль скоро экспрессия – это определенное содержание, смысл, имеющий особый характер, средства выражения экспрессии близки средствам выражения номинативного смысла.

2. Для выявления природы экспрессии необходимо исследовать все уровни языка во взаимодействии.

3. Сопоставительный метод исследования позволяет выявить не только особенности коннотативной системы каждого языка в отдельности, но и глубже проникнуть в природу самой коннотации.

4. В системе двух близкородственных языков именно коннотативная подсистема в более значительной степени отражает своеобразие и специфические особенности каждого языка, так как именно коннотация, в отличие от номинации, более тесно связана с таким емким понятием, как человеческая оценка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dolník J. Lexikálne vyjadrenie citového hodnotenia // Slovenská reč, 54, 1989, 1. S. 30.

2. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск, 1986. С. 201.

3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. С. 10.

4. Machek J. Etymologický slovník jazyka českého. – Praha, 1971. S. 13, 14.

5. Hauser P. Nauka o slovní zásobě. – Praha, 1980. S. 49.

6. Габовштяк А. Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексикологии // Советское славяноведение, 1981, 5. С. 63.

7. Němec I. Vývojové postupy české slovní zásoby. – Praha, 1971. S. 126.

8. См.: Hauser P. Op. cit. S. 49.

9. Šmilauer V. Novočeské tvoření slov. – Praha, 1971. S. 35.

10. См.: Šmilauer V. Op. cit. S. 35.

11. Pikorová-Bartáková M. Slovenské sémantické ekvivalenty k českým konvertovaným činiteľ'ským názvom typu *nimra, babra, dipla* // Acta Universitatis Carolinae. Philologica, 4–5. Slavica Pragensia, XXV. – Praha, 1982. S. 102.

12. Šmilauer V. Nauka o českém jazyku. – Praha, 1972. S. 94.

13. Horecký J. Slovenská lexikológia. – Bratislava, 1971. S. 107.

14. Dorul'a J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. – Bratislava, 1971. S. 25.

15. Slovník spisovného jazyka českého, I–IV. – Praha, 1958–1971; Ivanová-Šalingová M., Maníková Z. Slovník cudzích slov. – Bratislava, 1979.

16. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny I. – Bratislava, 1971. S. 31.

17. Horecký J. K charakteristike štúrovského lexika // Linguistica slovacca, 4–6. – Bratislava, 1946–1948. S. 287.

18. Pisárčiková M. Miesto subštandardných slov v slovnej zásobe // Slovenská reč, 53, 1988, 3. S. 147.

19. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka I. – Bratislava, 1967. S. 268.

20. Horecký J. Východiská k teórii spisovného jazyka // Z teórie spisovného jazyka. Red. J. Ružička. Bratislava, 1979. S. 13–22.

21. Kačala J. Subštandardné slová v Krátkom slovníku slovenského jazyka // Slovenská reč, 48, 1983. S. 289–293.

22. Mistrík J. Štylistika. – Bratislava, 1985.

23. Нецименко Г. П. Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985. С. 70.

24. Horecký J. Spoločnosť a jazyk. – Bratislava, 1982. S. 56.

25. Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala. – Bratislava, 1987.

26. Kálal M.-Kálal K. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. – Banská Bystrica, 1923.

ИСТОЧНИКИ

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Red. J. Filipek a F. Daneš. – Praha, 1978.

Slovník slovenského jazyka 1–6. – Bratislava, 1959–1968.

Gašparíkova Z., Kamiš A. Slovensko-český slovník. – Praha, 1967.

Česko-slovenský slovník. Red. G. Horák. – Bratislava, 1979.

ФАМИЛИИ ЗАКАРПАТСКИХ СЛОВАКОВ

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. в Закарпатской области Украинской ССР проживало 8,245 словаков, что составляет 0,7 % от общего количества населения. Больше половины словаков (4269 человек) живет в областном центре – г. Ужгороде, а остальные – во всех 13 районах области: в Ужгородском районе – 987, в г. Мукачево – 575, в Свалявском районе – 493, в Перечинском – 332, Мукачевском – 317, Кршавском – 310, Великоберезнянском – 246, Береговском – 227, Виноградовском – 145, Раховском – 93, Хустском – 92, Воловецком – 76, Тячевском – 69 и Межгорском – 18 человек*.

Населенных пунктов со сплошным словацким населением в области нет. Закарпатские словаки живут диаспорой – преимущественно в украинском, реже – в венгерском окружении небольшими группами. Общее количество населенных пунктов, в которых проживают словаки, превышает 150, но ни в одном из них они не составляют большинства. В области насчитывается 20 населенных пунктов, в которых количество словацких семей превышает 10. Это такие, как Ужгород – около 1000, Сторожница – свыше 100, Перечин, Свалява – почти по 50, Середнее – около 40, Антонивка, Великий Березный, Турья Ремета, Турья-Пасека, Мукачево, Шелестово, Довгое – по 30, Гута, Жорнава, Забродь – по 15–20 и Камяница, Кленовец, Чинадиево, Виноградов, Межгорье – примерно по 10 семей. Последовательность размещения перечисленных пунктов обусловлена двумя факторами – близостью к словацкому этническому

* Приведенные статистические данные в общем близки к действительности, хотя имеются и отклонения от них. Так, например, известно, что в ряде населенных пунктов области, начиная с 1946 г., словаками записывают себя некоторые немцы и венгры. С другой стороны, генетические словаки, особенно члены смешанных браков и их дети, иногда записывают себя украинцами. Поэтому в данной статье, говоря о фамилиях словаков, мы исходим не столько из того, кто записан словаком, сколько из того, кто пользуется в быту словацким языком.

массиву (по мере отдаления от государственной границы с ЧСФР число словаков уменьшается) и наличием традиционных промышленных предприятий: традиционный вид занятий закарпатских словаков – ремесленное дело (слесари, токари, кузнецы, жестянщики, стекольщики, каменщики, столяры, мебельщики...) и только у незначительной части – земледелие, садоводство, виноделие.

Закарпатские словаки еще осознают свою национальную принадлежность, берегут национальную культуру в виде традиционных народных обычаев, устного народного творчества и родного языка. В условиях отсутствия национальных школ, детских и других учреждений на словацком языке значительная роль в поддержке национального самосознания закарпатских словаков принадлежит чехословацкому телевидению и радиовещанию.

В семейном кругу и среди близких почти все закарпатские словаки разговаривают на родном восточнословацком говоре. На работе и в общественной жизни они пользуются, как правило, украинским, реже – русским, а в южной полосе области – и венгерским языком. Словацким литературным языком (тем более его письменной формой) они не владеют¹. Специфические черты восточнословацкого говора проявляются не только в устной речи словаков, но и во многих фамилиях, именах. Фонетические особенности говора выражаются, прежде всего, в неразличении долгих и кратких гласных, в отсутствии дифтонгов и слогообразующих г, л, в парокситоническом ударении, в последовательном дзеканьи и цеканьи.

До 1946 г., когда значительная часть закарпатских словаков в соответствии с договором между советским и чехословацким правительствами выехали на постоянное место жительства в Чехословакию, удельный вес словаков на территории края был более значительным. В нескольких населенных пунктах (Сторожница, Гута, В. Березный, Турья Ремета и др.), словаки составляли компактные этнические группы, объединяемые не только обычаями, религией и языком, но и начальной, а в Ужгороде и неполной средней школой (meštianska škola) на родном словацком языке. Вплоть до первой мировой войны в Ужгородском 66 полку даже обучение солдат велось на словацком языке. Не слу-

чайно А. Л. Петров указывает, что словацкий язык в Австро-Венгрии считался четвертым официальным языком². А ужгородские цыгане до недавнего времени все наряду с родным цыганским свободно пользовались и восточнословацким диалектом.

Первые упоминания о словаках в Закарпатье, в частности в западных его районах, восходят к позднему Средневековью. Местные латиноязычные документы чаще всего именуют их традиционным венгерским этнонимом *tót* (*toth*, *thoth*), а с XVII в. – этнонимами *szlovak*, *Szloviak*, *Szotak*³. Что же касается словаков за пределами Ужгорода и его окрестностей, то их появление там связано уже с переселенческими движениями XVIII–XIX вв.⁴ В поисках квалифицированной рабочей силы для создаваемых капиталистических предприятий по добыче и выплавке железной руды, по производству поташа, стекла, древесинного угля и т. п. местные власти часто приглашали специалистов из восточных районов Словакии, где к тому времени названные виды производства уже существовали. Вместе со словаками и украинцами в числе таких приглашенных специалистов в Закарпатье приходили и ципцеры, т. е. спишские немцы, о чем свидетельствует и антропонимия. Следовательно, закарпатские словаки генетически неоднородны: если в сельской местности, например, в Сторожнице, немецкая примесь минимальна, то в городах и рабочих поселках удельный вес немецких фамилий среди словаков довольно значителен.

Цель данной статьи – показать место фамилий современных словаков Закарпатской области на фоне фамилий других национальностей Карпатского региона. Все собранные фамилии словаков рассматриваем в трех аспектах – лексикологическом, ономазиологическом и этимологическом. Полагаем, что такой подход поможет уточнить некоторые вопросы, связанные с поселением словаков в Закарпатье.

Общеизвестно, что фамилии в наши дни составляют обязательный класс официальной системы именования почти у каждой нации. Исходя из этого, функционирующие в Закарпатье фамилии словаков следовало бы записывать графическими средствами словацкого языка. Однако

поскольку нормы словацкого литературного языка на фамилии закарпатских словаков никогда не распространялись (теперь их записывают по-украински и по-русски, а раньше записывали по-латински, по-венгерски и по-чешски), то мы передаем их звучание средствами украинской фонематической транскрипции. Фиксация украинского звучания фамилий словаков в нашем случае имеет по крайней мере два оправдания: во-первых, она не придумывает ничего искусственного, чего в природе не существовало до сих пор, а во-вторых, иллюстрирует степень адаптации исследуемых лексем к окружающей языковой среде.

В настоящее время у закарпатских словаков насчитывается около 900 разных фамилий. Некоторые из них повторяются по нескольким населенным пунктам (напр., *Балаж*, *Барч*, *Бен'ак*, *Бодак*, *Вербовс'кий*, *Волф*, *Врабел'*, *Гавран*, *Гайніш*, *Гейдел*, *Герцеґ*, *Главац'кий*, *Горн'ак*, *Гудак*, *Завац'кий*, *Іжак*, *Йановс'кий*, *Йаночко*, *Кошчак*, *Куберка*, *Кукуч*, *Ланда*, *Лукачик*, *Новак*, *Новотный*, *Нусер*, *Павлик*, *Повхан*, *Самко*, *Світел'с'кий*, *Секар'ак*, *Смол'ар*, *Сташко*, *Шванда...*), но преобладающее большинство фамилий функционирует только в одном населенном пункте, да и там каждая представлена двумя-тремя семьями. Следовательно, фамилии словаков в Закарпатье не принадлежат к древнему слою местного антропонимикона.

Многие фамилии закарпатских словаков (около 30 %) повторяют фамилии местных украинцев (напр., *Амбрух*, *Бабинец'*, *Баран*, *Бенко*, *Бескід*, *Білик*, *Бобалик*, *Бодак*, *Боднар*, *Бунда*, *Бучко*, *Вал'ко*, *Вішн'овс'кий*, *Гал'чик*, *Ганич*, *Гасинец'*, *Грабовс'кий*, *Грин'о*, *Гриц'*, *Дан'о*, *Донич*, *Дуб*, *Завад'ак* и т. п.), а некоторые – фамилии местных венгров (напр., *Алберт*, *Балла*, *Бийреш*, *Бігорі*, *Герцеґ*, *Габор*, *Деметер*, *Еврі*, *Іллийш...*) или немцев (напр., *Бавер*, *Біркнер*, *Волф*, *Грін*, *Клайн...*). Определенная часть подобных фамилий могла возникнуть самостоятельно (независимо) у каждого из названных здесь трех народов, но более вероятно, что общность фамилий здесь указывает и на общность происхождения их носителей от одного предка.

Укажем и на то, что среди таких общих фамилий имеются фамилии с однозначно украинскими языковыми чертами (напр., *Біланчик*, *Бучко*, *Іл'ко*, *Козарук*, *Коштура*,

Кундрич, Макуха, Панас, Повхан, Федорко, Федич...), есть фамилии словацкого происхождения (напр., *Бланар, Бреза, Йан'ичко, Коцур, Н'емец, Нетруфал, Препійак...*), берут фамилии явно венгерские (ср.: *Ембер, Йовнаш, Молнар, Раді, Ратвай, Рийвіс, Сеґеді...*), но находятся и такие, которые нельзя однозначно отнести к какой-то только одной национальной группе (напр., фамилии *Бунда, Горваз, Йугас, Ковач, Кухта, Лукач, Мейсарош, Мочар, Руснак, Сідор, Товт...*), поскольку производящие их основы бытуют уже длительное время в местных говорах всех трех названных языков. Следовательно, в становление современного антропонимикона закарпатских словаков внесли свой вклад не только словаки, но и представители других народов данного региона.

В ономаσιологическом отношении фамилии закарпатских словаков мало отличаются от фамилий их собратьев, проживающих в ЧСФР: Более 60 % фамилий приходится на лексемы, характеризовавшие основателя рода по чертам, заложенным в нем самом. Фамилии же, характеризующие родоначальника по отношению к его родителям, у закарпатских словаков составляют лишь немногим более 30 %. Основными мотивирующими признаками, служившими опорой при получении фамилии (а точнее – наследственного прозвища), были следующие: а) личное имя нарицаемого; б) территориальное происхождение именуемого; в) род деятельности или вид занятия денотата; г) место именуемого в коллективе; д) внешние (физические) черты; е) внутренние (психические) особенности; ж) этнический признак.

Рассмотрим роль каждого из перечисленных признаков отдельно.

а) Личное имя в роли фамилии. Фамилиями, как и другими именованьями, возникающими в результате вторичной номинации, могли становиться собственные личные имена самой различной структуры, этимологии и экспрессии. Избирательность лексем при вхождении их в класс фамилий зависела от того, насколько успешно выполняло имя индивидуализирующую функцию в конкретной среде. Поэтому фамилиями, как правило, становились гипокористические имена низкой частотности употребления или

просто имена, мало типичные для данной местности в период фамилиетворчества.

Примечательно, что наряду со словацкими специфическими вариантами личных имен типа *Бартко, Бенда, Бенко, Блага, Дан'о, Йакуш, Йарош, Матей, Новак, Павлик, Самко, Тімко, Шімон...*, а также вариантами, свойственными некоторым другим западноевропейским народам, как *Алберт, Геддеон, Герга(р)т, Гілперт, Йосиф, Макс, Оліфер, Йордан, Освальд, Петер, Рудолф, Саламон, Сатур, Сідор, Філіп, Фортуна...*, фамилиями словаков нередко становились собственно украинские варианты личных имен типа *Грен'о, Гриц', Данко, Ігнат, Іл'ко, Климко, Куріш (Кирило), Левко, Л'аш (Ілля), Панас, Панфілій, Параска, Петраш, Руско, Стас'о, Сташко, Федорко, Фед'о, Хома...*, специфически венгерские варианты, типа *Балаж, Балла, Вінце, Габор, Деметер, Іжак, Іллийш, Лукач, Мігал', Ондок, Орбан, Шандор...*, немецкие варианты типа *Барч (Варфоломей) Волф, Ганзел, Гілперт, Гутлібет (Готлиб), Петерлі, Франц, Штіфіл'...*, варианты южнославянские типа *Бейа, Веселин, Гуштан, Дайко, Петко, Цан, Цвейкуш, Цуц...*, румынские именные варианты типа *Недро*, греческие варианты типа *Гандреас*, еврейские образования типа *Мендел'*.

Заметную группу среди фамилий закарпатских словаков составляют древнеславянские личные имена, восходящие к языческим временам: Ср. фамилии *Белас, Брат, Брен'о, Бучко, Вида, Гайч, Гайніш, Вітек, Войтко, Войак, Заборец', Залом, Духан', Кохан, Лех, Малец, Недоба, Сопко, Чесла...* Память о многих христианских, как и о дохристианских личных именах, сохраняют также основы фамилий морфологического способа образования (см. дальше).

б) Территориальный признак. Около 100 фамилий закарпатских словаков мотивированы названиями местности, из которой вышел основатель рода. В большинстве случаев образующие основы таких фамилий указывают на населенные пункты, находящиеся на словацкой этнической территории. Ср. фамилии: *Бежовс'кий, Бобровс'кий, Брезинс'кий, Брезовс'кий, Буковинс'кий, Буковчак, Вербовс'кий, Вішн'овс'кий, Камінс'кий, Мал'чиц'кий, Мат'ашовс'кий, Оградзанс'кий, Озоровці, Ол'шовс'кий, Порубс'кий, Потуц'кий, Ремец'кий, Роземберс'кий, Рудн'ан'*

с'кий, Сейковс'кий, Смерчан'ї, Томашовс'кий, Человс'кий, Шамудовс'кий и т. п. и названия сел Восточнословацкого края: Бежовце, Бобровец, Брезина, Брезов, Буковина, Буковец, Врбов, Врбовце, Вишнев, Камиенка, Мальчице, Мятяшовце, Оградзаны, Озоровце, Ольшов, Поруба, Поток, Ремета, Розенберг, (Ружомберок), Рудняны, Сейков, Смерчань, Томашовце, Турани, Челов, Шамудовце и др.⁵. Но есть среди них и такие, которые хранят память об украинских (Бістрай, Пчолинс'кий, Рейпаші, Стрипс'кий, Сулинчак, Хмільниц'кий, Шн'їнс'кий...) или венгерских населенных пунктах (Бахт'ан, Галоцкі, Зомборі, Палойі, Сегеді...).

Образующими основами у таких фамилий могут служить и макротопонимы (ср.: *Бескід, Бігорі, Кройер, Оравец', Спішак*), и топоапеллятивы (ср.: *Вийгеші, Велді, Гренцер, Конечный, Кон'чанс'кий, Копанс'кий, Мочар, Пшеграц'кий*), а словообразующими формантами – и венгерский суффикс -і (*Бістрай, Нанаші, Новг'радї, Орлай, Павловці, Палойі, Петровай, Раковці, Туровці...*), и немецкий суффикс -ег (ср.: *Кройер, Познар, Сілцер*).

Сопоставление нынешних мест проживания носителей фамилий, мотивированных территориальным признаком, с локализацией населенных пунктов, от которых они образованы, показывает, что основным направлением миграционного процесса у закарпатских словаков было то, которое брало свое начало в восточных и центральных районах Восточной Словакии.

в) Род деятельности. Родом деятельности или видом занятия основателя рода у закарпатских словаков мотивировано почти 80 фамилий. Именно эти фамилии лучше и полнее всего характеризуют традиционную трудовую деятельность местных словаков в XVII–XVIII вв., а также их связи с представителями соседних народов.

Мотивирующие основы этих фамилий ни в семантическом, ни в генетическом отношении не однородны. Среди них имеются и славянские, и венгерские, и германские, и романские лексемы, о чем см. ниже. Но наиболее показательно то, что подавляющее большинство таких фамилий принадлежит к названиям, связанным не с сельским хо-

зяйством, а с городским образом жизни, с ремесленным делом, кустарным производством, цеховыми организациями, добычей руды, металла... Ср. фамилии *Бавер, Бардош, Беднарик, Бердар', Бланар', Гарчар', Гейфнер, Гудак, Гутник, Дзвонарик, Кадаш, Кадлец, Качмар, Кнап, Кн'ежник, Ковал'чик, Ковачик, Котлар, Крафчик, Кухар', Кухта, Машл'ар', Мейсарош, Мелник, Митник, Молнар, Поташник, Рийвіс, Рїмар, Сабов, Сатлер, Смол'ар', Сол'аник, Ступар, Талпаш, Танцер, Танцлер, Ткач, Шатник, Швеи, Шїтив, Шїц, Шлосар, Шрайбер, Штолба, Штулер* и др.

Фамилий, мотивированных названиями сельских видов занятий (земледелие, огородничество, садоводство, скотоводство, рыболовство...), среди закарпатских словаков намного меньше. Ср: *Бача, Галас, Газдич, Гойер, Гул'аш, Йугас, Козарик, Коневалик, Пастерак, Шефер* и т. п. По охвату и набору специальностей фамилии закарпатских словаков ближе к фамилиям немцев⁶, нежели к фамилиям закарпатских украинцев, мотивированным названиями профессий и занятий⁷.

г) Место именуемого в коллективе. Разряд фамилий, указывающих на место денотата в семье, окружающей среде, не богат. Он представлен четырьмя десятками названий должностей, титулов, терминов родства, свойства и близкими к ним по значению лексемами, которые прямо или метафорически характеризовали родоначальника. Ср., в частности: *Бабинец', Беген'ї, Бийреш, Біровчак, Владика, Вуйчик, Герцег, Годжа, Гуменик, Дворак, Драбішчак, Ембер, Кайзер, Кмечик, Крал', Кралик, Крул', Ладика, Новотный, Олер, Пасерба, Подлесний, Попович, Райхел, Райц, Редник, Сват, Семач, Стрічек, Хованец, Четник, Шкултеті, Шолтес*.

д) Внешние черты. Внешний вид денотата послужил мотивом для возникновения почти 50 фамилий закарпатских словаков. Многие использованные лексемы своим прямым значением характеризуют своего родоначальника по таким его физическим параметрам, как рост, полнота, цвет кожи или волос, увечье, опрятность, особенности одежды и т. п. Ср.: *Бел'ушчак, Білик, Бородко, Босак, Бродич, Вранец, Вращчак, Гардон', Главатий, Гот'аш, Грін, Гросош, Грубі, Грус, Дз'оба, Дробик, Зизич, Клайн, Корин'а-*

вый, Кучмаш, Лобанич, Мал'ованец', Масный, Посипанка, Плешко, Пуглик, С'ідик, С'ірко, Фегер, Худ'ій, Чідаш, Шварц, Шарик, Шарина, Шрамик, Шчербанич и т. п. Другие фамилии характеризуют именуемого только метафорически посредством названий животных, растений, предметов быта, орудий производства, веществ.

К названиям животных восходят, в частности, фамилии Баран, Бузар, Врabel', Гаеран, Говл'ан, Зозул'ак, Квич, Когут, Комар, Коцур, Кукуц, Окс, Пайоні, Плиска, Повхан, Рогач, Січ, Славік, Страчак, Фукс, Хруст, Цица, Штраус, к названиям растений – фамилии Бреза, Бук, Грибович, Грушчак, Дуб, Йагудка, Капустей, Копривн'ак, Лобода, Лопух, Мареевка, Огурчак, Репка, Ріпа, Сливка, Сосн'ак, Стромович, к названиям предметов быта, орудий производства и веществ – фамилии Айстер, Варица, Драпач, Дратва, Карабинчак, Карбованец', Кл'учик, Коштура, Крупа, Макуха, Лойа, Нагавичка, Нагалка, Нажел, Начмаж, Підковйак, Пітел, Пухір', Писак, Секер'ак, Скиба, Шип, Шкр'абак, Шпелник, Шпонтанк и др.

е) Внутренние особенности. Фамилий, ориентированных на внутренние (психические) черты денотата, намного меньше. Ср., в частности: Бабак, Вікук, Гердин'с'кий, Голондн'ак, Дужак, Йуні, Мудрий, Неверкла, Незбайло, Нідел, Нетруфал, Пішні, Плашіл, Препійак, Слашт'ан, Спех, Таран, Турпак, Файник, Фрелик, Халус, Чесник, Шнелцер и др.

ж) Этнический признак. Фамилий, образованных от основ, которые непосредственно мотивируют национальное происхождение денотата, у закарпатских словаков немногим больше 10. Это такие, как Лахита (< vlaš "волах"? + -ita), Л'аховец', Мурин, Н'емец, Руснак, Словйак, Словйанин, Словйан, Тірпак, Товт, Товтин, Турек, Чех, Шведа.

Среди фамилий морфологического способа образования (а их у закарпатских словаков около 300), явно преобладают именованья, полученные основателями родов по их отцовской линии. Исключительно патронимическую функцию у местных словаков, как и у других славян, выполняли исконно патронимические суффиксы -ович, -инец'. Ср. фамилии Баранович, Гакович, Грибович, Іваш-

кович, Йацкович, Канчович, Микович, Пасербович, Стромович, Л'аховец' и др. Основа каждого из них содержит или имя, или прозвище родоначальника по мужской линии.

Формальными показателями патронимической мотивировки часто являются и генетически деминутивные суффиксы -ик, -чик, -ек, -ок, -ко, -ка, -ук, -ец' (ср.: Андрейчик, Андрашчик, Андрик, Андрушик, Бараник, Беднарчик, Бендик, Бен'чик, Білан'чик, Ваник, Вуйчик, Гал'чик, Гуменик, Дворовчик, Дзвонарик, Дзуровчик, Ігнатик, Йациник, Йежик, Йіжарик, Кмечик, Козарик, Коневалик, Котларчик, Кріштофорик, Крулик, Кубовчик, Кундрачик, Лабик, Лойзик, Лукачик, Мен'чик, Мігалик, Павловчик, Піпик, Публик, Рахунік, Славік, Томчик, Федик, Ференчик, Худик, Ілічек, Йозефек, Кремечек, Мацек, Процек, Сімечек, Шрамек, Гудачок, Скоранек, Бородко, Вал'ко, Йазелко, Йан'ічко, Йаночко, Кричко, Ліпко, Ондричко, Шмідко, Куберка, Нагавичка, Козарук, Йурец', Шміланец' и др.), суффиксы -ов, -овс'кий, выражавшие первоначально индивидуальную и соответственно коллективную принадлежность (ср.: Гмітров, Жіров, Ігнат'ов, Барановс'кий, Бен'ковс'кий, Войцеховс'кий, Йановс'кий, Лабовс'кий, Пол'аковс'кий, Романовс'кий, Ставровс'кий и т. п.).

Отцовским, а не материнским именованием мотивированы также фамилии с формантом -а восходящим к флексии род. падежа ед. числа (genitivus possessivus) у образованного типа Дробка, Кирила, Когутка, Комеса, Котора, Ласка, Латка, Лева, Лойа, Мацейка, Мікеска, Мікла, Мілка, Мітура, Посипанка, Чіліпка.

Что же касается других суффиксов, выражающих родственные связи, как -ич, -ин, -инец', -'ак, -ка, -ей, -с'кий, -ц'кий, -і, то они несоднозначны: каждый из них мог сочетаться как с отцовским, так и с материнским именованием. Ср. фамилии Микулич, Ондич (от мужских имен Микула, Онда) с фамилиями Ганич, Мариц (от женских имен Ган'а, Мар'а, Наст'а); фамилии Дзуринец', Чепинец' (от мужских имен Дзура "Юра", Чепан "Степан") с фамилиями Бабинец', Гасинец' (от женских именованья баба, Гас'а "Агафья"); фамилии Бен'ак, Демчак (от мужских имен Бен'о, Демко) с фамилиями Біровчак, Ганушчак, Грушчак, Дун'чак, Зозул'ак, Марінчак, Марчак, Секер'ак,

Тітчак, Страчак, Тан'чак, которые удовлетворительно мотивируются и как патронимические, и как матронимические.

Неоднородными в данном отношении являются и образования с адъективными суффиксами *-ин, -инс'кий, -с'кий, -ц'кий* (ср., фамилии *Микулин, Рабатин, Шпортин, Жел'інс'кий, Липин'с'кий, Федин'с'кий, Гердин'с'кий, Главац'кий, Слабс'кий*), фамилии с атрибутивным суффиксом *-ан* (ср.: *Бахт'ан, Бертан, Бешан, Кітан, Кошан, Остійан, Повхан*), фамилии с суффиксами *-ей, -ай*, (ср.: *Горкей, Гулей, Гурей, Капустей, Личкей, Ломпей, Солей, Соломей, Сулей, Дубай, Локай, Ревай*), фамилии с суффиксом *-ка* (ср.: *Бандурка, Куберка, Кубічка, Нагавичка, Репка*), а также венгерские собственно фамильные образования с суффиксом *-і* (ср.: *Дорі, Кріштофорі, Лан'і, Раді, Роснакі, Фані, Ференці, Чакі, Чаті*).

Фамилий, мотивированных материнским именованием, у закарпатских словаков очень мало, и сосредоточены они в пределах словообразовательных типов с суффиксами *-ич, -ин, -инец', -'ак*. Однако показателем матронимичности является не столько суффикс, сколько дофамильное содержание производящей основы. Кроме того, что матронимические фамилии могут быть мотивированы женскими личными именами (ср.: *Ганич, Калинич, Мариц, Гасинец', Марил'ак*), в ряде случаев они мотивируются андронимами на *-ан'а, -ул'а, -овка, -ка* (ср.: *Лабанич, Фунданич, Шчербанич, Грешкулич, Савулич, Буловчак, Бучинчак, Гайдошчак, Ганушчак, Карабинчак, Костинчак, Марцінчак, Петерчак*, где производящей основой являются андронимы *Лабан'а, Фундан'а, Шчербан'а, Грешкул'а, Савул'а, Буловка, Бучинка, Гайдошка, Гануска, Карабинка, Костинка, Марцінка, Петерка*).

Количество немотивированных фамилий достигает 50 (см. ниже).

В этимологическом отношении фамилии закарпатских украинцев образуют роскошную мозаичную картину. Около 60 % из них составляют лексемы, находящие вполне удовлетворительную этимологическую интерпретацию в пределах средств и способов словацкого языка дофамильного периода. В эти 60 %, кроме собственно (генетически) сло-

вацких, включаем также ряд лексем, не обладающих специфическими чертами словацкого языка, но и не противоречащих его фонетической, лексической и словообразовательной системам. Следовательно, к словацким здесь относим также образования, которые почти с таким же правом можно было бы причислить и к украинским, и к польским, и к чешским, и к словенским, то есть своеобразные межславянские фамилии. Например: *Баран, Барановс'кий, Бодак, Брат, Бук, Буковин'с'кий, Вішчак, Вішн'овс'кий, Владика, Возар', Войак, Войтко, Дворак, Дуб, Завад'ак, Залом, Івашкович, Йаворс'кий, Йурец', Кл'учик, Ковачик, Комар, Конечный, Копан'с'кий, Косак, Котлар, Крафчик, Крайн'ак, Кричко, Крупа, Кулик, Левчак, Липн'анс'кий, Лобанич, Лойа, Лопух, Л'аховец', Малец', Масний, Мелник, Митник, Мочар, Мудрий, Нагавичка, Недоба, Новак, Павлик, Петраш, Петрушка, Плетеник, Попович, Потоц'кий, Рогалик, Рогач, Руд'н'ан'с'кий, Руско, Самко, Сват, Сливка, Смол'ар', Сол'аник, Сопко, Сосн'ак, Сташко, Ступар, Ткач, Томчик, Хмелик, Худик, Чесла, Чесник, Швец* и ряд других.

Сюда же, то есть к указанным 60 % относим также лексемы, заимствованные и освоенные словаками до XIX века на уровне апеллятивов, этнонимов и собственных личных имен. Например, фамилии *Алберт, Антоній, Бандура, Бача, Бернад, Бунда, Бурда, Гедеон, Германс'кий, Горват, Дратва, Кухта, Мад'ар, Матей, Міхал, Освадд, Петер, Пітел, Поташник, Рімар, Рудолф, Саламон, Семйон, Таран, Турек, Філіп, Чех, Шведа, Шімон, Шолтис, Штец*. К словацким мы относим и лексемы, общие для словацкого и венгерского языков, но не заимствованные из последнего. Например, фамилии *Баран, Боднар, Горват, Ковач, Мочар* и др.

Однако наряду с таковыми у закарпатских словаков имеется почти 400 фамилий, происхождение которых нельзя удовлетворительно объяснить, не прибегая к фактам и средствам языков иных соседних народов, в первую очередь славянских, германских, романских и венгерского, а также около 40 фамилий, этимологически неясных. К неясным относим следующие: *Апійарі, Барац, Беґен'і, Бозов, Бойза, Варйан, Боркес, Вілашек, Войов, Гевс, Ешек, Жека, Жудер, Завілла, Йелічек, Кедебец, Калкагус, Калус, Кей-*

паза, Кураж, Кур'ян, Лагіта, Лек, Магада, Мулеса, Олеан, Ост'їан, Пукій, Рабатин, Сивіз, Тігор, Тулейбич, Фарагун, Хобора, Шалаха, Шоган, Шпортин, Швенда, Шміланец.

На фамилии украинского происхождения приходится около 100, то есть больше 10 % от всех фамилий местных словаков. Отличительными признаками украинских фамилий служат специфически украинские лексемы, чуждые словацкому национальному языку, собственно украинские фамилиеобразующие суффиксы, а также фонетические черты, свойственные украинскому, но чуждые словацкому языку.

Набором украинских производящих основ отличаются от собственно словацких следующие фамилии закарпатских словаков: *Гасинец'* (от ж. им. Гас'а "Агафья"), *Гриц'* (от м. им. Гриц' "Григорий"), *Гуменик* (от диал. гумен "игумен"), *Гмітров* (от м. им. Гмитро "Димитрий"), *Дулеба* (от диал. дулеба "болван"), *Зизич* (от диал. зиза "косоглазый человек"), *Зозул'ак* (от зозул'а "кукушка"), *Іл'ко* (от м. им. Іл'ко "Илья"), *Карбованец'* (от кабованец' "покрытый резьбой", "рубль"), *Кармазин* (от диал. кармазин "видный мгнат"), *Квіч* (диал. квич "сова"), *Климко* (от м. им. Клима "Климентий"), *Кнап* (от диал. кнап "ткач", "мальчик"), *Ковал'чик* (от коваль "кузнец"), *Коштура* (от диал. коштура "кривая палка"), *Сен'ічко* (от м. им. Сень "Семен", "Арсений"), *Куріш* (от м. им. Куріш "Кирилл"), *Кучер'авий*, *Кучмаш* (от диал. кучмаш "в бараньей шапке"), *Лапко* (от диал. лапко "босаяк, сорванец, негодяй"), *Лобоз* (от лобоз "болван, дубина"), *Л'аш* (от м. им. Л'аш, Іл'л'аш "Илья"), *Макуха* (от диал. макух "развалистый человек"), *Микулич* (от м. им. Микула "Николай"), *Мондич* (от диал. монда "флегматик", "леньтяй"), *Незбайло* (от диал. незбайло "неряха"), *Панас* (от м. им. Панас "Афанасий"), *Настич* (от ж. им. Настя "Анастасия"), *Панфілій*, *Параска*, *Пасербович* (от пасерб "неродной сын"), *Пачмаг* (от диал. пачмаги "штаны"), *Петро*, *Писак* (от писак "предмет, которым пишут"), *Плиска* (от плиска "трясогузка"), *Повхан* (от диал. повх "полевая крыса"), *Процек* (от м. им. Проц' "Прокофий"), *Пугір* (от пухір' "пузырь"), *Пуглик* (от пухлый), *Січ* (от сич "сыч"), *Скиба*, *Скуба* (от скиба, скуба "ломтик"), *Трошчак* (от м. им. Трошка "Трофим"), *Федак*, *Федик*, *Федорко*,

Фед'о (от разных вариантов имени Федор), *Шпеник* (от шпеник "хвостик плода"), *Шпонтак* (от диал. шпынтак "пенек"), *Шчербанич* (от шчерба "щербатый").

Словообразовательный критерий для различения украинских фамилий от словацких менее пригоден. К украинским на его основании можно отнести разве что фамилии словаков с формантами *-ей*, *-ай*, *-ук*, *-ица*, а также с аугментативным суффиксом *-ина*. Например, фамилии *Герей*, *Горкей*, *Гулей*, *Гурей*, *Капустей*, *Личкей*, *Ломпей*, *Солей*, *Соломей*, *Сулей*; *Дубай*, *Локай*, *Ревай*; *Козарук*, *Варица*, *Мигалина*, *Пузин'ак*, *Йациник*. С определенной натяжкой к ним можно причислить также отэтнонимные фамилии с сингулятивным суффиксом *-ин*, например, *Слов'янин*, *Товтин* (от диал. товтин "словак"). Примечательно, что все без исключения фамилии, отнесенные нами к украинским на основании словообразовательного критерия, бытуют и среди украинцев Закарпатья.

Более надежным для отнесения фамилий закарпатских словаков к украинским является критерий фонетический, в частности такие системные особенности украинской фонетики, как полногласные звукосочетания типа *-оро-*, *-оло-* (ср. фамилии *Бородко*, *Головач*, *Голод'н'ак*, *Горошчак*, *Корол'*, *Соломей*), рефлексация */б/* в виде фонемы */і/* (ср. фамилии *Біланчик*, *Білик*, *Р'іпа*, *С'ідик*, *С'ірко*, *Шістак*), рефлексация этимологического */о/* в виде */і/* в новозакрытом слоге (ср. фамилии *Вісаник*, *Підковиак*), спонантизация смычного */g/* в поздних заимствованиях (ср. фамилии *Ігнат*, *Ігнатик*, *Ігнатич*, *Ігнат'ов*), лабиализация */л/* в звукосочетаниях **тылт* (ср. фамилии *Повх*, *Повхан*), необычная для словацкого языка субституция греческих фонем */у/* и */ф/* (ср. фамилии *Панас*, *Рахвал*, *Федак*, *Хома* с церковнославянскими именами Афанасий, Рафаиль, Феодоръ, Фома) и некоторые другие, как, например, протетическое */в/* (ср. фамилию *Вуйчик* – от вуйко "дядя" со словацким *ujо*), отсутствие палатизации */к/* в фамилии *Кирила* (от м. им. Кирило – слвц. *Sytil*) и т. п.

Общность украинских фамилий закарпатских словаков выражается не только в структуре, но и в том, что почти все украинские фамилии закарпатских словаков массово повторяются среди украинцев Закарпатья или же среди ук-

раинцев Восточной Словакии⁸, как и собственно словацкие фамилии у закарпатских украинцев⁹.

Фамилий однозначно польской языковой принадлежности у закарпатских словаков всего 15. От собственно словацких и от украинских фамилий их отличают такие фонетические черты, как звуко сочетания типа *trot (ср. фамилии *Бродич*, *Крул'*, *Крулик* с апеллятивами *broda*, *któl*), особые рефлексы носовых гласных (ср. фамилии *Пайонџ*, *Трембіцкі*, *Тромбола*), наличие смычной фонемы /g/ соответственно украинской щелевой /h/ (ср. фамилии *Гарчар*, *Гурн'ак*, *Огурчак* с польскими апеллятивами *gagpcazaz*, *góniak*, *ogurek*), специфически польские личные имена (ср. фамилии *Войцеховс'кий*, *Йаџелко*, *Марил'ак* с именами *Wojciech*, *Jagello*, *Małyła*) или апеллятивами (ср. фамилии *Леџеза*, *Маргевка* с апеллятивами *legęza* "лентяй, подхалим", *marcchewka* "морковь").

Южнославянское происхождение усматриваем приблизительно в 20 фамилиях. Они мотивированы сербохорватскими, болгарскими или македонскими личными именами. Ср. фамилии *Бейа* (с.-х. *Беја* "Белослав, Берислав", болг. *Бейо*)¹⁰, *Бешан* (с.-х. *Бешо* "Беривој, Берислав" или мусульманское *Веџо*)¹¹, *Бобал'* (с.-х. *Бобаль* – от боб), *Боџаник* (с.-х. *Бога* "Богослав, Боголюб"), *Веселин*, *Гайніш* (с.-х. *Гајин* – *Гаја* "Гавриил"), *Гецко* (болг. *Гецо* "Геден, Герасим, Георгий"), *Гуштан* (с.-х. *Гуштан* – гуштан "вкусный")¹², *Кайлик* (с.-х. *Кайле* "Казимир, Микајло"), *Келеш* (с.-х. *Келе*), *Кічак* (с.-х. *Киџа* "Киријан, Кирил"), *Коцела* (с.-х. *Коца* "Коста, Костадин"), *Кочик* (с.-х. *Коча* "Константин, Коста"), *Кошан* (с.-х. *Коша* "Кошута"), *Кучінка* (с.-х. *Куџо*)¹³, *Лабик* (с.-х. *Лаба* – лабуд "лебедь"), *Петко*, *Пипик* (с.-х. *Пипа* – *Пиллип* "Филипп"), *Піріч* (с.-х. *Пирић* – *Петар* "Петр")¹⁴, *Рахунік* (с.-х. *Рахун* – *Рах* "Радослав"), *Цан* (с.-х. *Цане*, *Цано* "Александр"), *Цвейкуш* (с.-х. *Цвеја*, *Цвија*, *Цвијо*, *Цвико* "Светлан, Цветко"), *Цуц* (болг. *Цуцо*). По сравнению с фамилиями закарпатских украинцев удельный вес южнославянских элементов в фамилиях закарпатских словаков ниже¹⁵.

Фамилий, обладающих структурными признаками германских языков, у закарпатских словаков около 100. Большинство из них находит удовлетворительную этимоло-

логическую интерпретацию на почве немецкого языка. В отношении дофамильного содержания они фактически представляют те же семантические (мотивационные) ряды, что и словацкие фамилии закарпатских словаков с некоторым преобладанием именованых по роду деятельности. Ср.: *Бавер* (нем. *Bauer* "крестьянин", "строитель"), *Барч* (имя *Vartsch* – *Bartholomäus*), *Біркнер* (*birken* "березовый"), *Волф* (имя *Wolf* – "волк"), *Ганзел* (имя *Johann* "Иван"), *Гейдел* (*Heidel* "иноверец"), *Гейфнер* (*Hefner* "гончар"), *Гейер* (*Heuer* "косарь"), *Гонко* (имя *Johann* "Иван"), *Гукс* (*huks* "малый"), *Гайзер* (*Keiser* "кайзер"), *Гілберт* (имя *Gilbert*), *Гренцер* (*Grenzer* "пограничный"), *Грін* (*grün* "зеленый"), *Гроскоп* (*groß* "большой" – *Kopf* "голова"), *Йунџ* (*jung* "молодой"), *Клайн* (*klein* "малый"), *Курбел* (*Kurbel* "рукоятка"), *Лармер* (*Lärm* "крик, шум"), *Наџел* (*Nadel* "гвоздь"), *Нідел* (*niedel* "смущенный"), *Окс* (*Oks* "бык"), *Олер* (*oler* "старый"), *Петерлі*, *Петернел* (имя *Peter* "Петр"), *Познар* (*roznapet* – ойконим *Poznań*), *Райніш* (имя *Reinhard*, *Reinhold*), *Райхел* (*Reichel* "богач"), *Сатлер* (*Sattler* "седельщик"), *Танцер* (*Tänzer* "танцор"), *Танцлер* (*Tänzer* "малый танцор"), *Файник* (*fein* "хороший"), *Файфбер* (*Pfeifer* "волынщик"), *Фалес* (имя *Fales* – *Valentin*)¹⁶, *Флайшер* (*Fleischher* "рыболов"), *Фрайтак* (*Freitag* "пятница"), *Франц* (имя *Franz*), *Фреглик* (*fröhlich* "веселый"), *Фукс* (*Fuchs* "лиса"), *Шварц* (*schwarz* "черный"), *Шік* (*schick* "элегантный, ловкий"), *Шіц* (*Schütze* "стрелец"), *Шлосар* (*Schlosser* "слесарь"), *Шмідко* (*Schmied* "кузнец"), *Шнелцер* (*schnell* "быстрый"), *Шрайбер* (*schreiber* "писарь"), *Штраус* (*Strauß* "страус"), *Штуллер* (*Stuhler* "столяр") и т. п.

Вероятно, немецкому языку или языку идиш обязаны своим происхождением еще около 40 фамилий закарпатских словаков, но отсутствие сведений о том, в каком именно немецкоязычном регионе данные лексемы возникли, и следы славянской субституции на них препятствуют установлению их этимонов даже в тех случаях, когда морфемная структура таких образований кажется вполне прозрачной. К таким деэтимологизировавшимся фамилиям германоязычного происхождения относим следующие: *Айстер*, *Бланер*, *Волцер*, *Вердекел*, *Гасенбергер*, *Гірніх*, *Голінбер*, *Гроснер*, *Деммел*, *Дроцар*, *Зайдел*, *Зунко*, *Келлер*, *Кі-*

белбек, Кінал, Кийс, Ковбештайн, Кранер, Кройер, Кул, Кулман, Локер, Маустедтер, Мендел', Навер, Нінци, Нусер, Раух, Різер, Тийгел, Філкорн, Улман, Файт, Ценкнер, Шкорпел, Штайнбел, Штремпел.

Из языков романских в фамилиях закарпатских словаков оставили свои следы румынский, молдавский, латинский, а, быть может, и итальянский. Ср. фамилии *Негро* (рум. *negru* "черный")¹⁷, *Нікорович* (рум. м. имя *Nicoară* "Николай")¹⁸, *Чил'інка* (молд. м. имя *Чилип* "Филипп"), *Комеса* (лат. *comes* "граф"), *Турус* (фамилия *Тур* – лат. *-us*), *Шкултеті* (позднелат. *scultetus* "староста"). Встречаются элементы греческого и турецкого. Ср. фамилии *Гандреас* (гр. имя *Ἀνδρέας* "Андрей"), *Годжа* (слвц. тюркизм *hodža* "почетное звание у мусульман").

Среди фамилий венгерского происхождения, которых у закарпатских словаков около 100, более 20 приходится на венгерские варианты собственных личных имен. Напр., фамилии *Балаж*, *Балла*, *Вінце*, *Габор*, *Годор*, *Деметер*, *Денці*, *Дорі*, *Іжак*, *Іровт*, *Йовнаш*, *Кріштофори*, *Лукач*, *Мігал'*, *Ондок*, *Орбан*, *Товбіш*, *Фані*, *Ференцик*, *Ференці*, *Шандор* и некоторые другие.

Примерно столько же венгерских фамилий восходит к ойконимам. При этом показательно, что часть населенных пунктов, от названий которых образованы венгерские фамилии закарпатских словаков, находится вблизи от нынешних мест обитания денотатов, то есть на территории Восточнословацкого края или даже в Закарпатской обл. Украины (ср. фамилии *Барковці*, *Бістрай*, *Гододі*, *Горан'і*, *Кашай*, *Комовці*, *Озоровці*, *Орлай*, *Павловці*, *Палої*, *Петровайі*, *Раковці*, *Ратвай*, *Рейпаші*, *Смеречан'і*, *Туровці* и т. п.), а часть – в соседних или более отдаленных районах Венгрии (ср. фамилии *Бігори*, *Діовсеґі*, *Енґеді*, *Зомборі*, *Надоші*, *Нанаші*, *Петні*, *Раді*, *Сегеді*, *Сендрейі*, *Ференці*, *Чаті*, *Шомраді* и т. п.). Если первые в большинстве случаев указывают на направления миграционных процессов населения, протекавших здесь в прошлые века, то последние больше говорят о политике мадьяризации невенгерского населения, которую рьяно проводили здесь власти особенно в связи с празднованием 1000-летия Венгерского государства на Среднем Дунае, хотя случаи мадьяризации фамилий сло-

ваков имели место также и в период фашистской оккупации Закарпатья (1939–1944). Например, сваявским словакам поменяли фамилию *Віжук* на новообразованную венгерскую фамилию *Верецкей*.

Почти 20 венгерских фамилий закарпатских словаков мотивированы венгерскими названиями по роду деятельности или социальному положению. Ср. фамилии *Бан'ас* (*bányász* "шахтер"), *Бийреш* (*bétes* "батрак, слуга"), *Біровчак* (*biró* "судья, староста"), *Борбил'* (*borbély* "парикмахер"), *Галас* (*halász* "рыбак"), *Гул'аш* (диал. *gulyás* "пастух"), *Йугас* (*juhász* "овчарь"), *Кадош* (*kád* "чан" + *-as*), *Кертис* (*kertész* "огородник"), *Ковчар* (диал. *kócsár* "ключник"), *Мадарас* (*madarász* "птицелов"), *Молнар* (*molnár* "мельник"), *Мейсарош* (*mészáros* "мясник"), *Пийк* (*Pék* "пекарь"), *Рейвіс* (*tévéész* "паромщик"), *Талпош* (арх. *talpos* "пехотинец"), *Шереш* (*sörgös* "пивной"), *Шинош* (*sípos* "дударь"), *Шитив* (*sütő* "пекарь").

Остальные же мадьяризмы приходятся на названия денотатов по их внешнему виду, по внутренним чертам. Ср. фамилии *Болон'д'ак* (*bolond* "дурак"), *Віґ* (*víg* "веселый"), *Говл'ан* (*gólya* "аист"), *Гот'аш* (*gatya* "штаны, кальсоны"), *Келемеш*, (*kellemes* "приятный"), *Макач* (*makacs* "упрямый"), *Повк* (*Pók* "паук"), *Пуста* (*puszta* "пустой, голый"), *Серенчко* (*szerencse* "счастье"), *Фегур* (*fehér* "белый"), *Чіґаш* (*esiga* "улитка"), *Шин* (*síp* "свисток"), *Шовш* (*sós* "соленый"). И только две фамилии словаков мотивированы местными этнонимами, а именно: *Товт* (арх. *tót* "словак", раньше "славянин")²⁰, *Роснакі* (*ruszpák* "западный украинец").

Время первых письменных фиксаций рассмотренных в данной статье фамилий закарпатских словаков разное. Отдельные фамильные именованья фиксируются уже местными латиноязычными памятниками письменности XV–XVII веков, но подавляющее большинство встречается в памятниках письменности только с XIX в. Однако время первых фиксаций таких фамилий нельзя отождествлять с временем прихода древнейших словацких поселенцев на территорию Закарпатской области. Многие из рассмотренных в статье фамилий, в том числе и некоторые собственно словацкие, в течение двух последних столетий бытуют не

только среди словаков, но и среди представителей других национальностей области, прежде всего среди украинцев.

Анализ современных фамилий закарпатских словаков, как и некоторые архивные материалы, позволяют заключить, что дрейнейшей среди нынешних компактных групп словаков является группа с. Сторожница Ужгородского района. И в территориальном, и в языковом (в том числе и в антропонимийном) отношении словацкое население Сторожницы является прямым продолжением словацкого этнического массива по ту сторону границы с ЧСФР. Антропонимическим аргументом, свидетельствующим о давней оседлости словаков в с. Сторожница, является, например, то, что из 70 фамилий коренных сторожницких словаков только 12 приходится на фамилии отойконимные и "ремесленные".

Остальные группы словаков (великоберезнянская, турья-реметская, антоновская и другие) появились в Закарпатье только в течение последних двух столетий. Лишь незначительная группа словаков переселилась в Закарпатье (с. Клиновец Мукачевского района) из Среднесловацкого края, часть их (великоберезнянские словаки) вышла из Липтова, а все остальные вышли из Восточнословацкого края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более детально об этом см.: Дзендзелівський Й. О. Завдання вивчення словацьких переселенських говорів на території УРСР // Тези доповідей та повідомлення XVIII наукової конференції: Ужгородський державний університет. – Ужгород, 1966. С. 6.

2. Петров А. Л. Пределы угро-русской речи в 1773 году по официальным данным. – СПб., 1911. С. 77.

3. См.: Чучка П. П. Закарпатські відетнонімічні прізвища // Питання сучасної ономастики. – Київ, 1976. С. 128.

4. См.: Мицюк О. Нариси за соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. – Т. I. – Ужгород, 1936. С. 49–52.

5. См.: Majtán M. Nazvy obcí na Slovensku za ostatných dvesto rokov. – Bratislava, 1972. 675 s.

6. См.: Чучка П. П., Меліка Г. І. Відапелятивні прізвища німецькомовного населення Закарпаття // Іноземна філологія. – Вип. 53. – Львів, 1979. С. 65–66.

7. Чучка П. П. Відображення виробничої спеціалізації у прізвищах українців Закарпаття // Тези доповідей науково-практичної конференції "Роль пам'яток етнографії та фольклору...". – Ужгород, 1985. С. 92–95.

8. См.: Dujčák M. Antroponymia obcí Starinskej doliny // Horná Či-rocha. – Košice, 1985. S. 529–556.

9. См.: Чучка П. П. Західнослов'янськи в антропонимії українського населення Закарпаття // Проблеми слов'янознавства. – Вип. 27. – Львів, 1983. С. 108–111.

10. Сербохорватские имена приводим по книге М. Грковић: Речник личних имена код Срба (Београд, 1977), а болгарские – по книге С. Илчева: Речник на личните и фамилни имена у българите (София, 1969).

11. См.: Smailović I. Muslimanska imena orientalnog porijekla u Bosni i Hercegovini. – Sarajevo, 1977. S. 177.

12. См.: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. – Кн. III. – Београд, 1965. С. 790.

13. Указ. работа, т. XI. С. 119.

14. См.: Maretić T. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. – Кн. 82. – Zagreb, 1886. С. 88, 112.

15. См.: Чучка П. П. Південнослов'янські основи у прізвищах українців // IX Республіканська славістична конференція (12–14 травня 1987 р.) "Великий Жовтень і розвиток духовної культури слов'янських народів". Тези доповідей і повідомлень. – Одеса, 1987. С. 196–197.

16. См.: Moldanová D. Naše příjmení. – Praha, 1983. S. 65.

17. См.: Iordan I. Dicționar al numelor de familie românești. – București, 1983. P. 330.

18. Там же. – С. 333.

19. См.: Думбозвяну А. Н. Мик дикционар де пренуме диалектале молдовенешть. Кишинэу, 1983. П. 161.

20. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. 3 k. – Budapest, 1976. S. 951–952.

ТЕРМИНОЛОГИЯ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛОВАКОВ ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ

Терминология словацкой календарной обрядности, как и вообще терминология духовной культуры словаков не была еще предметом отдельного изучения. А между тем, словацкая обрядность и ее терминология являются частью славянской духовной культуры в целом, изучение которой ведется сейчас интенсивно в связи с составлением в Институте славяноведения и балканистики "Словаря славянских древностей". Простое описание и сбор словацкого материала важны и необходимы, ибо "чем больше рефлексов или разнообразных вариантов формы или смысловой (символической) единицы, тем полнее, тем менее схематична реконструкция того или иного явления..."¹, а "одной из наиболее актуальных задач следует считать задачу систематизации и обработки имеющихся славянских материалов для целей внутренней реконструкции" славянской духовной культуры².

С точки зрения синхронии словацкая обрядовая терминология – одна из групп лексики, и изучение ее – вклад в словацкую лексикологию и шире – в словацкую лингвистику в целом. Однако обрядовая лексика по-настоящему не привлекала пока внимания исследователей. Почти не собранная в словарях, недостаточно строго зафиксированная, она разбросана в этнографических и фольклорных изданиях, преследующих иные цели и поэтому не уделяющих ей должного внимания. Статьи, авторы которых занимались собственно лексикой (точнее – семантикой названий), а не этнографией, довольно редки³. Вниманием к терминологии отличаются статьи Й. Манги⁴, Фегловой⁵, Хорватовой⁶, а также первые карты Этнографического атласа Словакии с комментариями. Работы эти тематические, они посвящены различным аспектам духовной культуры (ритмическое движение в обрядах, элементы аграрного культа, словацко-венгерские соответствия обряда

выноса Морены) и интересны тем, что содержат обрядовые термины. В статьях и описаниях сел и областей Словакии также порой содержится ценный диалектный лексический материал. Эти работы дают возможность представить географическое распространение терминов в Чехии и Словакии. Таковы статьи и книги Э. Хорватовой, Б. Крпельца, М. Гуски, Р. Жатко и др.

Этнолингвистика сосредоточивается в первую очередь на таких аспектах языкознания, как этимологический анализ слов, изучение путей семантической эволюции, изучение перекрещивающихся взаимодействий языков, или вопрос о заимствованиях. Еще в "Тезисах пражского лингвистического кружка" указывается: "Каждый язык имеет свою особую систему номинации; он употребляет различные номинативные формы, притом с различной интенсивностью... имеет свою собственную классификацию способов номинации и создает свой особый словарь"⁷. Ниже мы предложим небольшой словарь обрядовой лексики словаков Закарпатья. Но даже несмотря на малый объем словаря, нам кажется эта работа важной, так как определяет круг лексем, входящих в интересующую нас группу, и по возможности точно и полно определяет значения лексем. К сожалению, и словарей, и атласов словацкого языка чрезвычайно мало (например, идеографических словарей только два: долнотренчанского и новоградского диалектов), а имеющиеся не включают и части лексики интересующей нас группы или содержат неточное, порой неверное толкование. Например, в 6-томном Словаре словацкого языка⁸ слово "rolaznik, -a, m" с пометой "ľud." объяснено как "колядник, виншовник". Такое толкование недостаточно, ибо здесь утешно несколько сем: "первый посетитель" и "на определенных праздники". Также в духовной культуре несколько шире семантика слова "koleda, -y, f", чем в указанном словаре.

Словаки, как один из славянских народов, в духовной культуре имеют много общего с другими славянами. Однако каждая культура специфична, что определяется неповторимым самосознанием разных народов, особенностью исторического развития народов и их государств, этническим окружением и разной интенсивностью отношений и влияний между ними, принадлежностью к разным типам

церкви и различным воздействием церкви на культуру. У словаков католическая церковь сильно повлияла на содержание обрядности, в том числе и народной, дохристианской. Она ревностно следила за чистотой церковных ритуалов, чаще и настойчивее издавала синодальные указы о запрещении народных празднеств, обрядов, жертвоприношений и наказаниям ослушавшихся, чем, например, православная церковь. Православие, в силу своей природы, более терпимо относилось к языческим (народным) обрядам. С 13–14 вв. оно начинает искать контакты с фольклорной практикой: с одной стороны, упрощает свои догматы, использует народные клише, с другой, – переосмысливает народные практики на религиозной основе, дает им новое толкование. Аналогично, но в меньшей мере поступала и католическая церковь. Кроме того, католическое духовенство терпимо относилось или даже пропагандировало обычаи традиционно чуждого фольклора, особенно немецкого, итальянского и множество практик античной древности. Греко-римские элементы проникают к западным славянам или непосредственно через Моравские ворота, или через Балканы.

Католическая церковь стремилась к унификации обрядов и их толкований в различных странах и у разных народов.

В Словакии влияние католической церкви выразилось в следующем: 1) некоторые обряды и обычаи исчезли совсем (королевские торжества – *kráľenská slávnosť*); 2) праздникам даны церковные названия (хотя во многих случаях параллельно существуют и народные названия); 3) везде, где возможно, дано церковное объяснение народных обычаев; 4) особо живучие обычаи были переосмыслены церковью и частью вошли в ее арсенал (костер на Пасху – "сжигание Иуды"); 5) активно вводились христианские обряды, порой подменяя народные (вместо обливания или купания на Крещение, Чистый четверг – кропление святой водой); 6) активно запрещалось и преследовалось ношение еды и вина на могилы, установление на них антропоморфных надгробий, колод; 7) запрещала церковь как языческое и жжение костров; 8) наконец, церковью был установлен один общий поминальный день – 1 ноября, день Всех святых. Другие многочисленные поминальные дни были запрещены.

Влияние церкви сказалось как на содержании обряд-

ности, так и на терминологии. Как уже говорилось, появилась целая группа церковных названий праздников. Однако церкви не удалось полностью уничтожить народную практику, а церковная терминология оказалась в ряде случаев сосуществующей с языческими, древними названиями праздников и ритуалов.

Все вышесказанное относится также и к словакам, проживающим в Закарпатье. В статье использован полевой материал автора, собранный в двух селах Закарпатской Украины: Великом Березном Великоберезнянского района и Түрби Рёметы Перёчинского района. Материал обследованных сел представляет для нас большой интерес, так как в иноязычном окружении и при изолированном развитии народ сохраняет некоторые достаточно древние явления как в языке, так и в обрядности. К тому же близкородственное окружение влияло двояко: с одной стороны, способствовало смешению и взаимопроникновению диалектов, с другой стороны, наоборот, вызывало активное противодействие со стороны словацкого диалекта проникновению чужого языка. Ассимиляции словаков-переселенцев среди украинцев (хотя процесс этот идет) препятствовали и разные формы христианства. Словаки – католики, украинцы (в этих селах) – униаты, которые теперь считают себя православными. Костел не только сплочивает словацкую общину, но постоянно поддерживает знание словацкого литературного языка, на котором ведется служба, и тем самым стимулирует языковую дифференциацию.

В выбранных нами селах контакты населения с земляками из Восточной Словакии были небольшими; массовой репатриации ни после 1918, ни после 1945 гг. не было; словацкое население составляет компактную группу; процент словаков здесь по сравнению с другими закарпатскими селами наиболее высокий; а также зафиксировано наименьшее количество смешанных словацко-украинских семей. Словацкое население известно здесь с конца 18 в., когда пришли первые семьи из области Спиша (Восточная Словакия) и Липтова (Средняя Словакия). Однако местный говор принадлежит к восточно-словацкому диалекту⁹. Словаки – билингвы: свободно говорят по-украински и на своем диалекте, знают литературный словацкий язык, а старшее поколение понимает еще венгерский или польский языки.

В селе Великий Березный словаки заселяют южную

часть, которую называют Липтаки. Название сохранилось с конца XVIII в. Местные жители объясняют его тем, что предки ныне живущих словаков пришли из Липтова. В селе Тúrьи Рёметы словаки заселяют две небольшие части: Рáдванку (ю.-в. часть) и Подмагурыч (вост. часть, под горой Магурыч). По данным Дзензелевской в конце XVIII в. сюда пришли семьи Буняковцев (из Спиша) и Грудкайковцев (из Липтова). Словаки работали на лесопильном и железоплавильных заводах, сельским хозяйством не занимались. Теперь в селе примерно 20 % словаков, из них 40 семей чисто словацких и столько же смешанных словако-украинских. "Словацкие закарпатские говоры являются типичными переселенческими, изолированными..., которые в таком состоянии самостоятельно развиваются около 150–200 лет. Все словацкие закарпатские говоры – восточнословацкого типа, исключение составляет только говор села Новый Кленовец"¹⁰.

Из-за ограниченного объема статьи полевой материал будет изложен сжато, компактно, в пересказе на русском языке, без указания села, где был записан, с исключением повторяющихся терминов и описаний. Материал располагается по календарному принципу, начиная с осенне-зимних работ и кончая праздниками поздней осени, именно так, как рассказывали о своем календарном цикле некоторые информанты.

Kudzelne chyži, večurki, pr'adki – "пряжки, вечера": совместное прядение девушек в нанятой избе, куда на праздники приходили и парни, и где устраивались игры и ряжения весь осенне-зимний период.

Všytkich svatych. Šickich svatych – день Всех Святых, 1 ноября. Официальный день поминания умерших. После службы в костеле идут на кладбище, где тоже молятся и убирают могилы, зажигают свечи.

Dušíčki, Dzeň sv. Dušičiek – "Душечки, день святых душ". 2-й день праздника. Иногда давали нищим булочки (2–3) за упокой.

Katarina – день св. Катерины, 25 ноября. Запрет на прядение: чтобы пальцы не гноились.

Krista Kral'a – "день Христа-царя", 30 ноября. Кончается год и начинается адвент (konči se tok a načina se Advent).

Andreja – 30 ноября, св. Андрей. Множество девичих гаданий. Выливали расплавленное олово в воду и смотрели на получившуюся форму:

Andreju, Andreju	Андрей, Андрей,
ja na sebe olovo leju	Я на тебя олово лью
Daj mi, Bože, znas,	Дай мне, Боже, знать
jakeho muža budzem mac.	Какой у меня будет муж.

Варили галушки (pírohy) с записками: какая первая всплывет, такое имя будет у мужа. Ночью завязывали ленточки на заборе: утром смотрели, какой кол – такой и муж будет. Иногда завязывали на 9-й кол. Крали дрова: если четное число – выйдет замуж в этом году. Ходили слушать под окно: скажут "да", будет свадьба.

Регес – веночек, колесико из теста, который девушки вешали на 9-й кол забора в день св. Андрея, а утром гадали: какой кол, такой и муж будет.

Mikulaš – 6 декабря, день св. Николая. Ходил ряженный – Микулаш – носил детям подарки, а непослушным – прутья. Или клал подарки в вычищенные ботинки на окне. Иногда с ним ходил Черт (Čort) с цепью. Lucia, S'ata Lucia, Luca – 13 декабря, св. Люция. Запрет на прядение и кипячение белья. Если нарушить запрет, придет Люция и даст напрядь 12 веретен за ночь. Девушки рядились в белое, носили корзину с веретенами: изображали „Люцку". Начиная с этого дня до Щедрого вечера делали стульчик (stolček), сев на который в ночь перед Рождеством в костеле можно увидеть ведьм. Или делали сеть: если положить ее под порог в костеле 24 декабря, то хорошо будет ловиться рыба.

Vianočni s'atki, Vianoce, Adventne s'atki, Краčunске s'atki – рождественский период, 24 декабря – 6 ноября. Или же только 24–26 декабря.

Краčun – Рождество, Крачун, 24–26 декабря. (Краčun – to je Vanoce), 24 декабря обвязывают деревья соломой. Хозяин замахивается на каждое дерево топором и говорит: "Если не будешь родить, я тебя срублю" (Keď nebudzes rodzic, tag se zrubem) – 3 раза. Или стучал обухом по деревьям. Или ритуал выполнялся с домашними: дети просили не рубить, заступались за дерево. Перед ужином вносили сноп (treba bulo i snop dac), на пол стелили солому, так как "Иисус в

соломе родился”, бросали орехи, дети катались по соломе и собирали их или спали на соломе. Под стол клали тыкву, фасоль и т. п. – чтоб хорошо родило.

С Сочельника до Нового года нельзя шить: иначе куры не будут нестись.

Vilija – Вилия, Сочельник, день 24 декабря. Обвязывали деревья соломой.

S'aty večer. Vianočny večer, Štedry večer – Святой вечер, вечер Сочельника. Перед ужином хозяин угрожал топором плодовым деревьям (см. Крачун). Ножки стола обвязывали цепью: чтобы семья вместе была, клали на цепь ноги: чтобы не болели или чтоб ”крепкая” (tvrda) любовь была в семье. Под скатерть клали солому. Ложки связывали: чтобы не ели много (žebi nejedli vel'a). Перед ужином хозяин 3 раза обегал вокруг дома и стучал в среднее окно (ščitovi oblag) звеня цепью. Из дома спрашивали: ”Кто там гремит?” (”Chto tam cirkoče?”). Он отвечал: ”Святой Петр ужинать хочет” (”Svaty Peter večerac chce”) – 3 раза. После этого – постный ужин из 9 или 12 блюд. Хозяйка не вставала из-за стола и ”вквотала”, чтобы куры неслись и высиживали хорошо цыплят. Пекли лепешки (pl'ački), на них клали кое-что из еды и хозяин нес скоту. После ужина на столе оставляли тарелку с кусочками разной еды: для душ умерших (nej to bude pre duše zomrele). Или оставляли на столе хлеб, воду и полотенце: душа придет умываться (”Dušička pridze umivas se: chleb, vodu, ručnik na stole nehavali”). Иногда, оставляя тарелку с едой и вино, звали умершего: ”Мамочка, идите ужинать” (”Mamička, rod'te večerat”). Если в этот год умерло дитя, то в Щедрый вечер несли яйцо на могилку (jak umre dzecko, jajčko na Štedry večer hesli na smintar).

Крачун, Крачуник – хлеб, каравай, испеченный к Святому вечеру. Стоит на столе (под него кладут солому, деньги, белые семечки - на урожай) до Нового года. Сверху в Крачун запекают чеснок, сливку, сосудик с медом. При болезни Крачуно обкуривали и мазали этим медом. На Новый год кусочки Крачуна давали скоту.

Vobal'ki – хлебные изделия, распространенное кушание на Святой вечер, едят с медом, посыпают маком.

Oralenik – одно из кушаний на Щедрый вечер; круглые хлебцы из белой муки, мажут медом, посыпают маком.

Oplatki – вафли, облатки. Пеклись для каждого члена семьи к 24 декабря. На облатку клали чеснок (žebi zdravi bul), мед (obi sladki bul), и перец (obi bul trebujući, ujedlivi).

Jelička, Vianočni stromček – рождественское деревце.

Vinšovac – ”виншовать”, ходить с пожеланиями в Сочельник и на Новый год. Счастье ждет, если придет мальчик, а не женщина.

Po kol'adoch, po kol'adi chodili – ходили ”по коляде”, колядовали: парни ходили к девушкам петь колядки, за что получали орехи и т. п. А на Рождество колядовали старшие люди. Например, колядка на Святой вечер:

Prišli do nas Straški	Пришли к нам Страшки
Mali bili pipki	С белыми трубками
A kosuli visivane	В вышитых рубахах
Kolo kosuli čipki	Из-под рубахи – кружева.
Strašenku, Strašenku	Страшко, Страшенько
Matka ci zomrela.	У тебя мать умерла.
Oj nepravda, nepravda,	Ой, неправда, неправда,
Včera kašu žerla.	Вчера кашу уминала.

Betlehemoši, betlehemci – участники игры ”Бетлехем”, ряженные, среди которых: старший пастух (Ваџа), Кубо (Guba), он же Дед (Ded), Старый (Stary) или Старый Грицо (Stary Gryco), ангелы (and'eli), пастухи (pascere). Они носили с собой Betlehem – деревянное изображение сценки рождества Христова, колядовали.

Turoň, Varan – Тур, Туронь – рождественская маска (ряженный бараном или козой).

Chodzu z hv'ezdu – ходят со звездой на Рождество, поют песни религиозного содержания.

Vože narodzeňe – Рождество Христово, 25 декабря = Kristovo narodzenje.

Štefana, Štefanov dzeň – день св. Степана, 26 дек. (по календарю – 27 декабря). Ходили с пожеланиями и колядками (chodzili vinšovac i koledovac).

Mlad'atka, Mlad'ata – день Младенцев, 28 дек. (по календарю – 29 дек. Младенцев избиение в Вифлееме). Это был день, посвященный детям, в том числе поминанию умерших детей (to bol dzen za dzecmi, i za tymi, čo pomreli).

Silvester – 31 декабря, Сильвестр. Обычный праздничный

ден, с танцами (chodzili na bal). Запрет на прядение и ткачество.

Noví rok – Новый год, 1 янв. Парни ходят с пожеланиями (vinšovač).

Koza – маска Козы на Новый год.

Babin večer, Druhi svaty večer, Babin s'aty večer, Babski svaty večer – Бабин вечер – канун Крещения, 5 янв. Внуки ходят в гости к бабушкам. Или просто "женский праздник". Трапеза постная, как в Сочельник или меньшая. Пекли "подкову" (podkova s karustu se rekla): изогнутый в виде подковы рулет с капустой из кислого теста.

Tři krále Troch král'och – праздник Трех Королей, 6 янв. – Крещение. Освящают в церкви воду. Колядуют, ходят ряженые (в Туроня, Барана).

Fašengi, Fatšangi, Vesnici – Масленица – период от Трех Королей до поста перед Пасхой. Запрет на шитье. Последние 3 дня перед Великим постом – Posledne fašengi, Ostatne fašengi (Последние дни Масленицы Остатки). В эти дни гуляют и танцуют, варят мясо, жарят пончики (fanki), яйца. Ходят ряженые. Исполняют ритуальные танцы с подскоками – на высокий лен и коноплю. В полночь перед Пепельной средой "хоронят контрабас/басу" (chovali basy).

Vasy chovali – "хоронили контрабас" – обычай в последний день Масленицы. Комическое представление похорон с топком (это самый веселый и остроумный в деревне), дьяком, плакальщиками, которые должны были хохотать и хохотали над шутками "попа", который к тому же "кропил" присутствующих метлой из ведра. "Поп" называл лучшую танцовщицу в селе и говорил, что умерла ее "мама". Контрабас накрывали белой простыней и "оплакивали".

Hodovanki – угощение в последний день Масленицы (во вторник).

Popelna streda, Škaredna/Škareda streda, Kriva streda, Popelac – Пепельная среда/Кривая среда – начало Великого поста. Полоскают зубы паленкой (водкой) (V stredu palenkou zubi plukali) в знак того, что не будут больше есть скоромого. В костеле фарар делает знак пеплом на лбу, что означает, человек из праха есть и в прах обратится (gobi znak na hlave: "Z prachu si a na prach si obratiš"). Другое объяснение: пепел кладется на голову, чтобы голова не болела.

Hromnici – Громницы, 2 февр. (Сретенье Господне). Освящают в костеле свечи (hromnična svečka).

Hromnična svečka – "громничная свеча", освящаемая на Громницы, 2 февр., отвращающая бурю, тучи с градом, облегчающая "отход" умирающего.

Blažej – день св. Блажея, 3 февраля. Священник благославляет прихожан двумя свечами, прикладывая их под горло, чтобы оно не болело (Na Blažeja bere pop 2 svički zapalene a kladie pod horlo a žehna človeka žebi nebolelo horlo). Свечи назывались Святая Троица (svata troica), а сам обряд – "Благословение горла" (Požehnanie hrdla).

Blahovešćenje – Благовещение, 25 марта. Ведьмы собирают в решето росу и тем отбирают молоко у чужих коров.

Smrtna nedel'a – Смертное воскресенье, воскресенье на 3-й неделе перед Пасхой.

Črna (Černa) nedzel'a – Черное воскресенье, воскресенье на 2-й неделе перед Пасхой. Называется так, потому что евреи хотели Христа побить камнями (zato ze Židy se chceli Krista Paпа kameňovat').

Kvetna nedzel'a – Цветное воскресенье, воскресенье перед Пасхальным – Вербное воскресенье. Ходят в костел освящать вербовые прутья (bahniatka) в память о пальмах, которыми встречали Христа.

Muňki (= bahniatka) – вербовые прутья, освящаемые в Цветное воскресенье. Сохранялись целый год и использовались при 1 выгоне скота. Ими стегали друг друга, чтобы быть такими же здоровыми, быстрыми, свежими. Носили их на могилы. Бросали в огонь от приближающейся бури. Пеплом этих почек мажут на Пепельную среду.

Vel'ki týždeň, Strašny týždeň – Страстная неделя.

Zeleny štvrtok – Зеленый четверг – четверг на Страстной неделе. После обеда умолкали колокола; ходили с трещотками, шелкали кнутами (garkače boli).

Vel'ki piatok – Великая пятница. До петухов ходили умыться на реку. После обеда варили ветчину, красили и расписывали яйца (farbili pisanki; pisanki sa pišu).

Bila sobota – Белая суббота на Страстной неделе. Разжигали костры, в них сжигали вербовые прутья, пепел сохраняли до Пепельной среды. Вечером костер клали у костела, говорили, что сжигают Иуду (kazali, že palia tam Judaša).

Стреляли из ружей. Пекли паски, 3–4 штуки или больше, из белой или черной (житной) муки, *Vskrešeňe*, *Skrišeňe* – Воскресение Христово – вечер Белой субботы.

Vel'kopošne sv'atki – пасхальная неделя.

Vel'kanos – Пасха. Утром идут в костел освящать паски, грудку, сыр, яйца, масло в форме барашка, ветчину, мед, соль и др. Домой возвращаются бегом – чтобы быстрее работа шла (некоторые информанты говорят, что это только украинцы бегают, а они-де ходят). Чтобы девка быстрее вышла замуж, обычно мать поднимет вверх корзинку с освященной едой. Ходят на могилы, носят елочки, яйца.

Polevanu pondzelok, *Vel'kopošny pondzelok*, *Polevanki/a*, *Oblevaňe*, *Polivačka* – понедельник и вторник или только понедельник после Светлого воскресенья. Парни поливают девушек водой, за что получают писанки. Во вторник – тоже *polivačka*, но наоборот: девушки обливают парней.

Juga, *Juga*, *Juga*, *D'uga* + *Marek*, *Svateho Marka* – Юрьев день, 24 апреля и день св. Марка, 25 апреля (*Juga* i *Marek* – *toto jedno*). Запрет на стирку. На Марка ходила церковная процессия освящать жито. Из освященных колосьев плели веночки (*venčiky*) и вешали на хоругвь и кресты. Освященное жито брали и домой – охранное средство от бури и болезней.

Peršeho maja – 1 мая. Парни ночью ставили своим возлюбленным украшенные деревца: березу, елочку или др., которые назывались маями (*maj*; *dzivkom maja stav'ali*). Творились многочисленные бесчинства молодежи: снимали калитки и меняли их, уносили уборную, вешали соломенное чучело на дерево перед окном и т. п.

Majališ – зеленые праздники в мае (*Na maja to bolo, to zelene s'ati*). Танцевали и играли, например, кусали калач, подвешенный на нитке и др. игры.

Nanebevstúpenie (Krista Pana) – 40-й день по воскресению Господню. Церковная процессия идет на поля просить урожай.

Jana, Jan Krstitel' – 24 июня, Иоанн Креститель. Не отмеченный обрядностью праздничный день (но работать нельзя).

Rusadle (Rusale), *Duch Svaty*, *Sv. Ducha nedel'a*, *Zelene s'ata/s'atki*, *Turice* – Пятидесятница и День св. Духа. Разные информанты отдают предпочтение разным терминам: *Jak na*

Rusadel'ne dni, *to u nas kažu Zelene s'ata*; *Zelene s'ata* – *to mi kažeme Rusadle*; *Rusal'a* – *to ruske*, а по словенски *Turice*, *Zoslania Ducha Svateho*. Украшали дома зеленью, перед домом и костелом ставят маи (*maj*; *pojajili zme všetko*).

Petra a Pavla – день св. Петра и Павла, 29 июня. Ничего не делают (*nič sa nerobi*).

Najsvätejšia Trojica – Троица, 1-е воскресенье после дня св. Духа.

Oltariki, Božieho Tela d'eň, Božie Telo – день Божьего Тела – 10-й день после Троицы. Освящают цветы, зелень, используемые позже для лечения. Ходила церковная процессия и несли сделанные из березок алтарики, украшенные цветами, внутри которых – святой образ.

S'ata Maria, I. S'ata Maria, Panna Maria, Panny Marie Donebavzasa, Pannej Marii – Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа. Собирают и освящают травы, цветы, которые использовали от болезней.

Druha S'ata Maria, Panna Maria, Druhej Pannej Marii – Рождество Пресвятой Богородицы, 8 сентября.

Сравнивая полевые записи с книжными сведениями об обрядности словаков, можно сказать, что основной корпус обрядов в Закарпатье сохранился, хотя и произошли немалые изменения. Так, например, день Иоанна Крестителя (*Jan Krstitel'*) здесь совсем не отмечен обрядностью, праздники св. Юрий и св. Марк слились и тоже почти полностью потеряли обрядность. Словаки Закарпатья утратили большую часть народных, языческих практик и представлений, их место постепенно занимают украинские народные практики. Зато пышно процветают церковные обряды. Здесь священнику приписывается большая магическая сила, чем в самой Словакии.

Аналогичные выводы можно сделать и сравнивая терминологию обрядности. У закарпатских словаков наблюдается больший удельный вес церковных терминов, причем среди них есть и вновь образованные. Другая особенность – наличие заимствований из украинского языка. И третья особенность – присутствие специфических, пока в наших записях немногочисленных, закарпатских терминов.

Рассмотрим собранную терминологию, сгруппировав ее

следующим образом: 1) термины собственно словацкие (к которым мы относим слова, употребляемые на всей территории Словакии и известные в других славянских землях, и термины, характерные только для Словакии), 2) термины, заимствованные и 3) специфические закарпатословацкие.

К первой группе принадлежат церковные названия праздников, реалий, обрядов и традиционные словацкие нецерковные названия, типа: Všetkých svätých, Vianoční s'atki, Bože narodenie, Smrtná nedeľa, Biela sobota, Rusadle, Dušički, Lucia, Andreja, Popelec, Zelene S'ata, Turice atd'. Эта группа стабильна, термины, сюда входящие, более близки к названиям в католических календарях или тождественны им. С большой степенью вероятности такое положение можно объяснить сильным влиянием книжной продукции, средств массовой информации (некоторые информанты ссылались на передачи телевидения ЧССР). Однако термин Kľačun хоть и сохранился, но значение его несколько изменилось: это не Сочельник и не Рождество, а 2–3 дня рождества (с вечера 24 по 26 декабря), то есть он стал употребляться в значении термина Vianoce, который с данной семантикой встречается очень редко, а означает ночь с 24 на 25 дек., иными словами, он занял место термина Kľačun.

Также интересно отметить, что в Закарпатье встречаются почти все названия Духова дня, которые в Словакии распределены территориально. Причем одно название объясняется через другое. Однако, при подсчете выяснилось, что предпочтение отдается все же восточнословацкому хронониму Rusadle.

Идентичны собственно словацким и названия обрядов (игра "Вифлеем" – Betlehem с ряжеными: pascete, Ćort, Guba = Dedo = Stary = Fedor), реалий (баганок – фигурка из масла, hromničná svečka – громничная свеча, paska – паска, kľačun/kľačuník крачун, рождественский хлеб), персонажей и масок (уже упоминавшийся Кубо, маски Тура – Турош, антропоморфная маска Straško и др.), а также ритуальных действий (pomajit' – украсить зеленью на 1 мая и Троицу, vinčovac, koledovac – ходить с пожеланиями и песнями). В отличие от Словакии, где начался процесс отождествления последних двух терминов, в Закарпатье информанты ясно различали лексемы vinčovac – "ходить с пожеланиями

(в декламационной форме)" и koledovac – "колядовать, благопожелать /в песенной форме/", а также лексемы vinš "винш, пожелание" и kol'ada "коляда". Говорят, например, "Виншовать и колядовать ходили на Степана..." (Vinčovac a koledovac chodzili na Štefana...) и рассказывают новогоднее пожелание (винш):

Ja vam vinčujem na Novi rok
Nove šťesce, nove zdrave,
Hojne Božske požehnafe.
Я вам желаю на Новый год
Новое счастье, новое здоровье,
Большое Божье благословение...

и колядку:

Novi rok beži	Новый год бежит
V jaslíčkach leži	В яслицах лежит
syn Boží...	Сын божий...

Очевидно, различная семантика слов коренится в разной семантике обрядовых действий. Обычно "виншовать" ходил мальчик рано утром на Шедрый день (Сочельник) и на Новый год (ср. с полазником), а колядовали весь рождественский период и группы парней, и ряженые, и другие лица. Надо заметить, что в исследованных селах Закарпатья не была зафиксирована широко известная и многозначная в Словакии лексема polazník "полазник".

Что касается обряда "Похороны контрабаса" (basy chovajú), то он не только известен, но и развился в целое представление, похожее на "Игру в покойника" (Hra o umrlcovi) в Словакии.

Ко второй группе слов относятся заимствования. У словаков закарпатских сел канун Крещения, 5 января, отмечается так же, как и канун Рождества (или "половина того, что на Святой вечер"). Значимость этого дня закреплена терминологически: это Бабин вечер (Babin večer, Babin svätu večer и т. д.) Термин-хрононим Babin večer в данном случае является заимствованием, так же, как и сам обычай празднования этого дня. Доказательством его заимствования у украинцев служит: 1) отсутствие обряда и термина на территории Словакии; 2) совпадение его с украинским Бабин вечур (5 янв.)¹¹. Правда, в селах Угровской долины в Сло-

вакии зафиксирован термин *Babí deň*¹², но здесь и термин иной, и день – 31 дек., и об обрядности автор сведений не дает. У закарпатских словаков, по нашим данным, семантика слова *baba* такова: 1) замужняя или пожилая женщина; 2) бабушка, что определяется семантикой обряда: 1) "Babin večer. Maly svaty večer, polovka s toho, čo na Svaty večer. To bol Didov večer (24. 12), a baba slabša" ("Бабин вечер. Малый святой вечер, половина того, что Святой вечер. Тот был Дедов вечер (24 дек.), а баба слабее); "Babin večer. Baba priprichovala malu večeru – posno, a vipic" ("Бабин вечер. Баба приготовила небольшой ужин – постный, и выпить"); 2) "Babin večer. Tam gdje žije babička, všetki dzeci i vnuki idu do nej a tam večeraju z ňou" ("Бабин вечер. Там, где живет бабушка, все дети и внуки приходят и ужинают с ней"). И одно прямое указание на заимствование: "Babin večer – to je ruskí Svaty večer" (Бабин вечер – это русский Святой вечер – 5 янв.). Учитывая то, что у славян определенный день в году был посвящен чествованию бабок-повитух, можно предположить, что обряд существовал и у словаков, но затем исчез. Теперь, у закарпатских словаков, обряд приобретает новую семантику, которая определяется семантикой слова "баба".

Заимствованием является и термин *Blagovešćenje*. И традиция празднования 25 марта, и название праздника – восточно-славянские. В Словакии этот день (*Zvest'ovanie Panny Marie*) не отмечен обрядностью. Народные названия Благовещения сохранились в пословицах и поговорках: *Matka, Malá Matka*.

Среди имен Куба – комического персонажа игры "Бет-лехем" есть и одно заимствование: *Stary Hусо* (старый Грицо), где *Hусо* < укр. Гриц/Грицко < Григорий. В словацком языке вообще имя Григорий/Юрий существует только в форме *Juraj/Jurij*.

Несомненно под влиянием украинского языка появился термин *Ваган* (Баран) для обозначения маски Туроня. Оба названия употребляются на равных.

Хронимы *Jana Husa, Mistra Jana* (6 июля) заимствованы из чешского календаря, на что указывают и сами информанты. Аналогично, как на богемизм, указывают на обряд и термин *chodit' s pomlazkami* (ходить с прутиками).

В третьей группе собраны термины, не встречающиеся в словацких источниках. Большая их часть – лексемы, использующие иные способы номинации или словообразовательные морфемы, чем термины, бытующие в Словакии, но образованные от известных корней.

Kračunski s'atki – рождественские праздники, период с 24 дек. по 6 янв. Образовано терминологизацией простого субстантивного словосочетания, определяющий компонент которого – прилагательное, образованное от хронима *Kračun* с помощью суффикса *-sk-* со значением принадлежности. Определяемый компонент – слово нетерминологической лексики. Данный термин можно рассматривать как образование, аналогичное известным: *Vianočné sviatki* < *Vianoce*, следовательно, *Kračun* > *Kračunské s'atki*, т. к. "Kračun – to je Vanoce".

Vianočný večer – канун Рождества. Образовано по модели *Svaty večer, Štedý večer* от хронима *Vianoce*.

Didov večer – название Сочельника в противоположность крещенскому кануну (*Babin večer*). Интересно, что говоря о Святом вечере, информанты не называли его Дедовым, а говоря о Бабином вечере, вспоминали что "тот был Дедов". Термин образован по модели *Babin večer*.

Stromček – рождественское деревце. Термин образован способом семантической компрессии от словосочетания *vianočný stromček*.

Kristovo narodenje (= *Vože narodzeŕe*) – Рождество Христова. Это, возможно, либо аналогическое образование с заменой определяющего компонента словосочетания церковного термина (*Vožie narodenie*), либо влияние украинского языка (точнее, калькирование хронима Рождество Христово).

Svata troica – название трехколенной свечи. Термин образован с помощью метафорического переноса с названия праздника *Najsvätejšia Trojica*.

Strašny týždeň – Страстная неделя. Номинация на основе терминологизации простого субстантивного словосочетания, зависимый член которого – эмоционально-оценочное определение к временному понятию (неделя).

Prosiace dni – 3 дня перед Вознесением, "просящие дни". Номинация по основному обрядовому действию – прошению у

Бога урожая – на основе терминологизации простого субстантивного словосочетания, где зависимое слово – причастие наст. вр. несов. в. (ср.: *polazujúce dni, šibací pondelok*). *Polevanu, pondelok, polevanu utok* – “поливальные” понедельник и вторник после Пасхи. Номинация по основному обрядовому действию – обливанию водой.

Oltariki – название праздника Божье Тело. Номинация по главной обрядовой реалии – алтарикам, сделанным из березок. Способ номинации – терминологизация формы мн. ч. *S'ata Maria* – Номинация праздника Успения в соответствии с распространенным клише: “имя святого + определение “святой” (ср. *Sv. Juraj*).

Panna Maria – усеченное церковное *Nalebevstupenie Panny Marie*.

Pannej Marii – то же, что *Panna Maria*. Терминологизация формы Р. п. ед. ч.

Druhej Pannej Marii – “Второй Девы Марии” – название праздника Рождества Богородицы, следующего вскоре за Успением Богородицы. Также терминологизация формы Р. п. ед. ч.

Vačan – номинация маски Туроня по внешнему виду.

Majaliž – семантика термина и обряда неясна. Очевидно, имеется связь с лексемой *maj* (май).

Работа по сбору и обработке материала в словацких селах Закарпатья, несомненно, должна быть продолжена. Но уже сейчас, на основе этого небольшого исследования, можно сделать некоторые предварительные выводы.

1) Терминология календарных обрядов в Словакии и в Закарпатье в основе своей идентична, что объясняется сильной церковной традицией, большим авторитетом католической церкви в жизни словаков. 2) Среди терминов закарпатских словаков большой удельный вес заимствований из украинского языка (при сохранении всех доэмиграционных заимствований). 3) Терминологическая система календарной обрядности закарпатских словаков содержит собственные термины, которые образуются от известных в Словакии корней или по известным клише, но с использованием иных способов номинации и средств словообразования.

1. С. М. и Н. И. Толстые. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингвогеографический аспект) // *Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов*. – М., 1978.

2. С. М. и Н. И. Толстые. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // *Славянское языкознание. IX международный съезд славистов*. – М., 1983.

3. Markuš M. *Obradný štedrovečerný chlieb na východnom Slovensku* // *Slovenský národopis*. 1972. I. Murgašová J. *Formy a obradové pečivo z Dáčovho Lomu* // *Zborník slovenského národného múzea*, 56, 1962, *Etnografia*, 3.

4. Manga J. *Morena a jej mad'arské obmeny* // *Slovenský národopis*, 1956, 3–4.

5. Feglová V. *Prvky agrárnej mágie v zimnom zvykoslovnom cykle* // *Slovenský národopis*, 1975, 3.

6. Horváthová E. *Materiály zo zvykoslovných a poverových reálií na Hornom Spiši* // *Slovenský národopis*. 1972, 3.

7. Тезисы пражского лингвистического кружка. – М., 1967.

8. *Slovník slovenského jazyka*. – Zv. 1–6. – Bratislava, 1959–68.

9. Дзэндзелевская Н. И. Очерк фонетики восточно-словацких говоров на территории УССР // *Дисс. ... канд. филол. наук*. – М., 1975.

10. Dzendzelivská N. *Fonologický opis východoslovenských nárečí na území zakarpatskej oblasti USSR* // *Nové obzory*. – 20. – Prešov, 1978.

11. Богатырев П. Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Богатырев П. Г. *Вопросы теории народного искусства*. – М., 1971.

12. Horváthová E. *Rok vo zvykoch nášho ľudu*. – Bratislava, 1986.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА
В ТРУДАХ ЯНА СТАНИСЛАВА

Словацкое языкознание стало базироваться на научных основах на протяжении последнего полувека. Предшествующий период следует рассматривать как подготовительный. Становление словацкого языкознания тесно связано с деятельностью профессора Братиславского университета, выдающегося историка словацкого языка и известного слависта Яна Станислава, скончавшегося 29 июля 1977 г. Его неутомимая и целенаправленная работа в научной области вызывает подлинное уважение.

Ян Станислав родился 12 декабря 1904 г. в семье ремесленника в Липтовском Яне, той местности, язык которой издавна считался для Словакии образцовым и стал в значительной мере в своих фонетических и морфологических особенностях основой словацкого литературного языка. После завершения среднего образования в гимназии г. Липтовский Микулаш Станислав изучал славянскую и романскую филологию на философском факультете Университета им. Коменского в Братиславе. Трудлюбивый и способный студент становится ассистентом у выдающегося исследователя старославянского языка проф. М. Вейнгарта. Стремясь оставить после себя специалиста в области сравнительной грамматики славянских языков, Вейнгарт помог Станиславу получить стипендию в Карловом университете в Праге. Благодаря этому Станислав получил возможность овладеть методологическими достижениями тогдашней славистики в таких ее центрах, как Франция (Париж), Польша (Краков), Югославия (Любляна). В 1934 г. Станислав представил и защитил диссертацию на соискание степени кандидата наук в Пражском университете. Два года он был доцентом, в 1936 г. стал экстраординарным профессором в Братиславском университете, а в 1939 г. ординарным профессором сравнительной грамматики славянских языков и старославянского языка в том же университете. С тех пор вплоть до своей кончины он вел учебную, научную и воспитательную

работу в Братиславском университете. В 1956 г. он защитил докторскую диссертацию; в 1964 г. был избран членом-корреспондентом Словацкой АН, а в 1973 г. – чехословацкой АН.

Как свидетельствует практика, молодые словацкие языковеды начинают обычно или с изучения диалектологии, или с изучения проблем литературного словацкого языка. Собственно историческая проблематика из-за неизученности словацкой истории и отсутствия памятников словацкого языка глубокой древности привлекает молодых исследователей гораздо реже. Не был исключением в этом отношении и Я. Станислав.

Первая его опубликованная работа "Рефлексы праславянского носового е в говорах восточной части Липтова" (1927)¹ возникла в семинаре проф. Вейнгарта. Уже в этой ранней статье Станислав стремится применить методику лингвистической географии к разбираемым явлениям и опереться на новую научную литературу. Следует заметить, что отмеченное направление в научной деятельности молодого лингвиста находилось в полном соответствии с потребностями славистики того времени. Ведь именно период между двумя мировыми войнами явился временем развертывания диалектологического изучения всех славянских языков со стремлением обогатить материальную и методологическую базу сравнительно-исторического славянского языкознания. Точной фонетической записью отмечены "Несколько сказок из восточной части Липтова"².

Первая большая работа Я. Станислава "Липтовские говоры" (1932) до сих пор остается самой обширной монографией по словацкой диалектологии. Посвященная описанию одного из среднесловацких диалектов книга содержит разделы фонетики, морфологии, синтаксиса с приложением обширных текстуральных материалов³. В ней отсутствуют лишь разделы по словообразованию и лексике. Описав пространство отдельных явлений, автор устанавливает изоглосы, указывающие на диалектное членение Липтова, стремится поставить последние в связь с историко-экономическим развитием округа, в частности, с его заселением и феодальным делением. Этот подход

весьма важен, ибо крестьянские говоры Словакии до сих пор, как правило, отражают языковую раздробленность эпохи феодализма, а в отдельных случаях и следы более давнего племенного деления (как это показал Р. Крайчович на западнословацком материале).

При обзоре истории Липтовского округа, особенно его колонизации с начала XII в., Станислав, вслед за А. Гущавой, основную роль вводит колонизационным движениям с юга, прежде всего из Зволена, с востока – из Спиша и с запада – с Оравы и верхнего Тренчина. Фонетическая система липтовских говоров описана с опорой на экспериментально-лабораторное изучение прежде всего собственного произношения автора, уроженца этого округа. Морфологическая система представлена в традиционном плане, без попытки выхода за каноны младограмматической традиции. Много места занимают в работе указания на родственные или близкие словацким явления в других славянских языках, что должно было показать осведомленность и широкую информированность автора. Вместе с тем это свидетельствовало о намерении автора в будущем создать синтетический труд по истории словацкого языка с подчеркиванием общеславянского фона чисто словацких явлений и процессов.

Наряду с работами в области диалектологии Я. Станислава занимают также вопросы развития и истории словацкого литературного языка и старославянская проблематика. Первым трудом, касающимся литературного языка, явилась новаторская статья "Заметки об отношении "Науки речи словацкой" Штура и липтовского говора" ⁴. Интимно владея материалом липтовских говоров, Станислав поставил перед собой задачу выяснить, в какой степени фонетика и морфология этих говоров отразилась в кодификации словацкого литературного языка, произведенной Штуром и его последователями в 40-х годах XIX в. Оказалось, что сложившиеся взгляды о липтовской базе языка Штура несостоятельны. Штур не опирался на какое-то конкретное наречие или говор, а ориентировался на своеобразное среднесловацкое койне, кодифицировал лишь те фонетико-грамматические элементы, которые объединяли всю территорию словацкого языка. В последние годы эта точка зрения стала общепризнанной.

Однако слабая изученность проблем среднесловацкого койне не дает возможность установить время его возник-

новения. В настоящее время можно выдвинуть только гипотезу об общественной базе и функциях культурного среднесловацкого языка. Это, очевидно, был общенародный разговорный язык, который до возникновения словацкого литературного языка (и позднее) использовало городское население, мелкопоместные дворяне и немногочисленная интеллигенция средней Словакии. Этот культурный язык обладал коммуникативной и художественной функциями. Весьма важна проблема языковых обстоятельств, создавших условия для возникновения культурного языка. Теоретически можно выдвинуть две возможности: или это диалектное образование, которое захватило соседние западнословацкие и восточнословацкие области в качестве орудия общения, или это интердиалект (народное койне) – интеграция и обобщение среднесловацких говоров без более точного географического выделения. Черты феодальной раздробленности, отсутствие объединительных и авторитетных центров и, наконец, наддиалектный характер кодификации Штура свидетельствуют скорее о языковом образовании второго типа. Следовательно, культурный среднесловацкий язык – это интердиалект, объединяющий значительную территорию, на которой одновременно существуют и местные говоры ⁵.

Не сторонился Я. Станислав и вопросов развития современного словацкого литературного языка. В синтетическом труде о славянских литературных языках, составленном М. Венгартом, Станислав написал раздел о словацком языке ⁶. Хотя в период буржуазной Чехословацкой республики вопрос о функциях и статусе словацкого литературного языка был предметом резкой полемики и всяческих спекуляций как со стороны сторонников "единого" чехословацкого языка, так и со стороны националистически настроенных публицистов, Я. Станислав в своем обзоре весьма своевременно, анализируя первые выпуски журнала "Словацкая речь", выступил против перегибов словацких пуристов и стремления к радикальной реформе словацкого правописания.

Для своих слушателей в университете и учителей словацкого языка Станислав издает учебник "Чехословацкая грамматика" (1938) ⁷. Эта книга содержит ясные и

доказанные сведения по исторической грамматике двух близко родственных языков – чешского и словацкого, излагает обзор чешских и словацких диалектов, приводит образцы письменных памятников прошлого и рассказывает об истории чешского и словацкого литературных языков. Напоминание о языковой близости словаков и чехов перед Мюнхенским диктатом придавало этому учебнику и ярко выраженное политическое звучание. По мнению Э. Йоны, именно эта книга стала зародышем пятитомного труда Станислава "История словацкого языка"⁸.

К юбилею А. Бернолака Станислав предпринял издание двух его трудов – "Диссертации" и "Орфографии" – и опубликовал их филологическое издание с подробным комментарием⁹.

Старославянскому языку и кирилло-мефодиевской проблематике Станислав посвятил в этот период также несколько работ. К ним относятся, в частности, заметка о состоянии изучения Фрейзингенских отрывков¹⁰, перевод на словацкий язык панноно-моравских житий Константина и Мефодия¹¹, обширное исследование о дательном самостоятельном в старославянских памятниках¹², о состоянии изучения чехословацких элементов в старославянских памятниках¹³, о вельможах Прибины¹⁴, о словацкой литургии и резиденции Мефодия и Горазда¹⁵, наконец, монография о Кирилле и Мефодии и их деятельности в Великой Моравии¹⁶.

Наиболее полно и целенаправленно Я. Станислав отразил словацкий вклад в историю старославянского языка и охарактеризовал языковые особенности Великой Моравии в последней своей работе "Старославянский язык"¹⁷, которая предназначалась в качестве учебника и осталась незавершенной. Фактически автор успел написать историко-филологическое введение к курсу старославянского языка. Введение понято широко, осуществлено с размахом, отражает множество предшествующих частных исследований самого автора и других ученых.

По убеждению Станислава, письменность у дунайских славян (в современных Словакии и Моравии, а также в древней Паннонии) появилась уже во второй половине VIII в. и была связана с деятельностью ирландских и вос-

точнофранкских миссионеров. Славянские первоучители принесли созданный ими язык уже в культурную и христианизированную область. Они не были миссионерами. Об этом свидетельствует и просьба Ростислава, обращенная к византийскому императору, прислать епископа и учителя (скорее всего знатока тогдашних юридических установлений).

При таких допущениях становятся более понятными особенности некоторых памятников моравского извода (Киевских листков, Пражских глаголических отрывков). 250 славянских личных имен в Цивидальском евангелии (среди них имена Прибины, Ростислава, Коцела и т. п.) восходят ко второй половине VIII в. Возможно, что *Pater noster*, *Credo*, некоторые молитвы и исповеди, отрывки евангелия, деяний апостольских и части псалтыри были известны в славянских вариантах до кирилло-мефодиевской эпохи. Во всяком случае, наличие заимствованной лексики из латинского и немецкого языков в таком случае получает удовлетворительное объяснение.

Вместе с тем Станислав продолжает исследование словацких диалектов, поднимая важные вопросы их происхождения и взаимоотношения с другими славянскими и неславянскими языками. Он заново освещает давний вопрос о южнославянских элементах в среднесловацком наречии¹⁸, стремясь доказать их происхождение древнейшими связями южных славян с предками носителей среднесловацких говоров. Касается он и острой проблемы происхождения восточнословацких говоров, которую он поднял в докладе на II съезде славистов (Варшава, 1934) и которой посвятил позднее обширное исследование¹⁹. Poleмика, вызванная выступлением Я. Станислава, в которой приняли участие Фр. Травничек, Зд. Штибер, Н. Ван-Вейк, Ш. Книежа и др., имела положительное значение.

Изучение южнославянских элементов в словацком языке, исследование кирилло-мефодиевской традиции на словацкой территории, стремление определить границы и пределы словацкой этнической территории в давние времена привели Я. Станислава к поиску исторических источников, которые могли бы пролить свет на эти проблемы. У него созревает мысль, что таким источником может стать

анализ антропонимов и топонимики Дунайско-карпатского региона. Станислав публикует множество статей и заметок о топонимических названиях²⁰. Некоторые работы имеют очень важное значение, так как вводят в научный обиход новые материалы. Станислав тщательно обследует с указанной целью сохранившиеся венгерские грамоты эпохи средневековья, используя также труды венгерских историков и лингвистов (Я. Мелиха, Ш. Книежи, Е. Моора и др.). Анализируя ономастику, характеризующую отдельные округа бывшей Венгрии, Станислав стремился определить границы западнославянского этнического массива на юге и востоке современной Словакии.

Монументальным итогом этой работы явилась двухтомная монография "Словацкий юг в средние века" (1948)²¹. В первом томе содержится описание расселения, установленного по материалам ономастики, во втором томе помещен словарь имен с этимологическими объяснениями, в качестве приложения выступают 10 карт. Критические замечания, высказавшиеся в адрес книги, были в основном справедливы. Во-первых, привлеченный материал очень неоднороден, относится к различным эпохам; во-вторых, в средние века национальные отношения не носили того характера, который они приобрели в новое время; в-третьих, решение проблем этнических границ требует комплексного подхода и едва ли целиком может опираться на ономастику.

Я. Станислав всегда стремился к популяризации достижений языковедческой науки. Прекрасными образцами такого отношения являются две его книги, основывающиеся на лексическом анализе словацкого языка, в частности на антропонимике, топонимике и гидронимике: "По следам предков" и "Из жизни слов и наших предков"²².

С 1950 г. Я. Станислав приступает к подготовке главного своего труда, фундаментальной "Истории словацкого языка", которая вылилась в пятитомное сочинение и была закончена изданием в Словацкой академии наук в 1973 г.²³ По фундаментальности, богатству исследуемого материала, извлеченного как из памятников письменности, так и из народных говоров, этот труд является в послевоенный период самой обширной работой по истории одного из сла-

вянских языков. Он не только отражает уровень достигнутого прогресса в изучении истории словацкого языка, но и обогащает славистику вообще.

Прежде история чешского и словацкого языков обычно освещалась недифференцированно. Это относится прежде всего к работам Я. Гебаура и Фр. Травничека²⁴. Травничек, привлекая к рассмотрению ценный словацкий диалектный материал, разделял политическую концепцию своего времени, состоявшую в признании единого чехословацкого народа и соответственно языка, который якобы выступает лишь в двух литературных вариантах – чешском и словацком.

В русской лингвистической литературе словацкому языку со времен Бодянского и Срезневского отводилось самостоятельное место в кругу славянских языков. Так поступил и Т. Д. Флоринский в своих "Лекциях по славянскому языкознанию"²⁵, встретив энергичные возражения со стороны историков чешского языка (Ф. Пастернек, И. Полипка, В. Вондрак), указывавших на лингвистическую непрерывность в чехословацкой языковой области и отсутствие четко выраженных границ между территориями распространения обоих языков. Между тем для языкового обособления не столь важны дифференциальные языковые признаки и даже их совокупность. Определяющим моментом при этом выступают общественно-политические факторы, наиболее четко проявляющиеся в национальном самосознании. А. М. Селищев также рассматривал словацкий язык в качестве самостоятельной языковой единицы, хотя по соображениям методического порядка и излагал исторические факты словацкого языка параллельно чешским²⁶.

"История словацкого языка" Я. Станислава родилась на основе университетских лекций. Вначале она и издавалась на ротапринте (1955–1965). "Большой интерес студентов и их постоянные просьбы издать словацкую историческую грамматику привели к тому, что этот труд выходит прежде, чем изучены все возможные письменные памятники. Я поступаю так вполне сознательно, чтобы создать молодым работникам базу, на которую они могли бы опереться в своей последующей работе", – писал автор.

Первый том "Истории словацкого языка" содержит большое введение в историческую фонетику. Введение посвящено обзору источников словацкого языка, замечаниям о различных системах правописания в эпоху раннего средневековья, периодизации истории языка. Далее следует изложение первых известий о славянах, замечания о происхождении и прародине славян. Несколько разделов отведены лингвистическим и культурно-историческим доказательствам наличия словацкого этнического элемента в таких областях, как Паннония, верхняя и средняя Тисса, а также характеристике культурного языка в древней Словакии. Введение завершается обзором словацких диалектных групп и сведениями об их взаимоотношении.

Основным источником для суждений о фонетической структуре древнесловацкого языка являются топонимические и личные имена в латинских грамотах, исходящих от венгерских королей или духовных магнатов. Позднее, в конце XIV в., появляются чешские памятники, указывающие на словацкую языковую среду. Именно с этого времени Я. Станислав тщательно ограничивает словацкие фонетические и морфологические особенности от чешских, опираясь на показания современных диалектов. Именно подобное выделение словакизмов и позволило Станиславу создать свой курс.

В периодизации истории словацкого языка автор исходит не из лингвистических, а общественно-исторических факторов. До XI в., по его мнению, существовал надплеменной союз моравско-словацких племен, элементы языка которого и проникали в язык старославянских памятников. Особенности языка великоморавской народности извлекаются не только из старославянских памятников, но также из венгерской лексики, заимствованной из Моравии, и Цивидальского евангелия, на полях которого записывали свои имена моравские и паннонские паломники в северо-восточную Италию в VII-IX вв. Эпоха феодализма (XI-XV вв.) образует второй этап развития словацкого языка. Период с XV в. до конца XVIII в. – третий период, связанный с ростом городов и усилением влияния городского элемента. С конца XVIII в. начинается новый период истории словацкого языка, когда начинает заметную роль играть литературный язык на местной основе.

В изложении путей расселения славян и взаимоотношения отдельных славянских диалектов Станислав опи-

рается на работы польских языковедов и историков – Лера-Сплавинского, Чекановского и Мошинского. Спорным представляется раздел, посвященный средневековой словацкой этнической территории, в частности путям развития среднесловацкой диалектной группы. В изложении чувствуется скрытая полемика с теми венгерскими лингвистами (прежде всего с Ш. Книежей), которые полагают, что Паннония была заселена южнославянскими племенами. Многие материалы и замечания автора о западнославянском характере населения северной Паннонии представляют большой интерес. Что касается Моравской области и особенно территорий за Белыми Карпатами, то в западнославянском населении этой области трудно сомневаться, однако позднейшие немецкие поселения, турецкий погром и моравская колонизация резко изменили состав населения и его языковые особенности. Все попытки словацких лингвистов, в том числе и Станислава, доказать среднесловацкий характер языка давнего населения в этой области носят пока весьма гипотетический оттенок.

Очень убедительно выглядит раздел о богемизмах в старославянских памятниках. Автор собрал ценный материал лексического и фонетического характера, который позволяет более наглядно представить возникновение моравского культурного языка и судьбу последнего в кирилло-мефодиевскую эпоху.

Раздел исторической фонетики распадается на две части: первая посвящена фонетическим явлениям, относящимся к эпохе диалектного членения праславянского языка, и содержит материал, указывающий на словацкие особенности так наз. доисторической эпохи. Во второй рассматривается исторический период в истории гласных, согласных, ударения и количества. Изложение материала ведется в традиционном плане, когда каждый звук разбирается обособленно, показываются происшедшие изменения и конечные рефлексы в разных диалектных группах в словацких и заимствованных словах (с субституцией) с конца X в. до современности. Скрупулезно отмечается передача того или иного звука в древнейших записях, дается истолкование орфографических фактов, указывают-

ся особые случаи, а также развитие в чешской области с констатацией эвентуального влияния на словацкий.

Порицать автора за атомистический подход, не позволяющий создать системное восприятие и показать взаимозависимость фонетических изменений, было бы не совсем справедливо. Следует учесть, во-первых, недостаток подготовительных работ по словацкой фонетике и фонологии, во-вторых, отсутствие непрерывной и длительной письменной традиции языка. Однако некоторые просчеты автора очевидны.

Я. Станислав, разбирая историю гласных и согласных в отрыве друг от друга, не учитывает, что структурной единицей, объединяющей их, на протяжении исторического периода был слог. О структуре слова и ее изменениях в ходе исторического развития мы ничего не узнаем из его книги. Между тем многие фонетические явления процессы дифтонгизации гласных, возникновение вставных гласных, явления начала и конца слова, депалатализация согласных и т. п. при ином подходе перестали бы быть случайными и получили бы логическое и лингвистическое обоснование. Точно так же история редуцированных не связывается с последующей перестройкой фонетической системы словацкого языка. Наконец, возникает вполне закономерный вопрос: что мы восстанавливаем за сложной и противоречивой орфографией средневековых памятников – конкретные звуки с их акустическими признаками или фонемы с их довольно абстрактными дифференциальными показателями. Думается, что фонологический системный подход гораздо адекватнее при изучении давних эпох истории языка.

Второй том книги целиком посвящен исторической морфологии. Он складывается из разделов о склонении, спряжении и неизменяемых словах. Перед каждым разделом дается обзор общих тенденций словацкого склонения или спряжения. В склонении, например, отмечены: утрата прежней классификации по тематическим показателям, развитие категории одушевленности и личности, ослабление родовых различий во множественном числе, взаимодействие между твердыми и мягкими вариантами склонения, частичная утрата результатов палатализации в

основах, утрата звательной формы и двойственного числа, взаимодействие именного и местоименного склонений, формирование категории числительных и др.

Третий том содержит тексты. Собственно словацкому языку посвящены III и IV разделы ("Древние словацкие языковые памятники" и "Из старочешских памятников"). Основным критерием отбора текстов было наличие в них характерных словакизмов. Важно отметить, что 15 текстов из 42 публикуются впервые.

Два тома исторического синтаксиса вводят в научное обращение огромный материал. С трудом можно поверить, что этот материал обработал и систематизировал один человек. В четвертом томе содержится детальное изложение синтаксиса падежных форм, а в пятом – материал по различным типам простого и сложного предложения.

Словацкое и славянское языкознание теперь располагают обобщающей работой по истории словацкого языка. После ее появления стала особенно ясна необходимость дальнейшего углубленного изучения словацких памятников как литературного, так и делового характера, а также обследования словарного состава словацкого языка до XVIII в.

Я. Станислав в своей научной деятельности часто касался вопросов истории языкознания и русско-словацких культурных связей. В особенности много сделал он для освещения словацких материалов в творчестве Й. Добровского. Несколько работ Станислав посвятил русско-словацким культурным связям. В статье "К вопросу о взаимоотношениях между Московским университетом и словаками: М. П. Погодин и О. М. Бодянский и словаки"²⁷. Я. Станислав подчеркивал, что словацкий язык изучается в Москве со времен Бодянского до настоящего времени, что "каждый словак с уважением и благодарностью относится к этой благородной традиции". В 1957 г. Станислав издал сборник документов "Из русско-словацких культурных связей во время Яна Голлого и Людовита Штура"²⁸.

На протяжении всей своей научной деятельности профессор Станислав живо откликался на важные события в культурной и языковедческой жизни, постоянно пропагандировал проблемы языкознания, своевременно реагировал

на наиболее важные работы по словацкому и славянскому языкознанию, выходящие как в Чехословакии, так и в других славянских странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Stanislav J. Striednice za praslovanské nosové e v nárečiach východnej tretiny Liptova. – Bratislava, I, 1927. S. 362–374.
2. Stanislav J. Niekoľko rozprávok z východnej tretiny Liptova // Sborník Matice slovenskej, 7, 1929. S. 1–48.
3. Stanislav J. Liptovské nárečia. Martin, 1932. 562 s.
4. Stanislav J. Poznámky o pomere jazyka Štúrovej "Nauky reči slovenskej" a liptovského nárečia // Slovenská miscellanea. – Bratislava, 1931. S. 164–179.
5. Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. – Bratislava, 1974. S. 267–269.
6. Stanislav J. Spisovný jazyk slovenský // Slovenské spisovné jazyky v době přítomné. – Praha, 1937. S. 61–106.
7. Stanislav J. Československá mluvnice pro odborných učitel'ov a vysokoškolákov. – Praha-Prešov, 1938. 235 s.
8. Jóna E. K šest'desiatke profesora Jána Stanislava // Jazykovedný časopis, XV. – Bratislava, 1964. S. 179.
9. Stanislav J. K jazykovednému dielu Antona Bernoláka. Kritické vydanie spisov Dissertatio a Orthographia. – Bratislava, 1941. 120 s.
10. Stanislav J. Doterajšie výskumy o Frizinských pamiatkach. Kriticko-bibliografický prehľad // Byzantinoslavica, 4. – Praha, 1932. S. 303–331.
11. Životy slovanských apoštolov Cyrila a Metoda. Zostavil a preložil J. Stanislav. – Praha, 1933; 3 vyd., Martin, 1950, 224 s.
12. Stanislav J. Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine // Byzantinoslavica, 5. – Praha, 1933–1934. S. 1–112.
13. Stanislav J. Dnešný stav otázky československých prvkov v staroslovienských pamiatkach // Ríša veľ'komoravská. – Praha, 1933. S. 491–532.
14. Stanislav J. Pribinovi veľ'moži // Linguistica Slovaca, 1–2. – Bratislava, 1939–1940. S. 118–147.
15. Stanislav J. Slovienska liturgia na Slovensku a sídlo Metodovo a Gorazdovo // Historica slovaca, 1–2. – Bratislava, 1940–1941. S. 5–43.
16. Stanislav J. Slovanskí apoštolí Cyril a Metod a ich činnosť vo Veľ'komoravskéj ríši. – Bratislava, 1945. 91 s.
17. Stanislav J. Starosloviensky jazyk. – Bratislava, 1978. 280 s.
18. Stanislav J. Problém juhoslovanských prvkov v strednej slovenčine // Slavia Occidentalis, 12. – Praha, 1933. S. 148–157.
19. Stanislav J. Pôvod východoslovenských nárečí. – Bratislava, 9, 1935. S. 51–89.
20. Наиболее полную библиографию работ Я. Станислава за 1925–1964 гг., составленную Л. Двончем, см. в: Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica [A]. – Bratislava, Roč. XVI, 1964. S. 183–200.

21. Stanislav J. Slovenský juh v stredoveku. I–II. – Turč. sv. Martin, 1948. – 664 s. + 673 s. + 10 mapových príloh.

22. Stanislav J. Po stopách predkov. – Bratislava, 1948. – 202 s.: Zo života slov a našich predkov. – Bratislava, 1950. 95 s.

23. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. Bratislava, 1956. 590 s.; II. Tvaroslovie. – Bratislava, 1958. 743 s.; III. Texty. Bratislava, 1957. 326 s.; IV. Syntax 1. Pádová syntax. – Bratislava, 1973. 416 s.; V. Syntax 2. Vety a súvetia. – Bratislava, 1973. 612 s.

24. Gebauer I. Historická mluvnice jazyka českého. Díl I–IV. Vídén-Praha, 1894–1929. Trávníček F. Historická mluvnice československá. – Praha, 1935.

25. Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию. П. – Киев, 1897. С. 220–344.

26. Селищев А. М. Славянское языкознание, I. – Москва, 1941. С. 27–218.

27. Stanislav J. Zo stykov moskovskej univerzity so Slovákmi: M. P. Pogodin a O. M. Bod'anskij a Slováci // Pražská universita moskovské universitě. – Praha, 1954. S. 52–62.

28. Stanislav J. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a Ľudovita Štúra. – Bratislava, 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

К. В. Лифанов (Москва). Статус категорий одушевленности-неодушевленности, анимальности и персональности в словацком языке . . .	3
Ян Качала (Братислава). Переход неспрягаемых глагольных форм в другие части речи	19
Л. Н. Смирнов (Москва). Словообразовательные типы <i>Nomina abstracta attributivitat</i> в литературном словацком языке эпохи национального возрождения	34
Л. П. Рупосова (Москва). К проблеме демократизации и интернационализации специальной лексики (на материале словацкой терминологии литературоведения)	81
Клара Бузациова (Братислава). Названия действий в современном словацком языке	98
М. Ю. Семенова (Москва). К характеристике некоторых типов гибридных слов в современном словацком языке	117
Элла Секанинова (Братислава). Начинательный способ действия в русском и словацком языках	154
Е. Д. Штырева (Москва). К вопросу о взаимодействии категории вида с глагольной лексикой (на примере некоторых лексико-семантических групп глаголов в словацком и русском языках)	166
Р. Х. Тугушева (Санкт-Петербург). Сопоставительный анализ экспрессивной лексики в близкородственных языках	179
П. П. Чучка (Ужгород). Фамилии закарпатских словаков	202
М. М. Валенцова (Москва). Терминология календарной обрядности словаков Закарпатской области Украины	222
Н. А. Кондрашов (Москва). Проблемы истории словацкого языка в трудах Яна Станислава	240

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛОВАЦКОМУ ЯЗЫКУ

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики РАН

Технический редактор З. М. Гирфанова

Сборник набран на композере Института

Подписано в печать . 06. 92. Формат бумаги 60 X 90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,01. Уч.-изд л. 13,1 Тираж 300 экз. Заказ № 160.

Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере ВНИПИСтатинформа Госкомстата РФ.

